

Н.В.Анисимцев

**Историография
Китая и Японии:
актуальные
вопросы и тенденции**

Москва
2015

УДК 94(510+520):930
ББК 63.3(5Кит)+63.3(5Япо)
А67
ISBN 978-5-9906970-2-7

А67 Историография Китая и Японии: актуальные вопросы и тенденции – Н.В.Анисимцев – М.: Типография «ВАШ ФОРМАТ», 2015. – 170 с.

В книге представлены статьи и публичные выступления, интервью последних лет, посвящённые проблемам изучения истории и современности Китая и Японии, их взаимоотношений. В книге даётся теоретический анализ взглядов и подходов в российской синологии к изучению проблем модернизации КНР в период после 1978 г. Также, освещается история изучения Японии в Китае с древности до наших дней.

ISBN 978-5-9906970-2-7

УДК 94(510+520):930
ББК 63.3(5Кит)+63.3(5Япо)

© Анисимцев Н.В., 2015

Фото на первой обложке:
скульптура перед
книжным магазином
«Сидань», г. Пекин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретические проблемы модернизации КНР: очерк российского китаеведения (1978-2015 гг.).....	04
История китайского японоведения: прошлое и настоящее.....	66
Российская историческая наука помнит о военных преступлениях Японии. Доклад 01. IX. 2014 г. на международной научной конференции в Пекине.....	146
Интервью Центральному телевидению КНР – ССТV. 2015. V. 19.....	157

Теоретические проблемы модернизации КНР: очерк российского китаеведения (1978-2015 гг.)

В статье даётся аналитический обзор исследований российскими учёными-синологами преобразований в КНР «периода реформ и открытости» (с 1978 года). Автор исследует понятия «модернизация», «контемпораризация». К числу основных черт, особенностей освещения российским китаеведением преобразований в Китае, а также, и самих преобразований автор относит евразийство, градуализм, «публицитет». Представлены разные аспекты, направления китаеведческих исследований – цивилизационная и идеологическая проблематика, экономические исследования, проблемы становления гражданского общества, реформирования политической системы, исследования исторического ретроспективного характера.

Основные термины: модернизация, контемпораризация, евразийство, градуализм, публицитет.

Масштабные реформы, всесторонние преобразования, начало которым положено решениями 3-го пленума ЦК КПК XI-го созыва, состоявшегося в ноябре-декабре 1978 г., получившие в нашей литературе наименование «модернизация» КНР, уже свыше трёх десятков лет являются предметом внимания, анализа многих отечественных учёных. Даже не претендуя на охват всего богатства российской науки по данному предмету, тем не менее, можно констатировать, что достигнуты весомые результаты в сборе материала, анализе, понимании и прогнозировании самой новейшей истории КНР, и эти результаты заслуживают того, чтобы стать материалом специального историографического исследования.

Попытки подобного историографического исследования ранее уже предпринимались в отечественной синологии ¹.

---

¹ Васильева Е.А. Китайская модель модернизации в работах отечественных исследователей <http://izvestia.asu.ru/2010/4-3/hist/TheNewsOfASU-2010-4-3-hist-05.pdf>; Островский А. Китайская экономическая реформа в новейшей российской историографии (1991 - 2000) / Проблемы Дальнего Востока, 2013, №6, сс.65-75.; Смирнов Д.А. Изучение политической

Исследователи-историографы отметили, что само изучение модернизации Китая, и, в широком смысле, новейшей истории КНР прошло несколько различных этапов.

Первый период с начала реформ в КНР в СССР и России внимание к китайским реформам характеризовалось скептической реакцией. Позднесоветское руководство воспринимало мир догматически: оно либо замалчивало реальные перемены в Китае, либо расценивало их как ревизионистские отступления от марксизма-ленинизма и "генеральной линии" КПСС.

Пришедшие им на смену радикально-либеральные реформаторы оказались ещё более фанатичными приверженцами догм (теперь либеральных) и так же предпочитали игнорировать успешный опыт развития КНР: ибо успехи китайских реформ, протекавших под руководством коммунистической партии и в хорошо продуманном стиле, приносившие КНР реальные улучшения всех сторон жизни, бросали тень на бездумную антисоциальную и радикальную идеологию российских "младореформаторов". Общее пренебрежение к науке, планированию, характерное правлению тех лет, было дополнено и "классовой" антипатией к китаеведению, проявившейся и в отсутствии социального государственного заказа на синологические исследования, и в пренебрежении кадрами учёных-специалистов, которые часто были вынуждены оставить свою профессиональную стезю. Не удивительно, что на этом фоне расцветали профанные суждения дилетантов и политически ангажированных личностей, которые то предрекали скорый кризис Китаю, то приписывали его успехи исключительно магической силе отдельных новшеств либерально-рыночной природы.

системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы / Проблемы Дальнего Востока, 2013, №6, сс. 76-88.; Виноградов А. Изучение моделей развития Китая в России в 1990-х годах / Проблемы Дальнего Востока, 2013 №2, сс. 137-145.

Подобным тенденциям противостояли учёные-синологи, в большинстве своём работавшие под сенью Института Дальнего Востока РАН, возглавляемого академиком М.Л.Титаренко. С конца 1980-х и в 1990-х годах, они, основываясь на всестороннем анализе развития КНР (ВВП которой к середине 1990-х годов сравнялся с российским), смогли в своих трудах создать объективную картину бесспорных успехов развития экономики и общества КНР, при этом одновременно объективно информируя общество о сохраняющихся проблемах и трудностях развития.

Значительную роль в этом сыграли труды М.Титаренко, В.Портякова, А.Островского, О.Борох, Л.Кондрашовой, Л.Бони, Л.Волковой, Г.Ганшина, И.Шевель, Е.Авдокушина, Л.Новосёловой, Е.Селивановой, И.Наумова, П.Каменнова, М.Потапова, и многих других. Они отслеживали важные для понимания трансформации КНР проблемы соотношения государственного регулирования и рыночного саморегулирования, объективно оценивали реальные достижения истекшего «периода реформ и открытости», взвешенно прогнозировали вероятность полного перехода к рыночной экономике и соответствующей трансформации социально-политических институтов. Их суммарными усилиями, предпринимавшимися на фоне прогресса растущей китайской экономики, удалось преломить негативные тенденции в изучении и осмыслении китайского эксперимента, отстоять объективно-научный подход в китаеведении.

Новый этап в развитии китаеведения обозначился с конца 1990-х годов. К этому времени либерально-экономический радикализм по образцам «вашингтонского консенсуса» растерял в России свой первоначальный кредит доверия, продемонстрировав свою бесплодность и пагубность на российской почве. С другой стороны, Китай успешно вышел из азиатского экономического кризиса 1997-1998 гг. На этом фоне в России произошла смена высшего

государственного руководства. Перемены отразились и в существенном оживлении китаеведческих исследований в стране. С этого времени китайский путь развития в понимании научной общественности получает прочный статус самостоятельной модели социального развития. Исследования расширяются не только в количественном измерении; принципиально расширяется их тематика – объектом всё более многочисленных исследований становятся все прочие аспекты общественного развития Китая, изучение КНР приобретает подлинно комплексный характер. Модернизация Китая с этого времени оказывается в фокусе научного и политического внимания широких кругов российских учёных-международников, ареной идейного столкновения различных научных школ и политических направлений.

Научная литература, посвящённая рассмотрению преобразований современного Китая, начавшихся в 1978 году, демонстрирует впечатляющее разнообразие научных подходов и интересов, концепций и точек зрения, взглядов и оценок.

Изобилуют исследования экономического характера. Но всё больше появляется и работ исторического, цивилизационного, философского, политологического, правоведческого характера. Модернизация КНР предстаёт как «переход от командно-административной экономики к рыночной», и одновременно как строительство «социализма с китайской спецификой». Некоторые исследователи говорят о международном значении китайского опыта модернизации, другие настаивают на его уникальности.

Среди наиболее удачных опытов краткого, но ёмкого теоретического описания и определения китайской модернизации стоит выделить, к примеру, выступление Салицкого А.И.¹, а среди работ самого последнего времени – статью академика Титаренко

---

¹ Салицкий А.И. Китай: универсальная модель модернизации? – МЭиМО, 2009, №7, сс.43-55.

М.Л.¹ (он исследует социалистический характер модернизации Китая), наблюдения Н.Л.Мамаевой².

С учётом огромного разнообразия концептуальных подходов, точек и углов зрения, тематической многослойности проблем модернизации, есть смысл профессиональный разговор о модернизации КНР начать с предварительного анализа, определения самого понятия «модернизация», чтобы ввести всё многообразие научного потока в некоторое единое русло, систематизированное рассмотрение.

По нашему скромному мнению, термин «модернизация», принятый в современной русскоязычной литературе для обозначения реформ в КНР, не удачен, не вполне корректен, затуманивает важные вопросы, смешивает разные аспекты проблемы. Необходимо взглянуть на реформы КНР в более широкой, всемирно-исторической ретроспективе.

Современная европейская концепция исторического прогресса является порождением Нового времени, она восходит к позднеренессансному мыслителю неаполитанцу Джамбаттиста Вико. Как писал Д.Вико в своём труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725 г.), : «Порядок вещей человеческих таков: сначала были леса, потом — хижины, затем — деревни, после — города, наконец — Академии»³. Вико (о котором К.Маркс писал: «Немало проблесков гениальности») по сути дела предвосхитил позднейшую концепцию развития и смены общественно-экономических формаций на основе развития производительных сил (материальных и культурных) человечества. «Леса» и «хижины» –

---

¹ Титаренко М. О феномене китайского социализма (размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) / Проблемы Дальнего Востока, 2013, №2, сс.3-24.

² Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. – М.: 2007, сс.12-17.

³ Вико, Джамбаттиста. Основания новой науки об общей природе наций. // Джамбаттиста Вико. – М.—К.: «REFL-book» — «ИСА», 1994. , с.91

очевидно, это стадии, обозначенные позднее Ф.Энгельсом, как дикость и варварство, соответственно. «Деревни» – аграрные культуры, «города» – индустриальные культуры и общества, «академии» – пост-индустриальная стадия, информационное общество как высшая ступень развития человечества.

Особенною, привлекательной чертой исторической концепции Вико является «градуализм», представление о постепенности, поэтапности исторического развития человечества. Поэтапность – это не просто плавность развития и преобразований, отсутствие рывков и толчков, революций. Градуализм рассматривает исторический прогресс *вне связи с его социальными формами*, просто как процесс восхождения человечества по ступеням материального и культурного развития, как подъём производительных сил. Ценность концепции Вико в том, что она помогает избежать серьёзного заблуждения: популярная среди марксистов концепция «диалектической спирали» смены общественно-экономических формаций может истолковываться так, что смена социальных форм является самодовлеющим процессом, прогрессом самим по себе, и смысл социальных перемен не подчинён задаче роста, качественного возвышения производительной мощи человечества. Вико – напротив, его концепция придаёт смене социальных форм второстепенное, подчинённое положение, а технологическому развитию человечества отводит приоритетное значение.

И, сколь речь идёт о «модернизации» КНР, то в первую очередь должен вступить в свои права «градуалистский» подход: приоритетное значение в оценке прогресса КНР должно быть отдано именно качественному подъёму производительных сил страны на новый этап, а не просто (как это нередко бывает) «переходу к рынку».

Материально-культурный прогресс всегда опосредован культурно-исторической средой и характеризуется теми или иными

социальными формами. Эти формы могут быть весьма различными, что влечёт и многообразие форм «модернизации».

Термин "модернизация" восходит к латинскому корню "модерн" (новый). И в западной, и в марксистской интеллектуальной традиции (а КНР – страна не только конфуцианской, но и марксистской культуры) понятие "Новое время" обозначает эпоху всемирной истории, основным содержанием которой является утверждение, становление, развитие, загнивание и гибель капиталистической общественно-экономической формации. «Новое время» противопоставляется "Новейшей истории", являющейся периодом становления и развития социалистической общественно-экономической формации с такими её признаками как общественная собственность на средства производства, государство классовой диктатуры, и т.д. Таким образом, "Modern history"(новая) и «модернизация», в отличие от "Contemporary history ("Новейшая история"), должны трактоваться как формирование капиталистического общества. Рассуждая в обще-цивилизационных терминах, «модернизация» должна отличаться и обособляться от «контемпораризации».

Объясняя суть преобразований в КНР, архитектор китайских реформ Дэн Сяопин на встрече в 1979 г. с премьер-министром Японии Охира Масаёси заявил: «Мы собираемся осуществить четыре модернизации (экономики, политики, науки и военного дела - *авт.*). Это будут четыре модернизации китайского типа. Концепция наших четырёх модернизаций не схожа с концепцией ваших модернизаций - это будет *сяо кан чжи цзя* («среднезажиточная семья» – Н.А.)»¹.

То есть, Дэн Сяопин отметил отличие китайской модернизации от модернизации капиталистической Японии, и при этом он

---

¹ Цит. по Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. Из истории идеологии сяокан // ПДВ, 2003, №3. сс.26-38.

использовал для обозначения смысла, характера преобразований в Китае не термин «цзиньдайхуа» (近代化 - новый), а термин «сяньдайхуа» (现代化 - новейший). Китайские политики и учёные, общественность употребляют именно термин «сяньдайхуа», который было бы более правильно переводить как «контемпораризация», осовременивание, обновление.

Кстати, на эту особенность китайского понимания реформ обращал внимание ещё Ю.М.Галенович: «В Китае применяется термин СЯНЬДАЙХУА, который иной раз переводят словом «модернизация», хотя ближе к его смыслу понятие достижения уровня современной эпохи во всём мире или передовой части человечества, то есть осовременивание, или осовременивание в нравственном, духовном, политическом и экономическом смысле»¹. Правда, заметим, что весьма глубокое замечание Ю.М.Галеновича о некоторой ущербности термина «модернизация» в то же время ограничено интерпретацией замысла реформ в сугубо градуалистском смысле.

Надо признать, что и термин «контемпораризация» тоже не вполне удачен: явление, о котором идёт речь – данный тип общества и характер реформ – не ограничен, не связан исключительно с марксистским миропониманием или только новейшей эпохой всемирной истории. Более правомерно, на наш взгляд, предложить термин из контекста правоведческой науки – «ПУБЛИЦИТЕТ», подразумевая при этом такой тип общества и общественного развития, в котором доминируют отношения императивного характера, нормы публичного права, а не частного/ «цивильного», в силу чего получают мощное развитие государственно-общинные институты в противовес суверенизации индивидов. Термин «публицитет» мы соотносим с

---

¹ Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006, с.6.

понятием «цивилизация», описывающем западно-европейского типа общество, где традиционно доминируют «цивильные», т.е. гражданско-правовые отношения

Необходимо признать, что социальные формы, в которые обрамляется материально-культурный многоступенчатый прогресс, обладают значительным многообразием, сложной конфигурацией изменений социального строя.

В советской и российской историографии утвердилась разработанная ещё в 1930-х годах деятелями Коминтерна «пятичленная схема» смены общественно-экономических формаций, согласно которой социальное развитие имеет форму «диалектической спирали»: общества, построенные на основе публично-правовых норм и институтов, поочерёдно сменяются обществами господства частно-правовых норм.

Но в действительности учение Маркса сложнее и богаче: Маркс предусматривал не только «спиралевидное», т.е. циклическое развитие, но и возможность «линейно-направленной» конфигурации развития, т.е. когда общество развивается, переходя с этапа на этап, оставаясь при этом в рамках своей традиции, как бы «колеи», сохраняя основные видовые особенности.

И ныне весьма актуальна работа К.Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству»¹ (во времена ожесточённой борьбы за единство мирового коммунистического движения исследователи часто обходили её вниманием). Этот несколько «апокрифический» текст выражает мысль К.Маркса, что древний мир знает три основных способа производства, три типа древнего общества: древняя община по образцу марки у германских народов; там же, где подобная община разложилась, из неё

---

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. – К.Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. т.46, ч.1, СС.461-508.

выделились свободные индивиды и частная собственность, связанные теперь вещностными рыночными отношениями (это «античная форма», так развивались рабовладельческие полисы Греции и Рима); и наконец, «азиатский способ производства», т.е. централизованные восточные государства, сформировавшиеся как надстройка и продолжение общины и призванные нести функции поддержания общественной инфраструктуры. Важно, что эти три разных уклада сформировались на одном производительном уровне, когда главной формой капитала служили естественные факторы производства – мускульная сила человека и животного, плодородие земли («Главным объективным условием труда является не продукт труда, а находимая трудом природа»¹).

Аутентичный марксизм признавал многоукладность, многовариантность общественного прогресса. В своих рассуждениях К.Маркс намечал как бы разные "коллеи", разные социальные традиции, отражающие конкретные условия разных народов и регионов, в которых отливаются социальные формы этих народов, стоящих на приблизительно одинаковом уровне материально-культурного развития.

Выбор таких социальных форм определяется не только действием абстрактно-универсальных законов, реализующихся независимо от всякого сопротивления среды, он объективно детерминирован конкретными возможностями и необходимостью решения актуальных задач развития. В конкретной среде возникает социальный заказ на применение императивных методов управления или более либеральных методов, соответственно получают признание и поддержку публично-правовые нормы управления или частно-правовые, «цивильные». Публично-правовые нормы вызывают к жизни трансформацию отношений собственности: непосредственное

---

¹ Там же. С 473.

владение имуществом вытесняется иерархическими отношениями и структурами, или наоборот – собственность отделяется от власти, приватизируется. Публично-правовые нормы дают мощный толчок развитию института государственной власти, а распространение частно-правовых норм порождает феномен суверенного индивида, имеющего права и свободы и несущего полную ответственность по своим и всяким прочим долгам, индивид сам становится микро-государством. При этом рассматриваемые различные социальные формы могут решать задачи прогресса, принадлежащие к одному материально-культурному уровню, и потому они должны рассматриваться как исторически равноправные модели.

Исторический процесс даёт множество примеров, когда глубокие масштабные преобразования, обновление всей материально-технологической и социально-культурной жизни народов совершаются не посредством применения либерально-рыночных технологий, но, напротив, посредством широкого вмешательства государственной власти в процессы естественно-исторического развития. Напомним ряд исторических прецедентов.

Примером могут послужить реформы Петра Первого в России. С подачи либеральной историографии он заслужил репутацию вестернизатора России, «прорубившего окно в Европу». Но, хотя царь Пётр действительно широко заимствовал западные научные знания и технологии (вплоть до эпигонского подражания в бытовых привычках – бритьё бород и ношение немецкого платья), в сфере социальных, политических отношений он был продолжателем дела своего отца Алексея Михайловича, осуществившего «повторное закрепощение» крестьянства. Царь Пётр распространил повинности на холопов, обязав брать с них подати. Также, он поставил «на короткий поводок» дворянство и духовенство, обратив их к государственной службе. Пётр сформировал русский абсолютизм – самодержавное государство.

Он – подлинный основатель Российской империи. Таким образом, реформы Петра Великого явились не «поворотом к рынку и демократии», а мощным шагом по пути возрождения и обновления традиционного евроазиатского «публицитета».

Великим реформатором своей страны был и правивший в первой половине XIX века хедив Египта (1805 – 1848 гг.) Мухаммед Али. Он реформировал армию на европейский манер, провёл аграрную реформу, установил монополию внешней торговли, осуществил реформы образования. Сам он любил себя сравнивать с Петром Великим. И здесь субъектом преобразований выступила государственная власть, а не гражданское общество.

Революция, осуществлённая в Японии в 1867-68 гг. и открывшая путь к капиталистическому развитию страны, имела своей главной революционной партией кланы военно-служилого дворянства – самураев. Но эта революция не свергла, а восстановила монархию, и назначенные императором правительства развернули широкую программу протекционизма промышленным, военным и другим реформам, в конечном итоге превратившим Японию в мощную модернизированную военно-феодальную империю. Показательно, что японские учёные крайне редко называют преобразования императора Мэйдзи "революцией", они говорят об "обновлении/ реставрации Мэйдзи" (*Мэйдзи исин*), т.е. сознательно дистанцируются от западно-европейских буржуазных революций, и подчёркивают возвращение к национальным, традиционным корням пути Японии.

Идеи прогрессивного обновления своих стран с решающей опорой на государственную власть оказались популярными и среди государств "третьего мира", обретшими независимость и суверенитет в середине XX века под руководством революционно-демократических элит. «Смысл государственно-политических идей революционных демократов – это отрицание всех форм буржуазного

государства и особенно буржуазного парламентаризма, провозглашение курса на создание народного государства...,— писал К.Н.Брутенц¹. – Все революционные демократы придерживаются принципа смешанной экономики – независимо от того, применяется ли ими этот термин, – во всяком случае в переходный период... Выдвигая принцип смешанной экономики, революционные демократы одновременно настойчиво подчёркивают необходимость ведущей и доминирующей роли общественного сектора, главным образом в лице государственной, а также кооперативной собственности».

Эти наблюдения советского учёного вполне согласуются и с мнением в прошлом известного либерального учёного-экономиста, крупного эксперта ООН по проблемам «третьего мира» шведа Гуннара Мюрдаля. Он говорил об идеологии модернизаторов в Южной Азии: «...Государство должно играть активную, по существу решающую роль в экономике. Своими капиталовложениями и предпринимательской деятельностью, различными видами стимулирования, ограничениями частного сектора государство побуждает и направляет экономическое развитие. ...Таким образом, планирование становится интеллектуальной основой всей идеологии модернизации»².

Наш несколько пространный экскурс в историю реформаторства Евро-Азии демонстрирует, что успешные реформы осуществлялись на основе не западно-европейской традиции («рынок и демократия»), а на основе собственных, континентальных евроазиатских традиций, сущность которых мы определили выше как «публицитет», т.е. при посредстве властно-правовых норм и институтов.

---

¹ Брутенц К.Н. Современные национально-освободительные революции. (некоторые вопросы теории). - М.: Политиздат, 1974 г., сс.366-368.

² Мюрдаль Г. Современные проблемы "третьего мира". - М.: Прогресс, 1972, с.166-167.

И ныне, применительно к реформам КНР, говоря о социальных формах этих преобразований, уместно говорить не о «модернизации» (что неправомерно сближает их с западно-европейской «колеёй»), а о возрождении и развитии традиционного для данного региона «публицистета» (или о контемпораризации, «некапиталистическом пути развития», «социалистической модернизации» и т.п.). При этом понимая, что речь идёт об исторически равноправных социальных формах, соответствующих одной ступени прогрессивного развития.

И, таким образом, вышеприведенные слова, сказанные Дэн Сяопином в 1979 г. в беседе с Охира Масаёси, о том, что китайская модернизация – это *сяньдайхуа*, и его прямая отсылка к понятию *сяокан чжицзю* (среднезажиточная семья), т.е. к китайской традиции, позволяют заключить, что замышлявшееся им обновление Китая мыслилось именно в форме контемпораризации, или, можно сказать, «социалистической модернизации». Потому-то, в свою очередь, предположения о предстоящем «переходе от командно-административной системы к рынку и демократии» сильно искажают и упрощают реальное положение с замыслами и делами реформаторов.

При этом реально существующие и прогрессирующие многоукладность общества, разнообразие форм собственности и хозяйствования, подъём рыночных отношений, усложнение и обогащение общественно-политической жизни и культуры не меняют принципиальной сущности и характера общества. Общество и экономика остаются в системе господства публично-правовых отношений, хотя при этом и сочетаются с частным предпринимательством и рыночными отношениями. Мера, пропорция в таком гетерогенном сочетании и образуют своеобразие национальной модели.

На этих основных вопросах и концентрируется теоретическая исследовательская мысль российских китаеведов. Во-первых, какую

роль играет в новых исторических условиях социалистический уклад в КНР, государственный и кооперативный секторы экономики, как они видоизменяются и прогрессируют? Во-вторых, каким образом обогащается, усложняется экономическая и социальная структура общества – как происходит становление и развитие рыночной экономики, частно-предпринимательского сектора, многоукладности в целом? В-третьих, как взаимодействуют социалистическая, командно-административно управляемая экономика с рыночными отношениями, частным сектором, как они сочетаются друг с другом? В-четвёртых, какую трансформацию под воздействием экономических факторов претерпевают все прочие общественные институты – власть, государство, социальные отношения, культура, внутренняя и внешняя политика страны и т.д. Поиск ответов на эти вопросы и является развёрнутым содержанием работ современных исследователей, занимающихся изучением КНР «периода реформ и открытости».

Эпицентром научных синологических исследований в современной России, как и в прежнем СССР, является коллектив учёных, группирующихся «на орбите» Института Дальнего Востока РАН (конечно, не только ИДВ РАН). Возглавляет ИДВ РАН академик М.Л.Титаренко, международно-признанный учёный-синолог, неформальный лидер большого и плодотворного коллектива отечественных учёных. Взгляды и труды академика задают общий тон и направленность множеству научных предприятий, трудов.

Академик М.Л.Титаренко является современным идеологом и теоретиком того научного направления, которое было некогда основано Н.С.Трубецким, Л.П.Карсавиным, К.Э.Циолковским, продолжалось в трудах Л.Н.Гумилёва, В.В.Бартольда, и вошло в историю под названием «евразийства». Общее всем «евразийцам» – это убеждённость в неколебимой самостоятельной ценности исторического пути и культурного наследия народов Востока,

высокая оценка их вклада во всемирно-исторический прогресс всего человечества, вера в их светлое будущее, решительное неприятие любых форм фанатизма и снобизма евроцентристского толка.

Особо актуальной проблема избавления от евроцентризма некоторых около-властных кругов в России оказалась в 1980-1990-х годах. Причём, речь идёт как о евроцентризме, получившем распространение среди некоторых приверженцев догматичного «научного социализма», так и среди прозападных буржуазно-либеральных кругов. М.Л.Титаренко вёл полемику с ними. В своей работе «Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений: Сборник» (1994 г.) учёный писал: «Закрепилось такое понимание прогресса, которое в качестве его определяющей доминанты рассматривало главным образом общественно-формационные сдвиги и динамику межсистемных различий; при этом одни социальные структуры объявлялись высшими, а другие низшими. В социалистической системе прогресс толковался прямолинейно, в сугубо конфронтационных категориях и зачастую через отрицание способности несоциалистических общественных форм к конструктивному вкладу в поступательное развитие мировой цивилизации. Такое понимание категории прогресса зачастую лишало её последователей интеллектуальной и мировоззренческой основы для сближения точек зрения по международным вопросам, которых придерживались учёные и общественные деятели немарксистской ориентации, мешало поиску путей к достижению взаимопонимания по фундаментальным проблемам мирового развития. В свою очередь в капиталистическом мире сложилось непримиримо враждебное отношение к социалистическим странам, предпринимались попытки оказания на

них политического, экономического и прямого военного давления»¹. Учёный предостерегал, что: «Механическое заимствование и некритический подход к изучению западных моделей экономического и государственного строительства ведут к размыванию системы ценностей отечественной политической и духовной культуры, ставят национальную культуру и модель развития в зависимость от зарубежной политической моды на те или иные «измы» в рамках либерализма и индивидуализма»².

Подобным подходам он противопоставил идеи межкультурного синтеза: «Гармонизация взаимодействия и синтез восточной и западной цивилизаций выступают решающим фактором перехода от конфронтации к диалогу и сотрудничеству не только в АТР, но и во всём мире»³. Евразийское мировоззрение, стремление к диалогу и сотрудничеству позволяет российской науке избегать предрассудков и подходить к проблемам изучения стран Востока с подлинно научных позиций.

Успехи китайской модернизации, ставшие очевидными с 1990-х годов, подтвердили принципиальную историческую правоту «евразийства» и поставили очередную задачу – изучить, раскрыть предпосылки, причины, методы успешных преобразований в КНР. Решению этой задачи академик посвятил ряд новых исследований.

Достаточно вспомнить совместную работу: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. «Китай – Россия 2050: стратегия соразвития» (2006 г.), где стоит особо выделить раздел «Экономическое развитие Китая». В данной работе, опираясь на обширный материал китайских источников, фактуры и анализа, авторы демонстрируют практически применимые подходы, критерии, методики обеспечения

---

¹Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений: Сборник. – М.: «Кучково поле», 1994. с.15

² Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. – М.:Памятники исторической мысли. 2008. с.197.

³ Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Ibidem. С.17.

общественного развития, экономического и социального, позволившие Китаю в сжатые сроки выйти на передовые мировые позиции, создать могущественное государство, эффективную экономику, решить сложнейшие социальные и культурные задачи, и поставить перед собой ещё более величественные планы.

Сущностью и китайских подходов к обеспечению материально-культурного подъёма страны, и научного метода анализа китайской модернизации является так наз. «градуализм». Его можно описательно определить как сознательное стремление к поэтапному решению задач, деловой прагматизм, объективная оценка успехов и неудач, свободная от идеологических штампов, настрой на конкретную работу, реализм. Такой подход китайских лидеров к делу и раскрывает работа М.Л.Титаренко «Модернизация Китая: шансы и вызовы времени» (2000 г.).

«Выработанная в конце 1978 г. (3-й Пленум ЦК КПК 11 созыва) стратегия экономических реформ и политики открытости – это тот реалистический путь решения проблем модернизации, который выстрадал Китай. – пишет он. – Она означает принципиальный пересмотр многих ортодоксальных представлений о социализме и осуждение леваческих экспериментов Мао Цзэдуна. На первый план ставится развитие производительных сил и эффективности экономики. Одновременно с отказом от приоритета классово́й борьбы произошло фактическое признание идей конвергенции капитализма и социализма»¹.

«Выход Китая на уровень развитых промышленных государств, планируемый на середину XXI века, т.е. к 100-летию КНР, предусматривает поэтапное решение задач индустриализации, создание современной системы предприятий и социалистической рыночной экономики до 2010 г. На следующем этапе Китай, по

---

¹ Титаренко М.Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. – М.: 2000, с.3.

замыслам китайских теоретиков, полностью завершит индустриализацию, включая урбанизацию деревни и создание агропромышленного комплекса, и осуществит частичную информатизацию экономики. Эти задачи должны быть решены в течение 20 лет, с 2011 года по 2030 гг. В течение следующих 20 лет (2031-2050 гг.) должна быть осуществлена информатизация общества или строительство «социума экономики знаний». Таким образом, согласно этим прогнозам, экономика КНР в середине XXI века должна приблизиться или выйти на уровень передовых стран»¹.

Развитие, как известно, осуществляется не в вакууме, оно опосредовано той или иной конкретно-исторической средой, подчинено объективно-историческому контексту, традиции. И весомой причиной успехов китайских реформаторов была сознательная опора на традицию: и традицию молодую («социализм»), и традицию древнюю («китайская специфика»). Причём, наблюдается закономерность: чем более высоки модернизационные достижения Китая в развитии экономики, культуры, рыночных отношений, тем более убеждённо китайские лидеры и общество говорят о своей приверженности «социализму с китайской спецификой».

И об этом всё чаще в «нолевых» годах говорит М.Л.Титаренко.

В одной из своих последних работ он пишет: «В конце 1990-х годов ...лидеры страны после упоения успехами начали осознавать появление новых острых и актуальных социально-политических проблем. Философия «чёрной и белой кошек» в какой-то мере перестала устраивать и левых, и правых.»². «Опыт Китая во многом проясняет вопрос о перспективах СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

---

¹ Там же, с.9.

² Новый этап реформ: куда идёт Китай?./ Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. – М.: Памятники исторической мысли. 2008. – с. 169.

(курсив наш – Н.А.) развития, способствуя решению проблемы превращения СОЦИАЛИЗМА из прекрасной утопии в науку»¹.

В своих самых последних работах учёный акцентирует свои наблюдения: «Как показывают решения XVIII съезда КПК, китайское руководство по мере созревания экономических и культурно-цивилизационных условий, максимально наращивает социальную, гуманитарную и, в конечном счёте, социалистическую направленность своей политики в деле утверждения более справедливых социальных и межнациональных отношений»², «Китай намерен и впредь идти по неизведанному пути строительства социализма, отвечающего особенностям этой страны».

Таким образом, евразийство (убеждённость в жизнеспособности и достоинстве культур и народов Востока), градуализм (принцип объективного прогресса, поэтапного развития, прагматизма и реализма), социализм (или шире, приверженность государственно-политической традиции, публицикету) – всё это в совокупности характеризует подход академика Титаренко к изучению модернизации КНР. И одновременно является отличительными чертами, темами, принципами историографической «школы» академика М.Л.Титаренко. Эти черты узнаваемы во многих весьма разнообразных трудах учёных китаеведов.

Модернизация Китая стала предметом масштабного цивилизационного и философско-культурологического исследования А.В.Виноградова, его монографического исследования «Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности» (2005 г.)³.

---

¹ Там же. С.163.

² Титаренко М.Л. XVIII съезд КПК и развитие социализма с китайской спецификой // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012-2013. – М.: 2013. с 25,26.

³ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. - М.: 2005 г. 335 с.

Автор рассматривает модернизацию Китая в широком историческом и общепланетарном контексте, как один из феноменов всемирно-исторического диалога Востока и Запада, «противостояния традиций восточной духовности и западной техногенности»¹. Автор ясно и строго определяется с понятийным аппаратом: «Духовность, понимаемая как характеристика общественных, сугубо социальных отношений»². Автор исследует исторические этапы и версии этого диалога – вестернизация, модернизация, глобализация, «модернити» и пост-модерн.

А.В.Виноградов исходит из бесспорных положений, что главным фактором естественно-исторического развития в Европе была активность индивида, объективированная в суверенном правовом статусе индивида и частной собственности, институционализированная в политической демократии и рыночной экономике, регулируемые через посредство универсальных эквивалентов – стоимостью и законом. Но, как указывает автор, изменение баланса между материальной и духовной культурой в пользу индивидуализма и материалистичности, обусловивших на одном историческом этапе преимущества западной цивилизации, неизбежно породили в ней кризисные явления, неспособность решать общесоциальные проблемы – проблемы развития, экологические проблемы и т.д.

Оптимистическое продолжение развитию западной цивилизации смог предложить марксизм, учение социализма – возродив коллективистские ценности. Социализм предложил концепцию достижения общественной гармонии и экономического прогресса за счёт таких институтов как планирование, централизованное управление, обобществление средств производства.

---

¹ Там же. С.5

² Там же. С.217.

Кризис, поразивший социализм в конце XX века, заставил Китай переосмыслить доктрины и опыт социализма в более широком историческом и культурном контексте. Китайские идеологи в поисках путей преодоления духовного и цивилизационного кризиса обратились к антропоцентричной культуре Востока, которой присущи нравственные принципы и самоограничение, противостоящие эгоизму рыночной морали; по их мнению, восточная философия является противоядием противопоставлению духа и материи, разделению субъекта и объекта, и тем самым даёт гармонизацию развитию, способствует разрешению общественных противоречий. Постепенно социалистическая модернизация Китая стала всё чаще связываться с характерными чертами, особенностями китайской культуры, идентичность была признана источником развития и преимуществ.

А.В.Виноградов на основе глубокого анализа приходит к главному выводу, раскрывающему наиболее характерные и существенные особенности модернизационной модели Китая: «К началу XXI в. в Китае появились контуры новой модели, решающей конфликты между властью и материальной культурой, традицией и материально-техническим прогрессом, но её механизм в отличие от либерально-демократического не действует автоматически и требует постоянных усилий, что неизбежно отражается в типе развития, принявшего на себя функции поиска и поддержания идентичности. Окончательный исход модернизации, таким образом, не только в Китае зависит от цивилизационной целостности, допускающей мобилизационность и сохраняющей старые институты, а также от целенаправленной деятельности политических партий и их лидеров, использующих социокультурные традиции для решения современных политических задач.»¹.

---

¹ Там же, с.214

Вывод А.В.Виноградова ведёт к заключению, что современная модернизация КНР строится на основе цивилизационной самоидентичности Китая, в которой соединились начала социализма, марксистского учения с традиционной духовностью Китая. Можно сказать, в китайской модернизации китайский публицист преобладает, более значим, чем западная «цивилизация».

Исследованию идеологических истоков политики модернизации КНР посвящены труды Д.А.Смирнова, Л.С.Переломова, А.Е.Лукьянова, академика С.Л.Тихвинского.

Исследование Д.А.Смирнова «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину» (2005 г.)¹ являет собою «взгляд изнутри» на китайскую модернизацию, это марксистский анализ истории, идеологии и практики социалистической модернизации Китая, последовательный проблемно-хронологический анализ формирования идейно-теоретических постулатов модернизации Китая в категориях марксистской науки.

В работе Д.А.Смирнова модернизация определяется достаточно традиционным, общепринятым образом – как «процесс перехода отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки к индустриальному обществу и демократическому политическому устройству», при этом подразумевается наличие двух основных типов модернизации – естественно-исторический процесс (страны Западной Европы) и «вторичная»/ «отражённая» модернизация, происходившая под давлением и по образцам передовых капиталистических стран. (Как известно, «вторичная» модернизация характеризовалась массированным, руководящим участием государства в процессе преобразований).

---

¹ Д.А.Смирнов «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину» - М.:2005 г. С.324.

Автор подробно рассматривает исторический процесс формирования идеологии модернизации китайского общества в XX-м веке. Первым этапом данного процесса явилась теория «новой демократии», разработанная Мао Цзэдуном на рубеже 30-40-х годов, она предусматривала проведение модернизации на основе развития национального капитализма под контролем государства и при активном привлечении иностранного капитала. Вторым этапом стала генеральная линия КПК, разработанная в начале 1950-х годов, она нацеливала страну на осуществление индустриализации по примеру СССР и предполагала помощь СССР. Третий этап связан с выдвинутым в конце 1950-х годов волюнтаристским курсом Мао Цзэдуна на «большой скачок» в экономике и позднее с «культурной революцией». Четвёртый этап модернизации начался со смерти Мао Цзэдуна и началом разработки и реализации курса Дэн Сяопина на всестороннюю модернизацию на основе рыночного трансформирования экономики при активном участии государства в развитии и управлении экономикой, привлечение зарубежных инвестиций, стимулирование научно-технического прогресса, поощрение развития негосударственных форм собственности.

Особо подробное внимание автор уделил изучению становления и утверждения, содержания «теории Дэн Сяопина»: теория Дэн Сяопина, дополненная концепцией «трёх представительств» и программой построения «гармоничного общества», стали идейно-теоретической основой китайской модернизации.

«Обобщая теорию и практику проводившейся Дэн Сяопином политики модернизации, – пишет Д.А.Смирнов, – можно констатировать, что последовательный курс на внедрение рыночных отношений в экономику не сопровождался столь же радикальными преобразованиями в политической системе. Содержание разрабатывавшейся им реформы политической системы сводилось не

к постепенному демонтажу социалистического строя вслед за повышением степени либерализации экономики, а к совершенствованию исторически сложившегося административно-политического механизма. Она проводится таким образом, чтобы её темпы соответствовали потребностям реформирования экономики и развития общества, не отставая от решения возникающих в связи с этим задач, но и не «забегая вперёд», постепенно и поэтапно, с учётом существующих объективных условий. По сути именно в совмещении экономического либерализма с авторитарной политической властью и заключается специфика китайского пути социалистической модернизации, предложенного Дэн Сяопином»¹.

И ещё одна, не афишируемая, но очевидная особенность китайской модернизации – её политика, установки «проводятся в интересах всего общества, а не «избранных» его прослоек» –, говорит Д.А.Смирнов².

Труд Д.А.Смирнова даёт понимание партийной и государственной логики формирования и реализации курса на модернизацию Китая. Он показывает, что фундаментальные проблемы реформирования, обновления социалистического общества могут успешно решаться не путём разрушения социалистического мировоззрения и государства, но, напротив – в русле продуманной перестройки их.

Китайский менталитет складывается не только из марксистской интеллектуальной традиции, но и из многотысячелетней мудрости самого Китая. Огромное влияние и на китайский народ в целом, и на его лидеров продолжает оказывать идеология конфуцианства. Сами китайские лидеры прямо указывают на эту связь с древностью, говоря о конфуцианской доктрине *сяокан чжицзя* («среднезажиточная

---

¹ Там же. С.272.

² Там же. С.272.

семья»). Исследованию автохтонных корней идеологии китайской модернизации посвящает свои труды Л.С.Переломов, признанный международный научный авторитет в вопросах конфуцианства¹.

Л.С.Переломов так оценивает смысл выше упоминавшихся высказываний Дэн Сяопина в беседе с японским премьер-министром Охира Масаёси: «В своей беседе с японским премьером Дэн Сяопин как бы подчёркивал, что хотя он и возвращает страну на конфуцианские рельсы, его реформы будут отличаться от японских по своей направленности: в противоположность японскому *конфуцианскому капитализму* Китай будет строить свой *конфуцианский социализм*, формально называемый «социализмом с китайской спецификой»².

Более подробно эта взаимосвязь древней доктрины с современной модернизацией раскрывается в совместной работе Л.С.Переломова и А.Е.Лукьянова «Из истории идеологемы сяокан»³. Авторы исследуют историю этой категории духовной культуры Китая, погружаясь в глубь тысячелетий к каноническим текстам "Ши цзин" (ода Мин лао - "Народ страждет") и "Шань хай цзинь" (Канон гор и морей), к трудам Конфуция и Мэнцзы, также, к взглядам китайских реформаторов XIX века Кан Ювея и Дай Цзитао, исследуют идеологические программы гоминдановского режима на Тайване, в их анализе учтены находки академика С.Л.Тихвинского и ряда других знатоков китайской мысли и истории. Учёные показали, что идеологема *сяокан* является одним из самых лаконичных и глубоких выражений замысла главного архитектора модернизации Китая Дэн Сяопина. Используя краткую формулу, он смог выразить и связать многоплановые замыслы реформ. В песне Мин лао «выражение *сяо*

---

¹ Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: 2007, 256 с.

² Там же. С.212

³ Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. Из истории идеологемы сяокан // ПДВ, 2003, №3. сс.26-38.

кан поставлено в конце первой фразы первой строфы, в параллель остальным четырём терминам, образованным с иероглифом *сяо*: *сяо сю* ("немного передохнуть"), *сяо си* ("слегка вздохнуть"), *сяо ци* ("немного дух перевести"), *сяо ань* ("чуть-чуть покоя"). Все пять терминов семантически идентичны и означают потребность уставшего от казённых работ народа в передышке, чтобы заняться собственными хозяйственными делами»¹.

Вместе с тем, канонические тексты в трудах своих интерпретаторов с течением времени могут приобретать многообразные, в том числе и прямо противоположные начальному смыслу толкования, которые как бы начинают жить собственной жизнью. Исследователи, опираясь на труд академика С.Л.Тихвинского², показывают, как своеобразно идеологема *сяокан* преломилась во взглядах видного буржуазного реформатора конца XIX века Кан Ювэя: «Термин *сяокан* использовался Кан Ювэем лишь в связке с *датун*, обозначая "эру малого спокойствия", или "эру становления", необходимую для выхода из "эры хаоса". ...Согласно "вновь открытому" Кан Ювэем учению Конфуция, – пишет академик С.Л.Тихвинский, – человечество в своём развитии переживает три периода, каждому из которых должны соответствовать свои собственные законы. После периода "хаоса и смуты" должны последовательно наступить период "становления" и период "Великого спокойствия". Для периода "становления" характерны законы "Малого мира" (т.е. *сяокан*), в период же "Великого Спокойствия" должны вступить в силу закон "эры Великого Единения"»³.

Таким образом, принципы *сяокан* представляют собой нормы переходного общества, предверие окончания хаоса и торжества

---

¹ Там же. С.31

² См. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века // Тихвинский С.Л. Китай и всемирная история. М.: 1987. – с. 135.

³ Там же с.35

"Великого единения", когда главной колеей развития на какой-то период становится не общегосударственное урегулирование, не макро-гармония, но достижение упорядоченности, аккумуляция энергии достатка и процветания на социальном микро-уровне.

Труд российских учёных Л.Переломова и А.Лукьянова позволяет читателю глубоко и объёмно представить сложный замысел архитектора китайской модернизации Дэн Сяопина, увидеть замысел в потоке ближних и дальних целей, увидеть его изнутри китайской многотысячелетней культуры, понять его принадлежность к традиции.

Главным фокусом исследовательского внимания, наиболее головоломных теоретических дискуссий с целью определения формационной принадлежности китайской модернизации, по-видимому, является проблема становления рыночной экономики в КНР, её соотношения с государственным сектором экономики и совместимости с социалистической государственностью.

В этой области проблем трудится не мало маститых учёных-экономистов – В.Я.Портяков, Я.М.Бергер, А.В.Островский, Э.П.Пивоварова, Л.Д.Бони, и др., и каждый из них исповедует своё политико-экономическое «кредо», обладает своим уникальным представлением о соотношении рынка и социализма в сегодняшней КНР, о смысле и характере модернизации этой страны.

Доктор экономических наук В.Я.Портяков в своей работе "Экономическая реформа в Китае" ¹ (2002 г.) с привлечением обширного конкретного материала, статистики рассматривает принципиальные политико-экономические проблемы современного Китая. Он выступает как исследователь идей "градуализма", при этом речь идёт не просто о постепенности, но о "двухколейности" развития

---

¹ Портяков В.Я. Экономические реформы в Китае (1979-1999 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002.с.177.

КНР. «В самом Китае –, пишет учёный –, главной сущностной характеристикой градуализма склонны считать так наз. "двухколейность", т.е. достаточно длительное сосуществование двух гетерогенных хозяйственных систем: демонтируемой планово-распределительной и нарождающейся рыночной.... Широко понимаемая двухколейность включает в себя и заметное сокращение доли государственного сектора при увеличении доли экономики других форм собственности»¹. «Политический фактор градуализма китайских реформ не исчерпывается разногласиями в руководстве страны. Основополагающее значение здесь имела ориентация лидеров Китая на сохранение социалистических рамок общественного развития»². Опираясь на фактический материал, автор приходит к суммарному выводу: «Экономические процессы в Китае 90-х годов в определяющей степени опосредуются именно ориентацией на рынок. Поэтому китайская реформа ни в коем случае не должна "изыматься" из общемирового процесса рыночной трансформации. Сохранение прежней политической системы с руководством компартии в качестве стержня сути дела не меняет»³.

Необходимо оговориться, что тезис об "обретении реформенным процессом всё более недвусмысленной рыночной ориентации"⁴ – пока открытый вопрос. Проблема не сводится к тому, что частный сектор, как правило, оказывается более эффективным товаропроизводителем, чем государственные предприятия. И не состоит в том, что исходный технологический, экономический уровень, уровень капиталовооружённости развития Китая был весьма низким. Нельзя упускать из вида, что государство по самой сущности своей не может и не должно быть товаропроизводителем, играть по

---

¹ Там же, .с.6.

² Там же.с.7

³ Там же, с.26

⁴ Там же, с.15

правилам рынка. Миссия государственной власти раскрывается там, где не срабатывает закон стоимости в качестве регулятора и импульса общественного развития. Поэтому истинные функции государства (и в экономике) в принципе не могут быть переданы рыночной экономике (кроме случаев, когда государство изначально занималось не своим делом). Рынок может успешно регулировать только то, что может регулироваться рынком. Но государственная миссия много шире нежели «рыночное регулирование», она – качественно инородная.

И закономерно, что В.Я.Портяков вносит уточнения в трактовку проблемы "двухколейности" развития Китая в работе 2004 года "Китай и социализм"¹. «В Китае считают объективной данностью множественность моделей социалистического строительства», – такой вывод всё более определённо звучит в работах учёного. – Поражение социализма в Восточной Европе «явилось не поражением социализма вообще, а всего только одной конкретно-исторической модели – советской, или, точнее, «сталинской»².

Концепция "модели строительства социализма" позволяет рассматривать общественный строй КНР не как своеобразную историческую химеру, транзитное состояние, но как самостоятельную органичную сущность, имеющую будущность. А такой подход, в свою очередь, открывает широкие перспективы для объективного изучения и оценки китайского опыта модернизации, понимания национальной специфики социализма КНР.

И В.Я.Портяков раскрывает ряд наиболее существенных для понимания характеристик "социализма с китайской спецификой". «Особый акцент на национальное начало в строительстве социализма не был для Китая всего-навсего неким терминологическим

---

¹ Портяков В.Я. Китай и социализм // От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века: очерки. М.:Институт Дальнего Востока РАН, 2006. сс.76-82.

² Там же. С.79

ухищрением, а имел вполне конкретное практическое значение. В-первых, он послужил теоретической основой выдвижения во главу угла деятельности правящей партии и всей страны сугубо национальных задач, и среди них – задачи экономического подъёма как наиболее приоритетной. Говоря прямо, сегодня – в отличие от бывшего Советского Союза и КПСС – Китай и КПК не ищут лучшее будущее человечества и "новое мышление для всего мира", а сосредоточились на "возрождении китайской нации", на наращивании комплексной мощи и "мирном возвышении" именно Китая»¹.

Решению своих национальных задач, действуя своими национальными методами, и служит национальная модель модернизации социализма в КНР.

Труд доктора экономических наук Я.М.Бергера «Экономическая стратегия Китая»² стал очень веским словом в осмыслении, понимании отечественной синологией темы модернизация Китая в пост-маоистский период. Автор на огромном и современном информационном материале глубоко и подробно проанализировал экономическое развитие современного Китая, историю и современное состояние формирования рыночных отношений, в частности, субъектов предпринимательской деятельности в экономике Китая, роль государства на рынке и в сфере публичных услуг, истоки, содержание, особенность стратегии развития страны, в том числе в международном контексте, и даже дал анализ и оценку различным течениям, школам научного понимания китайской действительности. Труд учёного часто выходит за рамки чисто экономического анализа: он предлагает читателю обширное и систематичное понимание самых различных аспектов развития общества – экономики, политики, права, идеологии, взаимодействия государства и рынка, формирования

---

¹ Там же. С.78.

² Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – 560 с.

гражданского общества, проблем становления демократического самоуправления, идеологической борьбы в стране и на мировой арене.

Автору удалось выявить основные черты, определяющие самобытность стратегии китайских реформ. В самом кратком перечислении это – органически единая целостность всех сторон, мер, шагов китайского руководства по преобразованию страны; это наличие внятной долговременной стратегии преобразований; также, это прагматичность реформ, их «деидеологизированность», свобода от замшелых стереотипов; ясное определение функций государственной власти как служение обществу, и в этом контексте, пересмотр соотношения политики и экономики в пользу последней; комплексность и взаимодополняемость реформ, всё подчинено единому замыслу; осмотрительность, поступательность в проведении реформ («переходить реку, ощупывая ногой камни»); стремление использовать промежуточные модели реформ, позволяющие избегать ненужных рисков и перенапряжения общества и власти; увязка рыночных преобразований с наращиванием внешней открытости; наконец, способность руководства к самокритичной оценке, готовность исправлять свои ошибки и учиться новому. Препарированный автором опыт китайских реформ интересен и полезен всем реформаторам.

Учёный избегает упрощённых решений и ответов, предлагая непредвзятое, глубокое, систематичное, диалектичное по характеру рассмотрение всей сложности проблем китайской модели модернизации. Автор тестирует на прочность многие стереотипные представления о современном Китае и путях реформирования экономики, общества, государства. Он жёстко полемизирует с шаблонами неолиберальной идеологии, проповедующими неизбежность торжества некоей универсальной совершенной модели, для которой неотъемлемыми чертами являются «рыночная экономика,

политическая демократия, гарантированные права человека. Развитая система социального обеспечения и нацеленность на массовое потребление». Столь же метко автор обнажает и профанный характер некоторых популярных представлений о «социалистических чертах» китайской действительности – вроде «многоукладная экономика при ведущей роли общественного сектора», «целью является общая зажиточность общества», «приоритетное значение распределения по труду», автор ставит под вопрос и эти мифы. Но ставя под сомнение вчерашние стереотипные знания и представления, учёный как бы приглашает читателя к самостоятельному достижению новых идейно-теоретических горизонтов.

Основной мотив авторских научных и гражданских исканий оптимистичен: автор пишет: если «иметь ввиду и возможную перспективу, то увязывание рынка с социализмом, если эта связка окажется действительно долговременной и жизнеспособной, в отличие от советского НЭПа, она способна принести результаты очень большой значимости. Не только для Китая, но и для всего мира. В условиях, когда катастрофически рушится чисто рыночная модель современного капиталистического мира, нельзя исключать возможности, что именно Китаю удастся соединить в своих институтах и массовой общественной практике экономическую эффективность с социальной справедливостью, благом нации и государства – с достоинством, свободой, полноценной жизнью человека»¹.

Следует согласиться с Я.М.Бергером: изучить и понять процессы модернизации КНР – задача, требующая и весьма неординарных научных свершений, и одновременно, исключительно важная для понимания перспективы всего мирового развития.

---

¹ Там же. С.43

Ряд своих работ проблемам модернизации КНР посвятил д.э.н. А.В.Островский. Одна из них так и называется – «Китайская модель перехода к рыночной экономике»¹ (2007 г.).

Стратегической целью преобразований в КНР, которую намечается достичь к 2050 г., он полагает «осуществление всесторонней социалистической модернизации, необходимой для достижения зрелости социально-экономического развития...., превращение страны в мощное государство с высоким уровнем материальной, правовой и духовной культуры»².

«Социалистическая модернизация» включает в себя и «совершенствование социалистической рыночной экономики».

Характеризуя особенности китайского опыта, А.В.Островский говорит, что: «Главным является разумное сочетание государства и рынка»³. Особенности китайского пути он противопоставляет так наз. «программе Грефа» в России, «поскольку объявленная в ней цель – модернизация экономики – входит в противоречие со средствами достижения этой цели – дальнейшая либерализация экономики и отказ от активной роли государства в выработке социально-экономической политики развития общества»⁴.

Своеобразие исследовательского подхода А.В. Островского – он работает в жанре экономической компаративистики. Китайскую модель модернизации он сравнивает с самостоятельным анализом опыта России, Социалистической Республики Вьетнам, стремясь при этом понять причины успеха одних и поражения других⁵.

---

¹ Островский А.В. «Китайская модель перехода к рыночной экономике» - М.: 2007 г., 208 с.

² Там же. С.4.

³ Там же. С.202.

⁴ Там же. С.202.

⁵ Островский А.В. Китайская модель перехода от плановой к рыночной экономике: формы и методы реализации. / Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. – М.: ИД «Форум», 2012. – сс. 115-129. Островский А.В. Сравнительный анализ российской и китайской моделей перехода от плановой экономики к рыночной / Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. – М.: ИД «Форум», 2012. – сс. 397-404.

Он выделяет в китайском опыте ряд этапов стратегии экономического и социального реформирования Китая. Китай не встал на путь радикального слома прежней политической и экономической системы, а пошёл по пути плавной эволюции, постепенного формирования рыночной экономики. Эта постепенность воплощена в четырёх этапах развития китайской экономической реформы. 1) 1979-84 гг. – «плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение»; 2) 1984-93 гг. – «плановая товарная экономика»; 3) 1993-2002 гг. – «социалистическая рыночная экономика»; 4) с 2003 г. по настоящее время – «совершенствование социалистической рыночной экономики». Островский считает, что первые два этапа имели лишь подготовительное значение для реализации концепции реформы и лишь с третьего этапа происходит переход к рыночной экономике, построенной на основе всемерного развития предприятий различных форм собственности и постепенного допуска предпринимателей к участию в принятии государственных решений.

Главным фактором в успехе китайских реформ, помимо глубокой научной проработки вопросов преобразований и постепенности в их развёртывании, постоянной экспериментальной проверки эффективности тех или иных шагов, по мнению А.В.Островского, явился отказ от стратегии догоняющего развития, при которой делался упор на развитие капиталоемких отраслей тяжёлой промышленности, когда предприятия не могут выйти за границу предельных производственных возможностей, и переход к стратегии сравнительных преимуществ, при которой стали быстро развиваться трудоёмкие отрасли, что способствовало выходу предприятий на границу предельных производственных возможностей, дало эффект выправления деформированной отраслевой структуры Китая. Это повлекло за собой колоссальный

экономический рост в Китае, при котором с начала 80-х годов поддерживаются среднегодовые темпы роста около 10%. Таким образом, в стратегии сравнительных преимуществ заключался крайне важный ключ к успеху экономической стратегии развития.

Заострённостью на рассмотрение фундаментальных проблем политической экономии социализма на китайской почве отличается труд д.э.н. Э.П.Пивоваровой «Социализм с китайской спецификой»¹.

Пивоварова представила читателю, как через сложные и противоречивые тенденции развития страны складывался её нынешний экономический строй и политическая система, какую роль в этом сыграли национально-культурная специфика страны, менталитет её народа.

Особое, акцентированное внимание автор уделила размышлениям об исторических судьбах социализма на китайской земле. Её вывод гласит: «Можно сделать заключение не только о значительной эволюции идей социализма в китайской концепции, но и о существенном приближении её к выросшим на эволюционной почве теориям «конвергенции», «смешанной экономики», идей «институционализма», при всех различиях которых объединяющей их является идея сближения двух общественных систем и необходимости «социального контроля над производством». Как показывает анализ, тот общественно-экономический строй, который сегодня называется в КНР «социализмом с китайской спецификой» является конвергентной по своей сути «смешанной экономикой», где очень разнообразны по уровню развития производительные силы, где сосуществуют различные по формам собственности типы хозяйств и соответствующие им отношения по производству и распределению материальных благ, где принятием идеи «трёх представительств», расширяющей «социальную опору» руководства страны, в

---

¹Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. – М.: ИД «ФОРУМ», 2011. – 352 с.

определённое соответствие с «многоцветным» базисом приведена и политическая надстройка, где – и это самое главное – осуществляется «социальный контроль над производством» как необходимое условие создания рыночного хозяйства в многонаселённой и экономически отсталой стране»¹. Очевидно, в концепции Э.П.Пивоваровой, «социальный контроль над производством» как обязательное условие для конвергентной, по сути смешанной экономики – суть нынешней китайской модели.

Помимо обобщающих трудов вышло и немало более узко-специальных (и весьма глубоких) исследований. К примеру, Л.Д. Бони «Китайская деревня на пути к рынку. 1978-2002 г.»². (2005 г.). Их выводы в целом перекликаются с исследованиями вышеупомянутых авторов.

Российские учёные-экономисты, исследователи современного Китая, демонстрируют значительное разнообразие методов и подходов, выдвигают довольно разнообразные концепции экономической модернизации КНР. Но у них есть и некий «общий знаменатель» – никто не декларирует просто «переход от командно-административной экономики к рыночной», не пророчит якобы неизбежное торжество «капитализма с китайской спецификой», не отождествляет рыночную экономику с всевластием рынка и господством капитала. Напротив, все говорят о становлении оригинальной модели социализма, о следовании Китая в традиционной исторической колее, о поисках своей пропорции соотношения и форм взаимодействия, конвергенции экономики и политики, бизнеса и государства. По сути, речь всегда идёт о совершенствовании социализма в новых исторических условиях.

---

¹ Там же. С.325

² Л.Д.Бони. Китайская деревня на пути к рынку. 1978-2002 г. –М.: 2005 г., с.528.

Исследование редкой тематики было предпринято В.Г.Ганшиным – «Формирование гражданского общества в России и Китае» (2007 г.)¹. Труд посвящён формированию гражданского общества в КНР.

Становление рыночной экономики и многообразных форм собственности и хозяйствования пробуждает активную жизненную позицию населения, побуждает его ясно артикулировать свои личные и общественные интересы, объединяться для их представительства и защиты. Исследование В.Г.Ганшина даёт подробный анализ этого феномена в современном Китае, причём анализ сопровождается и самостоятельными теоретическими обобщениями, историческими экскурсами, сопоставлениями с современным миром, другими странами. Свои выводы автор строит на обширном материале, характеризующем как процесс экономических и правовых преобразований в китайском обществе, так и многочисленные гражданские организации современного Китая.

Автор полемизирует со стереотипами европоцентристской философии, огульно критикующей так наз. «восточный деспотизм». В.Г.Ганшин обратил внимание на бесспорное фактическое обстоятельство: западный колониализм был нисколько не мягче и не гуманнее восточного деспотизма, а иногда он был и гораздо более жестоким. (На наш взгляд, развившиеся на Западе товарное производство, рыночная экономика, будь то рабовладение или капитализм, предполагают много более расточительное использование рабочей силы, чем при азиатском деспотизме, который всегда имел в себе мощный противовес в форме патриархальных институтов: «восточный деспотизм» с его патриархальными нормами часто сам исполнял функции гражданского общества в патриархальном стиле).

---

¹ Ганшин В.Г. Формирование гражданского общества в России и Китае. – М.: 2007, с.232 с.

В.Г. Ганшин, обращаясь к современности, объективно констатирует, что: «До последнего времени китайские власти ясно давали понять логику выстраиваемых ими политических приоритетов. Прежде всего, это – увеличение комплексной мощи государства, а уж потом – удовлетворение разнообразных групповых, корпоративных, индивидуальных интересов. Для этого стране нужна стабильная, сильная государственная власть, способная обеспечить реализацию грандиозных планов «мирного возвышения»¹.

Основной вывод автора звучит парадоксально, но он обоснован: «Рискну предположить: нормативное гражданское общество мы скорее будем наблюдать в КНР, нежели в России. Китайская власть уже сегодня видит в гражданских инициативах институты будущего сотрудничества и совместного решения национальных проблем, намереваясь создать «социалистическое гармоничное общество»².

Идеологические аспекты процесса формирования гражданского общества в Китае, различия западно-европейских и восточных традиций и современных подходов к строительству общества, гражданских общин подробно представлены В.Г. Ганшиным в его работе «Китай: искушение либерализмом»³ (2009 г.). Работа раскрывает в деталях и «изнутри» процесс интеллектуального поиска современного Китая в процессе формирования современного гражданского общества.

Теме становления гражданского общества в процессе модернизации КНР посвящена и работа Ю.М.Галеновича «Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае»⁴ (2006 г.).

Работа посвящена рассмотрению одной из важнейших идеологических концепций современного Китая – идеи построения

---

¹ Там же. С.37.

² Там же. С.151.

³ В.Г.Ганшин . «Китай: искушение либерализмом» - М.:2009, с.219

⁴ Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006, 392 с.

«гармоничного общества», разработанной и представленной обществу в 2005 г. под руководством генсека ЦК КПК Ху Цзиньтао.

Доктрина «гармоничного общества» претендует стать определением социального строя современного Китая, то есть встать в один ряд с такими понятиями как «капитализм», «социализм».

Незаурядность работы Ю.М.Галеновича заключается том, что он подвергает эту доктрину самому скрупулёзному рассмотрению на основе богатейшего фактического материала. Он берёт её в самых разнообразных аспектах и отношениях: «гармония» и – закон, порядок, энергия, государство, творчество, согласование общественных интересов, управление обществом, сохранение стабильности, партии и массы и т.д. и т.п.

Китайская государственная традиция с древности подразумевала, что государство не ограничивается в своей идейно-политической работе декларированием общих абстрактных понятий и лозунгов, но стремится проникнуть в самую гущу народной жизни, скрупулёзно регламентировать её самые тонкие аспекты и подробности. И учёный представляет читателю, как эта государственно-политическая традиция воскресает в современном Китае: на множестве источников и примеров он показывает конкретное насыщение доктрины в реальной жизни Китая. Читатель обретает возможность рассмотреть черты традиционности в современном Китае.

С другой стороны, автор среди безмерного разнообразия толкований «гармонии» отмечает, что: «Сегодня же главное состоит в необходимости задуматься над основой основ в деятельности партии, то есть о том, что представляется сегодня членам КПК в качестве концепции развития или научной концепции развития. А это качественно новая концепция, это концепция, центром которой

предлагается считать человека, человеческую личность»¹. А значит, речь идёт о понимании социальной программы китайской модернизации.

Как можно увидеть из работы Ю.М.Галеновича, китайские идеологи выдвигают на первый план в своих теоретических построениях просто «человека», т.е. абстрактного человека, человека вне конкретно-исторического контекста, вне классовой, национальной, поло-возрастной, и прочей идентичности, они рассматривают его как абстрактный атом абстрактного человечества. Но марксизм, в отличие от буржуазной философии, всегда рассматривал человека именно в конкретно-историческом контексте – как представителя класса или сословия, нации и народности и т.д. Так почему китайские идеологи удаляются от традиционной для марксизма концепции исторически конкретного человека?

Ответ, видимо, в том, что современное китайское руководство отдаёт себе отчёт, что Китай пока недостаточно развитая страна, чтобы говорить о социализме как о сегодняшнем состоянии и ближайшей перспективе общества: на деле в обществе набирает силу рыночная экономика и неизбежно сопутствующее ей классовое общество. Социализм же означает преодоление классовых различий и постепенное изживание их. Поэтому реальная модернизационная политика КПК может иметь своей целью на нынешнем этапе не изживание классов и классовых конфликтов, а лишь гармонизацию отношений существующих классов и слоёв. То есть, по сути, провозглашается социальная политика скорее социал-демократического толка, хотя и в экзотическом «традиционно-восточном» облики.

Таким образом, доктрина «гармоничного общества», с одной стороны, является проявлением традиционной этатистской идеологии

---

¹ Там же. С.37.

Китая, а с другой стороны, она является адаптацией социальной политики к условиям развитой рыночной экономики. Вот о чём фактически говорит работа Ю.М.Галеновича.

Оба исследователя – и В.Г.Ганшин, и Ю.М.Галенович – выявляют своеобразие становления гражданского общества в КНР в условиях современной модернизации: оно приобретает черты традиционного взаимодействия народа и государства, но это не тормозит гражданскую активность народа, а напротив, содействует ей. Протекционизм может быть не только экономическим, но и социальным. Подобная самобытная особенность увязывается в единый контекст и с экономическим курсом, и с политической практикой КНР.

Успешное становление рыночной экономики в КНР неизбежно ставит в историческую повестку и проблемы модернизации общественно-политической надстройки, вызывает дискуссии в столь острой, чувствительной теме, как обеспечение гражданской демократии. Этой проблематике посвятил свои исследования ряд российских учёных.

Л.П.Делюсин выпустил сборник статей под общим названием «Китай: полвека – две эпохи» (2001 г.)¹, в котором собраны статьи разных лет, трактующие принципиальные проблемы понимания модернизации КНР. Хотя статьи написаны для широкой аудитории, популярная авторская манера изложения не делает их менее научными.

Своеобразным концентратом взглядов автора может служить статья «Модернизация и демократия» (1997 г.). Автор обозначает проблему так: «Сегодняшняя пропаганда не далеко ушла от старых идей. Так, в официальных документах КПК модернизация, как и демократия, называется социалистической. Без этого эпитета не

---

¹ Делюсин Л. Китай: полвека – две эпохи. – М.: Институт востоковедения РАН. 2001. – 294 с.

обходится ни одно решение, ни одна статья. Но оба понятия не укладываются в рамки традиционного марксизма, не говоря уж о идеях Мао Цзэдуна»¹.

Сам автор не скрывает своих симпатий к концепциям классического западного либерализма: «Бюрократия стремится воспитать народ, общество в духе преклонения перед мудрым, всезнающим и всепонимающим вождём, способным вникать в любые проблемы – от житейских до научных. Ему одному принадлежит право "творчески" развивать "всесильное учение".... Но сдвиги к лучшему всё же происходят, и правы те учёные и писатели, которые считают, что борьбу за демократию надо начинать сегодня, вовлекая в неё как можно больше крестьян, рабочих, студентов, работников умственного труда»².

Однако, наличие собственной акцентированной политической позиции не помешало Л.П.Делюсину довольно объективно осветить различные противоборствующие в китайском обществе точки зрения в столь деликатной сфере как проблемы политического развития Китая.

Автору принадлежат, в частности, весьма глубокие наблюдения и догадки о природе и компетенции демократии: «Демократия в Китае делает пока свои первые шаги. Процесс демократизации, сдерживаемый верхами, пусть медленно, но идёт. Следует отметить, что быстрее и успешнее всего реформы прошли в деревне, где неэффективность маоистской модели хозяйства была очевидной, медленнее в городе, ещё медленнее, встречая упорнейшее сопротивление партийной бюрократии, в политической области»³. Учёный своим замечанием, вольно или невольно, указал "ахиллесову пяту", естественные пределы либеральной демократии: демократия –

---

¹ Там же. С.231

² Там же. С.241

³ Там же. С.240.

адекватная политическая надстройка над малоразвитым обществом с «плоской» социальной структурой, обществом мелких буржуа, ремесленников, крестьян, пастухов. Но в высокоразвитом устоявшемся обществе неизбежна высокая степень дифференциации граждан, возникновение сложной многоступенчатой вертикальной иерархии. Трудно представить, чтобы гранды науки, власти, бизнеса могли обсуждать и решать общественные дела на равных с обывателями, рядовыми гражданами. Принцип равенства политических прав между объективно неравными гражданами превращает демократический процесс в профанацию и имитацию. Там где поднимаются не элементарные, но сложнейшие вопросы научно-технологического и общественного развития, демократический порядок принятия решений перестаёт быть эффективным. И учёный честно признаёт: чем выше по социальной лестнице власти, богатства, образования – тем больше скепсиса в отношении гражданского равенства и демократических процедур. Демократия – прекрасная форма правления, но только когда демократия занимается своими вопросами. (Хотя конечно нельзя игнорировать, что, как отмечал ещё Ф.М.Достоевский, свобода и равенство – сильный соблазн для наивных людей).

И Л.П.Делюсин констатировал, что среди широких кругов китайской интеллигенции сильны консервативные настроения: «В их понимании демократия, соединённая со свободным рынком, не может решить задачу всесторонней модернизации страны. Возлагать же надежды на рыночную экономику, на "невидимую руку" Адама Смита – это опасная иллюзия, поддаться которой означает обречь себя на массу бед, ибо без руководства и контроля со стороны сильной власти рыночная экономика становится источником различных зол. Сторонники таких взглядов требуют вернуться к старым

традиционным социалистическим мерам государственного планирования, которое надо улучшать и совершенствовать»¹.

Хотя суждения Л.П.Делюсина способны вызывать острые дискуссии, тем не менее, он как учёный смог представить многогранную и сбалансированную картину идейно-политических настроений в китайском обществе.

Исследование К.А.Кокарева посвящено весьма редкой среди исследователей, весьма политически-чувствительной и ответственной проблематике – как соотносятся рыночные преобразования в китайском обществе с политической жизнью страны, как протекает политическая модернизация в КНР? К.А.Кокареву удалось создать весьма объёмный, основательно продуманный, логически стройный труд – «Политический режим и модернизация Китая» (2004 г.)².

Автор чётко определяет весьма многоликий предмет исследования: «Политическое реформирование трактуется китайскими учёными именно как реформа политического режима или «конкретной политической системы», включающей «изменение правил, норм, способов, которые устанавливаются для регламентации непосредственной деятельности политических субъектов». Реформировать же политическую систему, изменять её базовую основу, принципы организации политической власти, как считают в Китае, недопустимо»³.

Кокарев рассматривает эволюцию политического режима на протяжении нескольких этапов, он выделяет: политическую реформу на начальном этапе после «культурной революции», затем период 1987 – 1997 гг., и наконец, период с 1997 года, после XV съезда КПК.

---

¹ Там же. С.236

² Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 2004, с.320.

³ Там же. С.6

Оценивая характер и содержание реформ общественно-политической жизни КНР, Кокарев пишет, что китайское руководство: «В основном способствовало укреплению в стране авторитарного режима правления с «китайской спецификой», что нашло отражение, как отмечалось, в допущении экономического либерализма, наличии дозированной строго контролируемой КПК демократии, в том числе на базовом уровне, мобилизации под руководством партии возможностей законодательных, исполнительных органов власти и общественных структур в интересах мобилизации экономической и общественно-политической систем, расширение социальной базы для рекрутирования новых членов КПК. Реальное положение дел, несмотря на немалое число значительных проблем, показывает, что Китаю пока удаётся в целом успешно решать задачи поступательного развития общества»¹.

Завершающий вывод автора: «Всё это даёт основания рассматривать нынешний политический режим в Китае как авторитарный с элементами экономического либерализма. На наш взгляд, этот режим на данном этапе модернизации является оптимальным, так как сложный преобразовательный процесс требует высокой управляемости обществом, быстрого маневрирования многообразными функциями политического режима, что возможно при использовании авторитарных форм правления»².

Таким образом, исследование Кокарева обосновано заставляет думать, что так наз. модернизация КНР есть продвижение страны по пути обновления социалистического строя с китайской спецификой, или, другими словами, реализуется некапиталистическая модель развития, модернизация обновляет традиционный публицитет Китая.

---

¹ Там же.с.9

² Там же. С.306

Ядром политической системы социалистической страны была и остаётся Коммунистическая партия Китая, исследование её современных тенденций представлено в работе докт.ист.н. Н.Л.Мамаевой – «Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы»¹ (2007 г.).

Н.Л.Мамаева вносит существенные коррективы в популярные представления о модернизации КНР.

Понятие модернизации страны зародилось в партийной среде ещё в 1950-х годах, ещё в те годы в отдельных выступлениях Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая проскальзывали упоминания о «четырёх модернизациях». Но ребром задача модернизации была поставлена на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.). На XVI съезде КПК (2002 г.) и в решениях последующих пленумов задача обновления страны была сформулирована более масштабно и комплексно: от модели «экономической модернизации» (*цзиньцзи сяндайхуа*), партия переходит к модели «модернизации системы», или «институциональной модернизации» (*чжиду сяндайхуа*), т.е. к модернизации в трёх сферах – экономики, политики, культуры и социальной сферы (в социальной сфере она называлась *сяокан* – «средняя зажиточность»).

Вопреки одномерным оценкам политики реформ, – считает Н.Л.Мамаева –, которые характеризуют модернизацию исключительно как процесс экономических реформ, важную роль в модернизации играли и играют и политические преобразования 80-90-х годов, и последующего периода. В частности, исключительно важную и недооценённую роль в последних, – в сфере партийного строительства и политических преобразований, – сыграл лично Дэн Сяопин.

---

¹ Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. – М.: 2007, с.232.

Н.Л.Мамаева показала, что в условиях политики институциональной модернизации КПК серьёзно реформирует свои отношения как правящей партии с государством и обществом. Новые подходы КПК к исполнению своих руководящих функций в обществе заключаются не в буржуазной «либерализации», не в попытках самоустранения КПК от своей авангардной роли и оставлении страны на «самотёк». КПК идёт по пути нормативизации места, роли, функций партии в её отношениях с государством и обществом.

«В новых условиях привлечения науки к разработке стратегии модернизации страны и реформирования модели управления в КНР наметилась здравая тенденция преодоления несоответствия между устоявшимися политическими штампами и политической практикой, препятствовавшего выработке адекватных подходов к решению проблемы «партия и власть» на современном этапе. Она выражается в различных формах. Прежде всего, констатируем тенденцию к политико-юридическому оформлению руководящей функции партии и намерения партийного руководства отрегулировать законодательно формы и границы взаимодействия партийных комитетов с представительными и исполнительными органами власти, с административными структурами, а также военными и судебно-прокурорскими органами»¹. Очевидно, что подобный подход позволяет соединить две мнимых противоположности: сохранение стабильности власти и государственного управления с его демократизацией, модернизацией².

В исследовании Н.Л.Мамаевой, как и К.А.Кокарева, отчётливо видно, что модернизация КНР захватывает и политическую сферу, что модернизация имеет характер не либерализации на западный манер,

---

¹ Там же. С.8.

² Теоретический аспект нормативизации как демократизации более подробно рассмотрен: Анисимцев Н.В. Исполнительная власть Японии на рубеже веков: система и эволюция. – М.: 2008, с.141.

но носит характер совершенствования социалистической государственности, т.е. нормативизации социалистического публицикета, и подобная политика встречает понимание и поддержку в широких кругах китайского общества.

Отечественные учёные в рассматриваемый период уделяли серьёзное внимание и изучению права КНР, модернизационных процессов, объективированных в законах и указах.

В 1984 г. вышел в переводе на русский язык сборник важнейших документов, освещающих современную китайскую действительность и дающий фундамент для научного изучения начавшихся в КНР перемен¹. Сборник был подготовлен коллективом учёных. Все переводы выполнены на высоком лингвистическом и правоведческом уровне. В него включены документы, представляющие все основные отрасли права – Конституция КНР (1982 г.), государственно-административное устройство, экономическое и природоохранное законодательство, уголовное право, и ряд прочих законов. Свод документов послужил фундаментом в изучении права современного Китая. В большей части этот сборник документов сохраняет своё научное значение и сегодня.

Масштабная панорама эволюции государственно-политической жизни Китая представлена в коллективном аналитическом труде группы учёных под руководством Л.М.Гудошникова «Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80-90-е годы XX века»². В создании работы также приняли участие Р.М.Асланов, Н.Л.Мамаева, А.А.Москалёв, К.А.Кокарев, Г.А.Степанова, и др. Хотя в работе уделено внимание и таким китайским территориям, как Тайвань, Сянган, главное внимание всё-таки адресовано КНР.

---

¹ КНР. Конституция и законодательные акты. Перевод с китайского. – М.:Прогресс. 1984 г., с.470.

² Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80-90-е годы XX –го века. – М.:ИДВ РАН. 2001 г. С.420.

Учёным удалось систематично и обстоятельно раскрыть модернизационные процессы в сфере государственно-политической жизни КНР, преобразования конституционного и административного строя, уголовного судопроизводства, всей сферы, регулируемой публично-правовыми нормами.

Российскими учёными был также подготовлен масштабный, всеобъемлющий труд по проблемам развития политической системы, государственного строя, правовой системы КНР – «Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978-2005» (2007 г.)¹

Труд был подготовлен большим авторским коллективом под общим руководством доктора Гудошникова Л.М. Участвовали в работе Имамов Э.З., Мамаева Н.Л., Пашенко Е.Г., Шепенко Р.А., Бирюлин Е.В., Ганшин В.Г., Максимов Д.А., Трощинский П.В., и другие. Впервые в российской и советской китаеведческой литературе большинство отраслей китайского права представлены в монографии в таком большом объёме.

«Политическая система управления КНР, развитие её правовой системы определяются прежде всего задачами и потребностями экономической модернизации страны, превращения Китая в мощное современное государство, – пишут авторы, – Выполнение этих задач китайское руководство связывает с поддержанием политической стабильности, что предполагает сохранение в основных чертах политического режима, сложившегося после «культурной революции» и зафиксированного в действующей Конституции КНР 1982 г.»². «Установившаяся в КНР после «культурной революции» политическая система и правовые институты ещё не исчерпали себя и

---

¹ Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978-2005 / М.: 2007, 464 с.

² Там же. С.463.

достаточно обеспечивают экономический и социальный прогресс страны»¹.

Предпринимаемая властями КНР работа по строительству правовой системы социализма с китайской спецификой призвана превратить КНР в социалистическое правовое государство. И хотя, как пишут авторы, «Становление КНР в качестве правового государства во многом выглядит пока ещё как программное обращение к будущему. Но в качестве программы – это весьма позитивный фактор её прогресса»².

Анализу наиболее общих тенденций развития права КНР в свете проблем оценки характера китайской модернизации был посвящен и наш скромный опус – Анисимцев Н.В. «Правовая система «социализма с китайской спецификой»: её становление, дуализм и гармония» (2013 г.)³. В статье проводится мысль, что баланс публично-правовых и частно-правовых норм в формирующейся новой системе права КНР может служить индикатором изменений социально-экономического и политического характера китайской модернизации. «Сформированная ныне в КНР «правовая система социализма с китайской спецификой» призвана быть отражением и инструментарием «социалистической рыночной экономики» и «гармоничного общества», обеспечивающих гражданам Китая «средний уровень зажиточности». В совокупности они и составляют фундамент «социализма с китайской спецификой». Идеологически «социализм с китайской спецификой» развивается в русле идейной традиции учения Маркса, Ленина – идей и практического опыта многоукладности общественной формации, при которой параллельно и долгосрочно развиваются противостоящие и

---

¹ Там же. С.464.

² Там же. С.8.

³ Анисимцев Н.В. «Правовая система «социализма с китайской спецификой»: её становление, дуализм и гармония» // Анисимцев Н. Китай и Япония в начале XXI века. Очерки права, идеологии, историографии. – Германия, Саарбрюккен, 2013, сс. 7-30.

взаимодополняющие друг друга уклады – государственно-плановый и предпринимательско-рыночный. При этом сосуществование таких укладов рассматривается не как временное переходное состояние, но как долговременная историческая данность, имеющая диалектическую природу, абстрактно-рациональную, надисторическую детерминированность. Это сочетание идейных подходов и социальных укладов и закреплено в нынешней правовой системе, где оно выступает в оболочке сложного баланса частно-правовых и публично-правовых институтов и норм»¹.

Таким образом, автор, связывая публичное право с социалистической перспективой страны, а её гражданское право - с рыночной экономикой и гражданским обществом, считает, что в КНР в правовом отношении сложилось устойчивое «двухколейное» гармоничное единство этих двух разделов правовой системы.

В процессе модернизации права КНР ключевое значение неизбежно приобретут и такие аспекты, как развитие гражданского права, соотношение гражданского права с публичным правом, хозяйственное право на службе модернизации страны. Если Конституцию справедливо считают высшим законом жизни государства, то высшим законом жизни общества можно считать гражданский кодекс, гражданское право той или иной страны. Изучению этой сферы китайской модернизации также посвящён ряд ценных специальных работ российских учёных.

В 1990 г. вышел сборник работ группы учёных, озаглавленный «Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс)»². В 1980-е годы предполагалось, что модернизация КНР ограничится сугубо экономической,

---

¹ Там же.с.29.

² Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 316 с.

хозяйственной сферой и не станет явлением цивилизационной сложности и масштаба.

Но такой суженный подход к теме нисколько не умаляет ценности исследовательских работ, включённых в сборник.

Среди авторов сборника – Л.М.Гудошников, Л.А.Волкова, К.А.Егоров, Э.З.Имамов, С.А.Манежев, Е.Г.Пашенко.

В книге последовательно рассматриваются такие вопросы как государственно-правовое регулирование модернизации в КНР, проблемы экономической реформы и систематизации гражданского права, организационно-правовые формы хозяйственной деятельности и юридические лица, правовой статус государственного предприятия и его преобразования в ходе экономической реформы, политико-правовое регулирование модернизации сельского хозяйства, основные направления законодательной политики в области научно-технического прогресса, правовая регламентация открытой внешнеэкономической политики.

Авторы пишут в заключении, что: «Проведение социалистической модернизации в Китае является задачей исторического масштаба.... Опыт, полученный в ходе реализации принципиально новых идей в этом процессе, следует отнести к достоянию всего мирового социализма, подлежащему всестороннему анализу и изучению»¹. И сам рассматриваемый научный сборник стал примером такого заинтересованного, доброжелательного, глубоко-научного изучения. Хотя многие данные и наблюдения сегодня уже перестали быть актуальными, тем не менее, многие научные выводы авторов и сегодня незаменимы для всякого, кто хочет понимать истоки, характер, логику модернизации КНР, сохраняют свою справедливость и ныне.

---

¹ Там же, с.303.

Замечательная роль в изучении гражданского права КНР принадлежит безвременно ушедшему д.юр.н. Е.Г.Пащенко.

В 1997 году увидел свет подготовленный им сборник документов специально по гражданскому законодательству КНР, переводы документов и вводная аналитическая статья¹.

Данное издание китайского гражданского законодательства по сути является первым в России, где собраны нормативные акты гражданско-правового характера, а также, и иные акты, попадающие в сферу действия гражданско-правовых отношений. Практически все представленные документы были промульгированы в предшествующие 10-15 лет и отражают развитие товарно-денежных отношений и рыночных законов, гражданско-правовых отношений в КНР.

Как известно, гражданско-правовые отношения подразделяются в общем на четыре основных группы – отношения собственности, отношения экономического оборота, отношения, связанные с творческой деятельностью, и наконец, наследственные отношения. Соответственно, и представленное в сборнике законодательство группируется на ряд тематических разделов – право собственности, обязательственное право, право интеллектуальной собственности, наследственное право.

Другой труд Е.Г.Пащенко «Экономическая реформа в КНР и гражданское право», по-видимому, должен считаться основополагающим в изучении темы гражданское право КНР².

Автор рассмотрел и осветил многие ранее не изученные аспекты гражданского права Китая. Он создал картину правовых традиций Китая в данной сфере, господствовавших до начала модернизации

---

¹ Гражданское законодательство КНР: Пер. с кит. – М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1997 г. – 336 с.

² Пащенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. – М.: Издательство «Спарк», 1997. 188 с.

страны. Автор рассмотрел и процесс зарождения, начала современных реформ – политической борьбы в КНР по вопросам будущего страны, путей её модернизации, формирование курса «идти на двух ногах» в сфере гражданского права. Также, автор подробно исследует стартовые позиции нынешних реформ – Общие принципы гражданского права, принятые в 1986 году.

В работе обстоятельно раскрываются гражданско-правовые аспекты статуса основных субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности периода начавшихся реформ. Читатель знакомится с многоукладным характером китайской экономики и разнообразием субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности. Подробно анализируются правовые и организационные основы существования и функционирования государственных промышленных предприятий; досконально освещаются проблемы правового статуса коллективных предприятий (городских, волостных и деревенских, крестьянских паевых кооперативных предприятий). Дана развёрнутая характеристика предприятий с иностранным участием (совместных, кооперационных, чисто иностранных, предприятий специальных экономических зон). А также, рассмотрен правовой статус и динамика развития частных предприятий и предпринимательская деятельность граждан без образования юридического лица.

Специальный раздел посвящён исследованию договорных форм организации экономических отношений (хозяйственным договорам, подрядным договорам в промышленности и сельском хозяйстве, договорам арендного хозяйствования).

Общий вывод автора (на конкретный исторический период) гласил: хозяйственный механизм «социализма с китайской спецификой» активно облекается в гражданско-правовые формы, а гражданское право превращается в опосредующий инструмент

перевода национальной экономики на путь рыночного регулирования. На этом пути существуют многочисленные и непростые проблемы: постоянная борьба плана и рынка часто ведёт к сужению сферы действия гражданского права. И, тем не менее, заключает автор: «Расцвет гражданского права КНР впереди», развитие рыночной экономики КНР диктует и всё более широкое внедрение норм гражданского права в жизнь страны. Труд доктора Е.Г.Пашенко и ныне в своих прогнозах является пророческим.

Немало исследователей работает в «жанре» традиционного исторического исследования. Среди них есть и обобщающие, и специальные работы. Примером масштабной обобщающей работы в первую очередь может послужить труд д.ист.н. В.Н. Усова "История КНР"¹. Речь здесь идёт о втором томе данного труда, охватывающем период 1966 - 2006 гг. Это традиционное "историческое" исследование, раскрывающее процесс развития КНР в хронологической последовательности и охватывающее разнообразные сферы жизнедеятельности общества, – экономика, политическая борьба, культурная жизнь и т.д.

Основное внимание автора направлено на комплексное раскрытие процесса развития материально-технической и социально-культурной основы бытия страны, стабилизации и упорядочения общественно-политической жизни народа.

Так, подводя итоги развития страны к началу XX века, В.Н.Усов приводит убедительные данные о достижениях Китая в развитии производительного потенциала страны. Если в 1950-м году по объёму ВВП КНР занимала лишь пятое место в мире (4,5% общемирового ВВП), то в 1999 г. КНР прочно вышла на второе место (11,5%) после США. Рост показателей экспорта показывает, что экономика КНР

---

¹Усов В.Н. История КНР в 2 т. Т.II. 1996–2004 гг.:учебник/ В.Н.Усов – М.:АСТ – Восток-Запад, 2006, – 718 с.

растёт в конкуренции с мировым рынком, при этом доля продукции обрабатывающей промышленности в общем объёме экспорта выросла до 87,1%, в том числе доля продукции высокотехнологических отраслей – с 2,6% в 1980 г. до 22,4% в 2000 г., и т.д.

Своеобразие историософских подходов автора становится более заметным, когда он касается вопроса о социальных формах реализации материально-культурного прогресса в КНР.

Это своеобразие отражается прежде всего в его периодизации истории КНР, которая выглядит к примеру так: 1979-82 гг. – "поиски руководством КНР реалистического пути развития и модернизации Китая"; 1982-84 гг. – "первые итоги урегулирования, достижение экономической стабильности"; 1984-1996 гг. – "второй этап реформ". «Начало структурных реформ" 1996 г. – ... "третий этап реформ". Как видно, определения характера эволюции имеют чисто этапный характер, не просматривается сквозное определение характера социальной эволюции.

Подобный подход, с одной стороны, согласуется с авторским пониманием общей стратегии развития КНР: стратегия соответствовала обстановке в КНР, она была нацелена на ускорение экономического и социального развития страны, сокращала её разрыв с развитыми странами мира. Во главу угла была поставлена как первостепенная цель задача – осуществляя реформы, достичь высокого экономического роста. Хотя автор и говорит местами о "постепенных рыночных преобразованиях", всё-таки основной проводимый им тезис – это материально-культурный прогресс, не имеющий строгой, чёткой привязки к социальным формам.

Отсутствие определённой чёткой оценки социального характера развития КНР – это тоже точка зрения. И суть её – КНР пока не сделала однозначного, чёткого необратимого выбора, вопрос о социальном строе КНР остаётся в реальной жизни открытым.

С другой стороны, очевидно, что авторская концепция В.Н.Усова стоит несколько особняком в сравнении с другими работами. Она отличается идейным, научным объективизмом в освещении процесса модернизации КНР. В конце концов, социальные формы имеют лишь частичную автономию во взаимосвязи с развитием материального производства, они зависимы и вторичны. А вот материально-культурный прогресс КНР – очевидный и бесспорный исторический факт.

В.Н. Усову принадлежат и масштабные специальные исторические исследования – биографии современных исторических деятелей, например, его труд «Дэн Сяопин и его время»¹ (2009 г.).

Завершающие главы обширного исследования посвящены наиболее важному и плодотворному периоду деятельности великого реформатора Китая. В рассматриваемый период Дэн Сяопин предстаёт как смелый и мудрый реформатор страны, сконцентрировавший свои усилия на налаживании, переустройстве всей хозяйственной жизни, как инициатор обогащения и совершенствования социально-экономической жизни Китая на путях внедрения и развития механизмов рыночной экономики.

Вместе с тем, подробно представляя Дэна как реформатора-рыночника, В.Усов показал и ту исключительно важную роль, которую сыграл Дэн в столь знаковом, критически важном событии как роль, реакция партийно-государственного руководства на массовые выступления в апреле-июне 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Усов приводит свидетельство Чэнь Ицзы: «Дэн квалифицировал студенческие выступления как «антипартийные и антисоциалистические беспорядки.... Он заявил, что настоящие события не являются обыкновенными студенческими выступлениями, мы имеем дело с политическими беспорядками, нацеленными на

---

¹ Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время / М.: 2009 г., 872 с.

подрыв руководства со стороны КПК и отказ от социалистического строя»¹. В.Н.Усов показал, что позиция Дэна Сяопина сыграла исключительно важную роль в удержании КНР на пути прогрессивных реформ при сохранении стабильности государства, власти и общества, базовых устоев страны, недопущении разгула анархии и потери управляемости, соскальзывания в катастрофические процессы. В исследовании В.Усова Дэн Сяопин предстаёт как многогранный исторический деятель, до конца жизни оставшийся верным коренным идеалам социализма.

Весомым вкладом в изучение самой новейшей истории Китая являются труды и доктора исторических наук Ю.М.Галеновича.

Помимо многих научных трудов по проблемам внешней политики КНР, ему принадлежат и работы по проблемам идеологии и модернизационных процессов КНР сегодня. Его книги содержат богатейший фактический материал, позволяющий в бесчисленных красках увидеть, почувствовать реальный мир современного Китая. Уже одно это обстоятельство делает его труды ценнейшим источником информации для исследователей и всех читателей.

Одна из последних его работ «Чжао Цзыян и реформы в Китае»² (2012 г.) посвящена видному государственному деятелю КНР, сыгравшему важную роль в модернизации КНР, и в частности, выступившему в период волнений на площади Тяньаньмэнь 1989 года как сторонник углубления процессов либерализации.

Позиция Ю.М. Галеновича показательна, к примеру, когда он характеризует историческую роль Дэна Сяопина по одному конкретному вопросу – по Закону о предприятии, разделившем право собственности и право хозяйствования. Ю.М.Галенович пишет так: «Для Дэна Сяопина, для теневого «хозяев» партии, для её «старейшин»,

---

¹ Там же. с.749-750).

² Галенович Ю.М. «Чжао Цзыян и реформы в Китае» - М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012. – 752 с.

для значительной части правящего партийно-государственного аппарата, то есть для номенклатуры, для власть предержащих было важно иметь в руках рычаги, с помощью которых они надеялись вечно держать в своих руках политическую власть над Китаем. Такими рычагами могли выступать лозунги и термины: «социализм со своеобразием Китая (социализм со спецификой Китая)», «социалистическая рыночная экономика», а также сохранение права собственности официально и формально в руках государства, предоставление людям, частным лицам, семьям, коллективам только права управления и на предприятия и, что чрезвычайно важно, на землю»¹. Автор, таким образом, стремится указать на дуалистический характер китайской модернизации.

Его оценки мотивов, которыми руководствуются лидеры КНР, достаточно спорны. Тем не менее, богатейший часто уникальный фактический материал и аналитический опыт учёного делают книгу весьма ценным источником информации при изучении современного Китая.

Работы историков, хотя и отличаются многообразием подходов и точек зрения, тем не менее, помогают сформировать общую картину модернизации современного Китая. Но картина эта неизбежно сложна и многокрасочна, а главное – не завершённая.

Представленное здесь рассмотрение трудов российских китаеведов объективно не может претендовать на исчерпывающую полноту. Автор настоящего опуса стремился всего лишь представить, хотя бы упомянуть, наиболее репрезентативные работы наиболее видных авторов с целью выявить, обрисовать некоторый основной и общий для отечественной синологии последних лет интеллектуальный тренд.

---

¹ Там же. С.499

За последние 15-20 лет отечественная синология своими исследованиями смогла охватить широчайший тематический спектр вопросов, непосредственно затрагивающих процесс, проблематику так наз. «модернизации» КНР. Это и общефилософская и цивилизационная тематика (М.Титаренко, А. Салицкий, А.Виноградов), идеологические концепции (Л.Переломов, А.Лукьянов, Д.Смирнов), экономические процессы (В.Портяков, Я.Бергер, Э.Пивоварова, А.Островский), социальная трансформация (В.Ганшин, Ю.Галенович), процессы в политической жизни (Н.Мамаева, Л.Делюсин, К.Кокарев), правовое строительство (Л.Гудошников, Е.Пащенко), исторические исследования общего (В.Усов) и специального характера (Ю.Галенович), и многие другие.

Все представленные авторы основывают свои рассуждения на изучении оригинальных китайских источников, их глубоком объективно-научном анализе. Тем самым в науку был введен ценный информационный материал, серьёзно обогативший эмпирическое основание наших знаний о Китае.

В работах отечественных синологов просматривается и общность в понимании ряда явлений, и различия.

Все без исключения авторы признают выдающиеся достижения китайского народа в подъёме материально-культурного уровня страны, развитии науки и производства, успешное решение социальных задач, подъём благосостояния масс и культуры, укрепление богатства и мощи страны, рост международного авторитета КНР. Можно сказать, что «градуалистский» критерий, подход широко признан в кругу исследователей-синологов. Сторонники такого взгляда, что-де «пусть страна разрушается, народ нищает, зато у нас рынок и демократия» среди синологов практически не встречаются.

Основное разнообразие взглядов, различие концептуальных подходов и оценок наблюдаются в сфере понимания и характеристики

социальных форм и перспектив развития КНР, китайской «модели» развития. Многие авторы описывают происходящие перемены как «переход от командно-административной системы к рынку», т.е. именно как «модернизацию» (не только экономическую, но и социально-политическую). Им оппонируют авторы, которые придерживаются более сбалансированной точки зрения: Китай продолжает развиваться в русле своей главной исторической традиции, КНР остаётся страной социалистической, с мощным государственным сектором, развитие рынка и соответствующие социально-политические перемены обогащают экономическую, социальную, политическую действительность КНР, не изменяя его коренную природу, его про-социалистический, не-капиталистический строй и характер развития.

Эти разногласия отражают действительную сложность мирового развития – выбор человечества между «западной цивилизацией» и «евро-азиатским публицитетом». Есть и работы, которые обходят вниманием этот непростой теоретический выбор, ограничиваясь чисто «градуалистским» пониманием эволюции современного Китая.

Если суммировать взгляды отдельных учёных в некое гипотетическое единство, интегральную концепцию, то складывается картина – всё более рыночный и либеральный экономический и социальный базис страны, и, по-прежнему, традиционный, социалистический, консервативный общественно-политический строй. Подобное сочетание весьма распространено в современном мире, и называется оно – «неоконсерватизм».

Напрашивается вывод, что исследовательские труды отечественных синологов за последние 10-15 лет в совокупности способны представить широкую, объективную, многогранную научную картину состояния и развития современного Китая.

История китайского японоведения: прошлое и настоящее

В последние три десятилетия изучение Японии в Китае демонстрирует яркий прогресс.

Японоведение – предмет, изучающий историю, язык, общество, экономику и политику, культуру и искусство этой страны, давно стало заметной частью мирового гуманитарного знания.

Япония, которая в силу обстоятельств природы и истории с давних времён является краем ойкумены, сформировалась как сокровищница древней и самобытной культуры, привлекавшей многих путешественников и исследователей. В новое время прежде других азиатских стран вставшая на путь успешной модернизации Япония и её внешняя политика часто были предметом международной озабоченности, источником серьёзных опасностей и потрясений на Дальнем Востоке и Тихом океане. В новейшее время, после Второй мировой войны, обновлённая демократизированная Япония не единожды удивляла мир своими передовыми технологиями, стремительными темпами экономического роста, оригинальными научными и культурными решениями. Значительны авторитет, влияние Японии в современной мировой экономике, политике, культуре.

С того времени, когда в 1542 г. на землю Японии вступил первый европеец, Япония неизменно привлекала любознательные умы, внимание западных исследователей. Красноречивы статистические данные, представленные японской стороной: по подсчётам Фуцзицу Сигэо, за период с середины 16-го века до 1992 года в странах Запада, в России, а также, Китае вышло свыше 160 тысяч наименований работ о Японии – это монографии, журнальные статьи, брошюры и листовки,

карты, диссертации. В том числе, книг среди них – около 30 тысяч наименований¹.

Хотя японоведение – научный предмет, получивший основное развитие в странах Запада, и, прежде всего, в России и США, тем не менее, сегодня и Китай начинает играть заметную роль в этой сфере знания. Косвенным показателем прогресса китайского японоведения могут быть данные справочника «Библиография японоведческих исследований в Китае», изданного Пекинским университетом. По данным на 1991 год, за 40 лет после провозглашения КНР в стране суммарно вышло 12788 наименований японоведческих работ, в том числе 580 наименований монографий, 8119 диссертаций, свыше 4000 переводов². Успехи китайских учёных не должны пройти мимо внимания изучающих Японию. Ведь Китай имел свою длительную историю изучения своего соседа Японии.

Знакомство Китая с Японией в древности и средние века (до середины XIX в.)

История сложилась так, что китайцы являются пионерами в изучении и накоплении письменных сведений о древней Японии (за рубежом).

В самой Японии, как известно, древнейшими письменными памятниками, дошедшими до наших дней, в которых даётся описание Японии, являются «Записки о делах древности» (*яп.* Кодзики) и «Анналы Японии» (*яп.* Нихонги), оба памятника датируются VIII веком н.э.

В Китае же первые упоминания о Японии появляются ещё в эпоху Борющихся царств (Чжань-го, 475 – 221 гг. до н.э.), и в эпоху

---

¹ См. Wang Yong. Japanology in foreign countries. History and Trends. – International research center for Japanese studies. Kyoto. 2007. p.434-439.

² Ли Юй, Лю Юймин, Чжан Гуйлай. Библиография японоведческих исследований в Китае. 1949-1988 гг. Издательство Пекинского университета. 1991 г. 557 с. [*кит.*: Чжунго жибэньсюэ бяньчжу соинь]

ранней династии Хань (206 г. до н.э. –) в книге «Трактат о горах и морях» (*кит.* Шаньхайцзин). В разделе «Трактат о Севере внутри моря» (*кит.* Хайнэй бэйцзин) упоминается народ «вэй/во», что предположительно означало японцев. Однако, данный термин первоначально не имел точной привязки к территории или этносу. Термин «во» использовал в эпоху поздней Хань (25 – 220 гг. н.э.) и китайский философ Ван Чун, но у него также нет чёткой географической атрибуции термина.

Первым, кто дал сравнительно ясное определение географии народа-государства «Во» был историк ранней династии Хань Бань Гу. В своей «Книге Хань» (Хань шу) он уже привязывает «во» к островам японского архипелага (Лэланхай). «Книга Хань» датируется 1-м веком нашей эры, и с этого временного рубежа, можно обоснованно считать, начинается изучение китайцами Японии, рождается китайское японоведение.

С этого времени Япония и японцы более-менее регулярно упоминаются в китайских материалах. Как правило, они обозначаются терминами «во» или «вожень», что соответствует древнему самоназванию японцев «вадзин», «ямато». Используются и другие термины: восточные варвары (дунъи), иноземные варвары (иман), юго-восточные варвары (дун-нанъи), дикари (ибо), четыре варвара (сы-и).

Наибольшую ценность среди древних китайских авторов представляют сведения историка Западной Цзинь (265-316 гг.) Чэнь Шоу (223-297 гг.). В 289 г. он создал труд «Записки о трёх царствах» (*кит.* Саньгочжи), в его корпус входит книга «Вести о восточных варварах» (*кит.* Вэйчжи вожэнь чуань, *яп.* Гигэси вадзин дэн), насчитывающая 1987 иероглифов, образующих 17 глав. Книга является подробнейшим описанием Японского архипелага, более точным, чем у Бань Гу. Сообщается, что на архипелаге существовало

более 30 посёлков-государств (*яп.* бураку-кокка) и «малых государств», т.е полисов. Об этих государствах приводятся сведения географического и политического характера, описывается материальная культура, обычаи и нравы народа, его законы, производственные технологии, и даже политическая система и состояние отношений с Китаем и Кореей. Этот текст и сегодня имеет базовое значение как источник сведений о древней Японии.

Труд Чэнь Шоу оказал огромное влияние на последующее китайское японоведение, предопределив государственный стандарт описания Японии: начиная с него и вплоть до XX века официальные китайские исторические хроники оформлялись как «вести о людях во» (вожень чуань), «японские записки» (жибэнь чжи).

Последующие китайские официальные хроники регулярно упоминают Японию и японцев. Список этих хроник выглядит так:

Имя автора хроники	Название книги	Год написания	Название раздела, посвящённого Японии	Термин, обозначающий Японию и японцев
Чэнь Шоу	Записки о трёх царствах (Саньгочжи)	289 г.	Известия о восточных варварах (Дуньичуань)	Люди Во (Вожень)
Фань Е	Книга поздней Хань (Хоухань шу)	445 г.	Известия о восточных варварах (Дуньичуань)	Во
Шэн Юэ	Книга династии	488 г.	Историческое описание	Вого

	Сун (Сун шу)		восточных варваров (Дунмань лечжуань).	(Государство Во)
Сяо Цзысянь	Книга южного (княжества) Ци (Наньци шу)	514 г.	Известия о юго-восточных варварах (Дуннаньичуань)	Во
Яо Сылянь и др.	Книга Лян (Лян шу)	635 г.	Известия о восточных варварах (Дуньичуань)	Во
Вэй Чжэн	Книга Суй (Суй шу)	636 г.	Известия о восточных варварах (Дуньичуань)	Вого (Государство Во)
Фан Сюаньлин и др.	Книга Цзинь (Цзинь шу)	646 г.	Историческое описание четырёх варваров (Дунмань лечжуань)	Люди Во (Вожень)
Ли Яньшоу	Южная история (Наньши)	659 г.	Известия о варварах мо (Имо чуань)	Вого (Государство Во)
Ли Яньшоу	Северная история (Бэйши)	659 г.	Известия о четырёх варварах (Сыичуань)	Во (Во)

Лю Сюань	Старая книга (<i>династии</i>) Тан (Цзю тан шу)	945 г.	Известия о восточных варварах (Дуньичуань)	Вого (Государство Во), Япония (Жибэнь).
Оу Янсю и др.	Новая книга (<i>династии</i>) Тан (Синь тан шу)	1061 г.	Известия о восточных варварах (Дуньичуань)	Япония (Жибэнь).
То То и др.	История Сун (Сун ши)	1345 г.	Известия о зарубежье (Вайго чуань)	Япония (Жибэнь).
Чжан Яньюй	История Мин (Мин ши)	1737 г.	Историческое описание зарубежья (Вайго лечжуань)	Япония (Жибэнь).
Кэ Шаоминь	Новая история Юань (Синь юань ши).	1920 г.	Известия о зарубежье (Вайго чуань).	Япония (Жибэнь).
Чжао Эрсюнь и др.	Очерк истории Цинь (Циньши гао)	1927 г.	Записки о международных отношениях (Банцзяо чжи)	Япония (Жибэнь)

С самого зарождения китайская имперская историография находилась под влиянием традиционного представления Китая о мире — ойкумена делится на сферу «процветания/ культуры (*хуа*)», которая отождествлялась с Китаем, и сферу «дикости/ варварства (*у*)».

Большого интереса к изучению мира «варваров» и их культуры китайские авторы не имели. Но, важно, что со времени установления дипломатических отношений с другими государствами китайцы рассматривали эти другие государства и народы как зависимые, вассальные, даннические. Поэтому применительно к ним возникала необходимость учитывать и описывать в императорских хрониках Китая эти народы в качестве данников, включать их в летописи китайского правления, историографию правления. Поэтому на протяжении тысячелетий китайские придворные авторы более-менее упорно и последовательно отслеживали жизнедеятельность соседних народов. Науке, получается, данное обстоятельство пошло на пользу: на сегодня китайцы являются не только авторами первых описаний Японии, но и имеют исключительно долгую и последовательную летопись японской истории с древности.

Автор Хироси Мукаиэй (*кит.* Чжу Сянжун) утверждает, что отношения Китая и Японии начались «5– 6 тысяч лет назад»¹. Тем не менее, реальные сведения показывают, что на Японских островах разворачивается процесс рождения и централизации ранне-феодальной государственности и сопутствующий процесс установления межгосударственных сношений Китая и Японии лишь в середине первого тысячелетия н.э. При этом естественно происходит взаимное обогащение народов сведениями друг о друге.

Уже в 502 г. племя Ямато направило ко двору китайской династии Лян (502-556 гг.) своё посольство. Следующее посольство из Японии прибыло в Китай в 600 г. ко двору уже другой династии – Суй (581-618 гг.). Всего к династии Суй из Японии посылались четыре посольства. Следующее посольство состоялось в 607 г.. А в 608 г. уже из Китая в Японию было направлено посольство. Последнее

---

¹ Хироси Мукаиэй/Чжу Сянжун. Состояние исследований Японии в Китае (*яп.* Тюгоку но нихон кэнкю но гэндзё) // Адзия бунка кэнкю. 1992 г., февр., №18, Кирисутокё дайгаку. Токио, СС.13-18.

посольство в Китай к династии Суй состоялось в 614 г. Затем последовал перерыв, обусловленный сменой правящей династии в Китае. С утверждением династии Тан (618-907 гг.) японские посольства возобновляются — 630 г., 653 г., 654 г., 659 г., 665 г., 669 г., 702 г..... Всего танский Китай посетило 12 японских посольств.

Параллельно развивались и культурные контакты. Десятки студентов, монахов из страны Ямато направлялись в Китай.

С 632 г. по 778 г. Японию посетили 8 китайских миссий¹.

Вплоть до конца IX века Китай и Япония поддерживали регулярные дипломатические отношения. А это означает, что в рассматриваемый период уровень информированности китайцев о Японии переходит на качественно новый уровень: отныне это не отрывочные сведения, часто просто слухи из малонадёжных, случайных и косвенных источников, теперь Китай получает более объективную и систематическую информацию из авторитетных источников, от своих дипломатов и от самих японцев. (В конце IX века дипломатические сношения были прекращены по воле японской стороны, опасавшейся мощи своих соседей: Япония уже в древности прибегала к политике «самоизоляции»).

Утвердившаяся в Китае монгольская династия Юань (1279 – 1368 гг.) дважды предпринимала попытки военного вторжения на японские острова. Поэтому в её официальных хрониках имеет место сильное преобладание сведений военного характера.

Настойчивый интерес к сведениям военного характера получил новый стимул при династии Мин (1368– 1644 гг.). Правление этой династии омрачали две больших напасти – это «северный полон и южные варвары» (бэйи нань), т.е. вторжения монголов с севера и набеги с моря японских пиратов.

---

¹ См. История Японии. Т.1. / РАН. Институт востоковедения. М.1999, с.84, с.159.

В Японии этого периода получает развитие морское пиратство. Набеги на китайское побережье с моря начинаются со времени поздней династии Юань, переживают подъём в XVI веке и сходят на нет только к XVII веку (т.е. периоду новой самоизоляции Японии с 1644 г.). К этим бедам добавилось и то, что в этот период японское государство, где энергично протекает процесс централизации позднефеодального периода, предпринимает попытки вторжения в соседние страны. В 1592 г. японская армия под предводительством Тоётоми Хидэёси вторгается в Корею, при этом также становятся известны и замыслы японцев вторгнуться в Китай. Китай для защиты своих интересов вынужден был прийти на помощь Корее. Так началась первая большая война между Китаем и Японией. Потерпев поражение в войне 1592-1594 гг., Япония повторила попытку захвата Кореи в 1597-98 гг., тоже оказавшуюся неудачной для неё. Благодаря помощи китайской армии и флота, корейский народ отстоял свою независимость.

Но Китай вынужден был уделять пристальное внимание обеспечению своей безопасности от Японии – от нападений японских и её военно-феодальной знати, и всерьёз вести сбор соответствующей информации.

Китайские сведения этого периода о Японии становятся более многочисленными, более конкретными, детализированными. Многие китайцы начинают посещать Японию и регистрируют свои наблюдения. Такие сведения доставляют китайские дипломаты, иногда в Японию направляются китайские разведчики для получения нужной информации. Часть информации поступает от пленных китайцев, которые смогли освободиться из пиратского плена и вернуться на родину. В рассматриваемый период китайцы начинают изучать японский язык и составлять словари.

Важным источником сведений о Японии этого периода для историков служит государственная хроника «История Мин: известия о Японии (Мин ши. Жибэнь чуань)». По традиции, она описывает четыре темы: официальные сношения, состояние торговли, проблема пиратства, и война против японского вторжения в Корею.

В это же время по поручению центрального правительства Китая губернатор приморской провинции составил «Краткие заметки о Японии». Также, была издана книга «О Японии», где приводились подробные географические сведения о Японии, об острове Кюсю, служившим главной базой японского пиратства. Эти издания были призваны ознакомить чиновников и солдат с проблемой японского пиратства.

Подъём в этот период переживает и литература неофициальных, гражданских описаний Японии, выполнявшихся учёными, чиновниками, военными, путешественниками. Этот жанр существовал с эпохи Тан, но именно в эпоху Мин он становится важным источником сведений о стране, вышло несколько десятков книг и брошюр о Японии.

Ценнейшей специальной японоведческой монографией периода была книга Сюэ Цзюнь «Размышления о Японии» (*кит.* Жибэнь каолюэ). Работа состояла из трёх книг, но до наших дней дошла лишь одна, объём её около 10 тысяч иероглифов. Автор затронул широчайший круг тем – границы, рельеф, административное деление, производство, летоисчисление, обычаи, денежный оборот, придворный этикет, история отношений Японии и Китая от эпохи Хань до Мин, слова японского языка, и прочее. Особо ценится работа Сюэ Цзюня за то, что он отбросил старый стиль написания хроник и сформировал новый для китайцев стиль написания книг, отличный от официальных хроник, более оригинальный, непосредственный, народный.

Ещё одна работа, оказавшая огромное влияние на современников и потомков, – Чжэн Жоцзэн «Карта моря (Чоухай тубянь)», в которую входила и «Карта Японии (Жибэнь тучжуан)». Всего работа содержит 13 томов с картами и подробными описаниями. Второй том, помимо описания Японии и китайско-японских отношений, содержит и лоцманские сведения, как доплыть до Японии. В описании Японии Чжэн выступил как энциклопедист, его сведения – это новый уровень знаний о Японии. Особенно подробно он описывает береговую линию Кюсю, вводит в оборот новые названия географических объектов в Японии.

Работа Чжэн Жоцэна имеет исключительное значение также благодаря своему списку японских слов, так наз. «циюй». Китайские авторы приводили в своих трудах японские слова, записывали японские стихи вака и хайку. Они транскрибировали звучание японских слов китайскими иероглифами. Но поскольку все китайские авторы были выходцами из прибрежных провинций Цзянсу и Чжэцзян, то транскрипция опиралась на диалектное произношение района Нинбо. К этим словам «циюй» снизу добавлялись иероглифические записи их значений. В самом маленьком списке подобных японских слов насчитывалось 380, а в самом большом у Чжэн Жоцэна – 3410. Эти сведения и сегодня являются ценнейшим научным источником для филологов.

Нельзя не упомянуть и некоторых других авторов. Ли Янгун и Хао Цэ создали «Очерк о Японии» (Жибэнькао). Чжэн Шуньгун – «Записки о Японии» (Жибэнь ицзянь). Сун Инчан – «Записки о возрождении страны» (Цзинлюэ фуго яобянь). И это не полный перечень работ того времени.

В период правления в Китае следующей династии Цинь Япония переходит к политике самоизоляции. Со своей стороны Китай всё больше рассматривает Японию как «малое вассальное государство».

Поэтому, китайские сведения о Японии деградируют и количественно, и качественно.

В «Книге даней императорам Цинь» (Хуан Цинь чжигун ту) периода правления императора Цяньлуна (1735-1796 гг.) Японии уделено лишь 139 иероглифов: интерес к ней становился минимальным.

Единственное выбивающееся из ряда произведение – это Вэн Гуанпин «Дополнительные сведения к зеркалу Уци» (Уци цзинбу), более распространённое название книги – «Записки о государстве Япония» (Жибэньго чжи), составленные в 1814 году. В ней 30 свитков. Десять свитков из них посвящены династийным таблицам, также, есть сведения о китайско-японских отношениях, географии, обычаях, продовольствии, торговых мерах, обзор должностей, государственные книги, военное дело, зависимые территории, и проч. Семь свитков посвящены искусству и литературе. Перечисляются 60 имён японских учёных, литераторов периода с V по IX век, приводятся поэтические произведения. Тематика труда очень широкая.

Также, некоторое значение имеет написанный Чэнь Лунцзюнь «Каталог вестей о морских государствах» (Хайго цзяньвэнь лу), в работе есть раздел «Записки о восточном океане» (Дунъян цзи). Также, Ван Пэн «Карманные записки о зарубежных странах» (Сюхайбянь). Оба автора посетили Японию в период её самоизоляции, но их пребывание ограничивалось городом Нагасаки, соответственно, и собранные сведения большой ценности не имели.

Эпоха династии Цинь совпала с самоизоляцией Японии и больших успехов в изучении Японии не достигла.

Тем не менее, китайские сведения о Японии, собранные в древности и средние века представляют исключительную научную ценность, труды древних китайских учёных, летописцев, путешественников имеют уникальное мировое значение.

Изучение Японии в Китае в Новое время (с середины XIX века до 1949 г.)

Новое время приходит в Восточную Азию позже, чем в Европу. Китайские историки начинают его отсчёт с «опиумных войн» (1840 г. и 1856-60 гг.) – колониальных войн, развязанных Англией против Китая. Для Японии оно начинается с вынужденного прекращения самоизоляции в 1854 г. по причине подписания неравноправных торговых договоров, навязанных ей США, и скоро последовавшей незавершённой буржуазной революции 1868 года – так наз. «обновления Мэйдзи».

Последствия этих перемен оказались разными для Японии и Китая. Япония успешно двинулась вперёд по пути развития капиталистического строя, создания промышленного производства, строительства современного государства, в то время как Китай неуклонно превращался в отстающее полуфеодальное, полуколониальное общество, подвергающееся непрерывному натиску западных империалистических держав.

Дипломатические отношения Китая и Японии после прекращения её самоизоляции были установлены в 1872 году в форме подписания «Принципов дружественных отношений Японии и Цинь/Китая», а в 1877 г. в Японии было учреждено посольство Китая и направлен первый посланник Хэ Жучжан.

Первыми авторами-японоведами Китая новой эры стали китайские дипломаты: они занимались не только дипломатической рутинной, но и налаживали связи с общественностью, изучали Японию.

Посланник Хэ Жучжан изложил свои знания в «Записках о путешествии на Восток» [*кит.* Шидун шулюэ]. Сверх того, он высказался и в стихотворной форме, опубликовав «Стихи о службе на

Востоке» [кит. Шидун цзаюн]. В своих сочинениях он подробно толковал читателям смысл «обновления Мэйдзи».

Его заместитель Чжан Сыгуй также создал «Поэму о путешествии на Восток» [кит. Шидун шилу], тоже в стихах, где описал всё увиденное и услышанное им в Японии.

В первый период (до начала Синьхайской революции, 1905 г.) из Китая в Японию направляется всё возрастающее количество путешественников, студентов. Есть данные, что в период 1896 г. по 1903 г. в Японию было направлено свыше 1000 студентов, а в период 1901 г. по 1906 г. – 12909 студентов. Немногие из них были чисто путешественниками, большинство же их стремилось учиться, приобретать новые знания – изучать западное естествознание, общественную мысль, знакомиться с революционной и демократической идеологией. Вернувшись на родину, они публиковали книги и статьи, рассказывая об опыте модернизации Японии, тем самым подготавливая революционные перемены в Китае.

Имена основных авторов данного периода и их работ

Имя автора	Время посещения Японии	Сфера интересов	Название трудов
Ван Яо	1879 г., апрель	Культура	«Записки о путешествии в Фусан/Японию» [кит. Фусан ёуцзи], в 3 томах; перевод с японского яз. «Записки о странах Запада» [кит. Сиго личжибянь]

Ван Чжичунь	1879 г.	Военная политика	«Записки об Ин/ Японии» [кит. Танъинлу] , 2 тома. Приложены карты Японии
Ли Юпу	1880 г., март-май	Предприятия, музеи, достопримечательны е места	«Путешествие в Японию» [кит. Жибэнь цзиёу] , «Заметки о Японии» [кит. Жибэнь цзацзи]
Фу Юньлун	1887 г., полгода	География, общество, местные обычай	«Записки о путешествии в Японию» [кит. Ёули жибэнь туцзин юйцзи]
Гу Хоухунь	1887 г., полгода	Политика, военное дело	«Размышляя о новой политике Японии» [кит. Жибэнь синчжэн као], 2 тома.
Е Циньи	1880-е годы, два года	Универсальная тематика	«Журнал об острове» [кит. Цэао цзачжи], 8 томов
Хуан Цинчэн	1893 г., май-июль		«Дневник путешествий на Восток» [кит. Дуньёу жицзы]
Лю Сюэсюнь	1898 г., июль- сентябрь	Промышленность и торговля	«Путевой дневник обследования предпринимательств

			а в Японии [<i>кит.</i> Ёули жибэнь каоча шанъу жицзы]; «Путевой дневник обследования торговли в Японии» [<i>кит.</i> Юули жибэнь каоча шанъу жицзы]
Луо Чжэньюй	1901 г., два месяца	Образование	«Двухмесячный дневник о Фусане/Японии» [<i>кит.</i> Фусан лиаюэ жицзы]
Хуан Цюн	1902 г.	Сельское хозяйство	«Записки о путешествии в Японию, дневник сельского хозяйства» [<i>кит.</i> Ёули жибэнь каоча нунъе жицзы]
Хуан Жулунь	1902 г. май-июнь	Образование	«Заметки о путешествии по Востоку» [<i>кит.</i> Дунъёу цунлу]
Чжан Цзянь	1903 г.	Образование, производство	«Дневник путешествий на Восток» [<i>кит.</i> Дунъёу жицзы]
Чэн Юй	1906 г., август — октябрь	Образование, общество	«Путевой дневник по Японии 1906 г.» [<i>кит.</i> Бинъу жибэнь

			ёуцзи]
Шэн Сюаньхуа й	1908 г, август — ноябрь	Производство, менеджмент	«Дневник путешествий Юйчжая на Восток [<i>кит.</i> Юйчжай Дуньёу жицзы].
Луо Сень			«Японский дневник» [<i>кит</i> Жибэнь жицзы]

Вышеупомянутый Ван Яо был представительным для своего времени автором. В своих «Записках о Фусане», написанных в форме дневника, и в 1879-80 гг. опубликованных в Японии, он стремился пропагандировать китайскую поэзию среди японской интеллигенции. Также, изучал и описывал обычаи японского народа, его эстетику, искусство, археологию. Очень пренебрежительно критиковал изучение японцами западной культуры как никчемное занятие.

Особое место среди всех китайских авторов занимает Хуан Цзунсянь. Он родился в 1848 г. в Гуандуне. По профессии был дипломатом, с 1877 г. состоял на дипломатической службе в Японии в должности советника посланника. Позже служил в Сингапуре (1882-83 гг.), затем в Сан-Франциско. За время службы в Японии собрал огромное количество материалов о стране и написал «Записки о Японии» (Жибэньго чжи) в 40 томах. Также, ему принадлежат «Стихи о разных японских делах [*яп.* Нихон цзацу дзи си]». Его «Записки о Японии» были опубликованы после японо-китайской войны 1894-95 гг. Они включают в себя 12 разделов: «управление государства» (в основном исторические сведения), «отношения с соседями» (китайско-японские отношения, отношения с западными странами), «астрономические сведения» (проблемы китайского летоисчисления и мэйдзийские реформы в этой сфере), «географические сведения»

(общие географические сведения), «о чиновниках» (правительство, госслужащие в центре и на местах), «продовольственные товары» (таможенные сборы, налоги, финансы, денежное обращение), «армия» (организация вооружённых сил, армия и флот), «уголовное законодательство», «науки» (японское китаеведение и западоведение, письменность, система образования), «народные обряды» (придворный этикет Японии, праздники, бракосочетания, одежда, танцы и прочее, религия), «продукция» (промышленность и торговля), «ремёсла» (фармацевтика, сельское хозяйство, ткачество, холодное оружие, бумага и прочее). Автор подробно описал новации «обновления Мэйдзи» и связал их с положением в Китае, проблемами его развития и реформирования. Фактура, цифры в большинстве своём взяты из современной ему японской справочной литературы, изданной в мэйдзийский период. Для своего времени это была беспрецедентно обширная и конкретная работа о Японии.

Хуан был по своим политическим воззрениям сложной, неоднозначной фигурой. Он не был слеп в отношении экспансионистской политики Японии, его работа была продиктована военными оборонительными интересами Китая, ибо Япония ещё до войны с Китаем уже обозначила свои хищнические устремления – аннексией о-в Рюкю (1872 г.), нападением в 1874 г. на Тайвань, навязыванием Корею неравноправных договоров в 1876 г. С другой стороны, Хуан заплатил дань утопическим «пан-азиатским» надеждам на сотрудничество с Японией, что проявилось в его убеждениях (пропагандировавшихся и Японией), что якобы Россия – главная опасность для Китая, и потому Китай должен объединиться с Кореей, Японией и Америкой для противостояния России. Опыт успешных японских реформ в его описаниях мог и должен был послужить преобразованиям Китая.

Сведения и взгляды Хуан Цзюньсяня оказали огромное влияние на китайских реформаторов – вождей «100 дней реформ». Примером влияния взглядов Хуана можно считать воззрения одного из вождей либерально-реформаторского крыла Китая Лян Цичао. Лян выступал за сохранение Циньской монархии, вместе с тем, он утверждал, что-де причина отсталости Китая – «сохранение старого», а причина преуспевания Японии – «изменение законов». Международную политику Лян понимал как противостояние человеческих рас. Лян призывал шире переводить на китайский язык современную литературу с японского.

Идеологическая, морально-политическая атмосфера китайского японоведения в целом на рубеже веков являлась не однозначной, противоречивой, японоведение служило ареной борьбы противоположных концепций общественного и международно-политического развития Китая.

В этот период Япония активно пропагандирует различные, на первый взгляд взаимоисключающие концепции, определяющие её отношение к соседним азиатским народам. Так, основоположник японского буржуазного либерализма Фукудзава Юкити выдвигал теорию «исхода из Азии» (*яп.* Дацу-а-рон): мол, Япония уже постигла западную культуру, приобщилась к ней, вошла в число передовых западных наций, и отныне должна по отношению к отсталым азиатским соседям проводить цивилизаторскую политику. В арсенале японской пропаганды была и другая доктрина – «пан-азиатизм», обещавшая объединить народы Азии под гегемонией Японии для совместного противостояния западным державам, «белому империализму». Особо настойчиво японская пропаганда того периода пыталась внушить народам Китая и Кореи чувства страха и враждебности в отношении России.

Отношение китайской общественности к Японии и японской пропаганде также было двойственным. Немалая часть китайской интеллигенции прониклась глубоким интересом к японским преобразованиям, доверчиво воспринимала японскую пан-азиатскую пропаганду, надеялась на помощь Японии в модернизации страны и защите китайской национальной государственности. Несмотря на развязанную Японией войну 1894-95 гг. и участие Японии в «агрессии восьми государств» (с целью подавления «боксёрского восстания»), китайцы считали, что им следует усвоить идеи «обновления Мэйдзи», её реформы, программу «богатая страна, сильная армия». Многие патриотично настроенные интеллигенты, гуманисты, революционные демократы верили, что Япония может помочь Китаю осуществить демократизацию и модернизацию Китая. Кроме того, надо учитывать, что многих китайцев часто интересовала не Япония сама по себе, они стремились через японскую систему образования, знание японского языка получить доступ к «первоисточнику» – к культуре и науке западных стран, Европы и США.

Под влиянием таких представлений в Китае возник «японский бум» (*жибэнь-жэ*): многие тысячи китайцев ехали в Японию учиться (в их числе были и Сунь Ятсэнь, Чжоу Эньлай). Вернувшись на родину, они распространяли сведения о реформах японского общества, его успехах, о культуре Запада. Японо-китайские отношения широко обсуждались в обществе.

Японцам даже удалось на определённый период ввести в заблуждение революционера-демократа Сунь Ятсэна, и привлечь его на свою сторону. (В память об этих успехах Японии в г. Кобэ и сегодня стоит мемориальный дом памяти Сунь Ятсэна, а в Киото, р-не Арасияма, установлен каменный монумент в честь бывшего студента Чжоу Эньлая). Однако, на словах поддерживая китайскую революцию, группу революционеров Сунь Ятсэна, Япония на деле же замышляла

вооружённую интервенцию, вскармливала всевозможные прояпонские группировки, разжигала противоречия в китайском обществе, противодействовала революционным силам Китая.

С другой стороны, многие китайцы смогли объективно воспринимать Японию, они не поддались на посулы японской пропаганды, критически относились к японскому влиянию – это признавалось даже в работах ряда китайских авторов, высказывавшихся в целом в прояпонском духе.

Так, в предисловии к своим «Запискам о Японии» вышеупомянутый Хуан Цзунсянь с укоризной признавал: «Несмотря на то, что японские чиновники постоянно читают китайские книги, знают и обдумывают китайские дела, китайские бюрократы вряд ли задумываются о Японии, как если бы это были «Три божественных горы» далеко на краю океана, хотя Япония является соседом Китая»¹. Другой китайский автор Дай Цзитао в своём «Рассуждении о Японии [кит. Жибэньлунь]» сетовал: «Японцы помещают тему Китая на операционный стол, препарируют её тысячи раз, погружают её в пробирки и ставят тысячи экспериментов с ней, в то время как мы, китайцы, напротив, изгоняем всё японское. Мы не ведём исследований. Мы ненавидим японские иероглифы. Мы ненавидим слышать японский язык. Мы не любим встречаться с японцами...»².

Без сомнения, в таких настроениях отчасти выражал себя традиционный китайский консерватизм, косность, китаеццентристское мировосприятие, делящее мир на «культуру и варварство» (*хуа – и*), высокомерное и пренебрежительное отношение к другим народам. Но, с другой стороны, этот взгляд объективно предвосхищал драматические перипетии китайско-японских отношений в XX веке. Таким образом, можно сказать, что китайская общественность не

---

¹ Цит по: Wang Yong. *Japanology in foreign countries. History and trends.* – International research center for Japanese studies. Kyoto. 2007 p. 434 - 439.

² Там же.

однозначно воспринимала исторический опыт и актуальную политику Японии: японофильские настроения имели место, но было и более прозорливое, трезвое, критическое отношение к этой стране.

Такова была морально-политическая атмосфера, окружающая китайское японоведение на рубеже XIX-XX веков и в годы Синьхайской революции.

Синьхайская революция (1905-1911 гг.) явилась определённой поворотной вехой и в развитии китайско-японских отношений, в истории осмысления китайским народом реального состояния дел в соседнем государстве Япония. В начальный период, до Синьхайской революции доминировало увлечение успехами Японии, её культурой, после Синьхайской революции. После провозглашения Китайской республики в 1911 году всё более крепнет критическое отношение китайцев к политике Японии, быстро идут на убыль японофильские, «пан-азиатские» иллюзии, нарастает конфликтность взаимоотношений, взаимовосприятия.

Япония переходит в решительное наступление на Китай с целью превращения его в свою колонию. В 1914 г. она оккупировала город-крепость Циндао и Шаньдунский полуостров. В 1915 г. Китаю предъявляется ультиматум «21 требование», принятие которого напрямую вело бы к его колониальному закабалению. Экспансия Японии вызвала отпор китайского народа, породив «движение 4 мая (1919 г.)» – мощный подъём народных масс в защиту суверенитета своей родины от японской агрессии. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, где было образовано марионеточное государство во главе с прояпонским режимом. А в 1937 г., спровоцировав инцидент у моста Лугоуцяо, Япония начала вторжение в провинции собственно Китая, положив начало большой войне в Восточной Азии, ставшей частью Второй мировой войны.

Обозначается стратегический поворот и в среде китайского общественного мнения, в частности, китайского японоведения. В эти годы, непосредственно после Синьхайской революции, огромное влияние на общественное мнение оказывает позиция революционного демократа Сунь Ятсэна и будущего основателя Компартии Китая Ли Дачжао. Они разоблачали стремление японского империализма поработить китайский народ.

Первое время, 1912 – 1926 гг., перемены происходят в подспудной форме. Общество переживает дезориентацию. Люди медленно преодолевают апологетические штампы восприятия «революции Мэйдзи», пытаются осознать реалии японского империализма, милитаризма, фашизма. Их общественно-политический кругозор узок, цели научных исследований – не внятные, результаты – скромные, уровень анализа – не глубок. За период 1912 – 26 гг. вышло всего 306 работ, посвящённых Японии.

На последующем этапе, в 1927 – 1949 гг., для сравнения, в Китае было издано 2887 наименований японоведческих работ¹. Помимо многократного количественного роста публикаций, происходят и качественные сдвиги. В китайской науке происходит идеологическая консолидация, ослабевают идейный разброд и неопределённость. Заполняются тематические пробелы в исследованиях и оценках. Исследователи отслеживали реакционное законодательство в Японии, попытки совершения фашистских путчей, развитие японского милитаризма, процессы фашизации Японии. Основные темы исследований в этот период – японский милитаризм, фашизм, идеология бусидо и связанная с ней культура, оценки военной мощи Японии.

---

¹ Китайские исследования Японии. - Китайская ассоциация японоведения, 1997 г., Пекин, с.16 [кит Чжунго де жибэнь яньцзю].

Вооружённую и идейно-политическую борьбу китайского народа против японской агрессии возглавили две ведущие партии Китая – Гоминьдан и Компартия Китая.

В партии Гоминьдан, в центральном отделе пропаганды Военного совета не было специальной структуры по изучению Японии и поддержки пропаганды. Но в правительстве Гоминьдана, во всех его комитетах подобные исследования проводились – это были исследования финансовой политики Японии, её денежного оборота, обеспечения продовольствием и прочими товарами, и т.д.

Исключительно важную политическую и идеологическую работу вела Компартия Китая. В районах, контролируемых КПК, в интересах освободительной антияпонской борьбы проводились и научные исследования. Целый ряд выступлений, статей Мао Цзэдуна в те годы дали развёрнутую характеристику социально-политической сущности войны, объяснили народу её причины и характер, раскрыли проблемы стратегии и тактики китайского народа в борьбе за своё национальное освобождение. Особо важное идейно-политическое значение в организации сопротивления японской агрессии имела опубликованная в мае 1938 года его работа «О затяжной войне»¹ [кит. Лунчи цзючжань]. В КПК были образованы структуры, специально занимавшиеся японской проблематикой. В ЦК КПК в отделе пропаганды функционировал отдел по работе с противником, в 8-й армии был общеполитический отдел по работе с противником. Они вели исследования, издавали материалы. Организационные структуры и специальные кадры этих отделов позже принимали участие в формировании японоведения Китайской народной республики.

В годы войны японцам удалось привлечь на свою сторону часть гоминьдановского руководства из числа наиболее

---

¹ Мао Цзэдун. «О затяжной войне» // Избранные произведения. Том 2. М.1953 г., СС. 191-337.

антикоммунистически и расистски настроенного крыла, они сформировали в 1940 г. коллаборационистское «Нанкинское национальное правительство» во главе с Ван Цзинвэем (противостоящее чунцинскому правительству Чан Кайши), Ван перешёл на сторону японцев в 1938 г. Он поддерживал декларативную программу японцев «построения Великой Восточно-азиатской сферы процветания», придерживался антикоммунистической идеологии. Под его редакцией были составлены «Сборник освобождения Восточной Азии» [кит. Дадунъя цзефан цуншу] и «Серия текущих дел» [кит. Шиши цуншу], также «Китайско-японский договор и Восточно-азиатская война» [кит. Чжунжи диюэ юй дадунъя чжэнчжан], «Китайско-японский основной договор и его смысл» [кит. Чжунжи цзибэнь тяюэ цзици ии]. Кроме того, Нанкинское марионеточное правительство составило «Речи Председателя во время визита в Японию» [кит. Чжуси фанъжи яньлунь цзи] и др. издания. В своих выступлениях он превозносил подневольное «китайско-японское сотрудничество» во имя строительства японской колониальной империи. Тенденция коллаборационизма проявилась и среди части учёных и литераторов, журналистов, но они были не многочисленны, влияние их не велико.

Большинство публиковавшихся в те годы по японской проблематике материалов были порождены ожесточённой военно-политической борьбой и решали скорее пропагандистские и оперативные задачи. Научные дискуссии отсутствовали, теоретический уровень работ был не высок, оценки отличались односторонностью.

Вместе с тем, было и некоторое количество работ академического характера и уровня.

Например, работа Дай Литао «Рассуждение о Японии» [кит. Жибэньлунь], вышедшая в 1927 году. Работа состоит из 24-х глав.

Тематика – универсальная. Концепции автора в основном морализаторские, националистические: он оспаривал приоритетное значение влияния идей гуманизма и западной культуры, превозносил идеи самостоятельности и национального единства («единая нация, единая религия, единая власть»), предпосылки японского милитаризма и империализма усматривал в духовной самобытности Японии, самурайском моральном кодексе бусидо. Книга была переведена на японский язык и дважды издана в Японии.

Другая заметная работа 30-х годов – Чжоу Цзожень «О японской культуре». Чжоу являлся учеником классика китайской литературы Лу Синя. Чжоу изучал и переводил японскую поэзию, его работа оказала определённое влияние на формирование китайской литературы.

Японская сторона, также, высоко оценивает работу Цзян Байли «Японец – исследование Японии одного иностранца» [*кит.* Жибэньжэнь – игэ вайгожэнь дэ жибэнь яньцзю], вышедшую в 1939 г. Автор – кадровый военный, женатый на японке, проживший ряд лет в Японии и хорошо изучивший её. В своём исследовании он описывает характер японцев, его сильные и слабые стороны, отличия от китайцев. В духе идей геополитики он выводит из японского национального характера, из природы, географии, истории Японии причины экспансионистской политики Японии (захват Маньчжурии). Работа была переведена в Японии и оценивается там как глубокое исследование национального характера их народа.

Ли Байчжао в своей работе «Традиционный дух насилия в Японии – размышления о японской культуре» [*кит.* Цзятян дэ жибэнь чуантун циншэн – жибэнь вэньхуа чжи каоча] исследовал японские идеологические реалии, пропагандируя свой тезис, что «японский дух» (базовая категория идеологии японского национализма) – более древнее начало, чем мораль бусидо, и т.п.

В целом, в те годы выходило множество работ, освещающих истоки японского милитаризма, фашизма, описывающих «японский дух», бусидо и т.п. Некоторые из них, как, например, работы Цзян Байли, Дай Литао получили высокую оценку японской стороны, однако, в публичных библиотеках КНР после 1949 года они не представлены.

В целом, очевидно, что ко времени образования КНР китайское японоведение прошло огромный и уникальный исторический путь.

По подсчётам, за период с династий Цинь и Хань (с 221 г. до н.э.) до окончания эпохи династии Юань (до 1368 г.) в Китае было создано 23 наименования работ, посвящённых Японии. В эпоху правления династии Мин (1368-1644 гг.) – 66 работ. В период Цинь (1644 – 1911 гг.) – 663 работы. Наконец, в период республики от Синьхайской революции (1911 г.) до образования КНР (1949 г.) – 3193 работы.

Тематическая структура публикаций периода республики - широка, всеобъемлюща. В их числе посвящено политике – 737 работ, истории – 599 работ, литературе – 348 работ, экономике – 296, военному делу – 243, универсальной тематике – 225, языкознанию – 209, культуре – 156, образованию – 96, праву – 56, философии – 37, географии – 36, искусству – 10, физкультуре – 2, естествознанию – 1 работа¹.

Был накоплен огромный кадровый потенциал – в Китае десятки тысяч граждан овладели японским языком. В годы войны началось формирование организационных структур управления научно-исследовательской, пропагандистской, кадровой политикой в этой сфере знания.

---

¹ Китайские исследования Японии. - Китайская ассоциация японоведения, 1997 г., Пекин, с.16 [ит. Чжунго де жибэнь яньцзю].

Все эти обстоятельства позволили некоторым современным китайским историографам высказывать вывод, что Китай уже ко времени образования КНР выдвинулся в ряды передовых стран мира в данной области исследований, сравнялся с США, Англией, Францией. Как пример, встречается рассуждение, аргумент, что-де в 1934 г. в Америке среди исследователей-японистов лишь 13 человек владели японским языком, а в 1941 году их число не превышало 100 человек, в Китае же в это время уже десятки тысяч граждан овладели японским языком¹. Кроме того, якобы корейское японоведение также можно было не принимать в счёт, поскольку Корея до 1945 г. являлась колонией Японии.

Такой вывод, по нашему мнению, далеко не бесспорен. Без сомнения, китайское японоведение имеет древнейшую в мире традицию изучения Японии, его роль в изучении древней и средневековой Японии за рубежом – уникальна. Но, с другой стороны, в отличие от ряда стран, в новое и новейшее время Китай не имел современной объективно-научной обществоведческой методологии, каковой являлись для советской науки марксистско-ленинский политико-экономический и классово-политический анализ, для США и Европы – различные школы буржуазно-либеральной экономической мысли и политологии. Китайское японоведение в лучшем случае представляло собой аккуратный сбор эмпирического материала, концептуально оно представляло собой поверхностный, морализаторский и «геополитический» анализ, националистические оценки. Поэтому идейно-теоретический уровень дореволюционного китайского японоведения не позволяет говорить о достижении Китаем уже в те годы уровня передовых стран. На наш взгляд, на передовые рубежи Китай вышел только в годы КНР после преодоления последствий «культурной революции», в 1990-х- 2000-х годах (об

---

¹ Там же, с.20

этом периоде речь далее). А к концу 1940-х годов Китай лишь заложил основы для будущего подъёма и выхода на передовые мировые позиции японоведения в Китае уже в годы существования КНР.

Японоведение КНР в 1950 – 1960-х годах

Разгром японского милитаризма Союзными державами в 1945 г. положил начало переменам в Восточной Азии всемирно-исторического масштаба и значения.

В первые годы после разгрома милитаристской Японии (1945-1949 гг.), хотя Китай и понимал важность изучения проблем переустройства Японии на принципах мира и демократии, однако, в Китае имел место дефицит японской прессы, книг, не было и прочих условий для нормальной научной работы, поэтому систематических глубоких исследований по Японии в этот период не проводилось.

Важнейшим следствием разгрома японского милитаризма на Дальнем Востоке стала победа революционных сил китайского народа и образование в 1949 г. Китайской народной республики. Образование Китайской народной республики положило начало эпохальным многосторонним преобразованиям в жизни китайского народа: китайский народ встал на путь социального, экономического и культурного прогресса, путь строительства социализма. Однако, стратегия преобразований в Китае реализовывалась в сложной международной обстановке, путь строительства социализма в КНР оказался весьма извилистым, противоречивым, временами наблюдались и попятные тенденции.

С образованием КНР власти Японии не пошли на установление дипломатических отношений с социалистическим государством.

Китай и Япония с началом глобальной «холодной войны» оказались в противоборствующих лагерях. Война в Корее, где столкнулись интересы и силы двух глобальных лагерей, подтолкнула

антидемократические тенденции в Японии, в Японии быстро развивался и набирал силу «обратный курс», в частности, процесс ремилитаризации страны.

КНР противопоставила подобной политике курс постепенного развития добрососедских отношений с Японией. Основная работа велась по линии связей общественности — взаимные посещения общественных делегаций, визиты деятелей культуры. В мае 1952 г. правительство КНР учредило под непосредственным руководством Чжоу Эньлая специальную руководящую группу для координации работы на японском направлении. С этого же времени газета «Жэньминь жибао» начинает ежемесячно публиковать статьи по японской проблематике. С 1955 г. начинаются активные общественные культурные связи Китая и Японии. За период 1955 – 1972 гг. Китай посетило около 300 деятелей культуры, науки, литературы Японии. С 1953 по 1965 г. Япония ежегодно отправляла в Китай делегации деятелей образования. В октябре 1963 г. в Пекине была учреждена Ассоциация содействия китайско-японской дружбе (*кит.* Чжунжи ёухао сиэхуй).

Первый период в развитии китайского японоведения – это 1949 – 1972 гг., от образования КНР до восстановления дипломатических отношений между КНР и Японией. Японоведческая наука в этот период находилась в очень стеснённых условиях .

Исследования первоначально велись только под сенью МИД Китая, гражданские круги, в том числе университеты и иные учреждения, частные лица не принимали в ней участия. Тематика исследований сводилась к изучению политической борьбы в правящей элите Японии, критике политики Японии в отношении Китая, Тайваня, и на международной арене в целом.

За период 1949-55 гг. по всей стране вышла только 51 книга, посвящённая вопросам Японии. Эти работы освещали перемены в её

экономике, политике, социальном строе, рассказывали о перевооружении Японии под давлением США, о борьбе японского народа за мир и демократию. Среди них – политике было посвящено 23 работы, о литературе Японии – 11 работ, обобщающих – 8 работ.

В обстановке холодной войны многие исследования в силу объективных причин ставили своим приоритетом не собственно научные интересы, а прагматические, идейно-пропагандистские задачи, и представляли собой подгонку скудного фактического материала под заранее заданные, извне привнесённые выводы.

Объективные условия развития китайского общества неизбежно отражались и на состоянии научной работы в Китае, в частности, и на японоведческих исследованиях. В первой половине 60-х годов в Китае, с одной стороны, были достигнуты некоторые успехи в социалистическом хозяйственном и культурном строительстве, что расширило возможности и для научной работы. С другой стороны, в 1963 г. Мао Цзэдун ещё более определённо и решительно начинает продвигать свой «особый курс» на мировой арене, поэтому перед китайской наукой была поставлена задача активизировать исследовательскую работу по международной проблематике, углубить изучение Японии и других стран, руководствуясь новым подходом руководства КНР.

Тогда в рассматриваемый период помимо центральных руководящих политических органов исследованиями начали заниматься и общегражданские учреждения – университеты и научно-исследовательские центры. В 1964 г. в регионе Дунбэй (Северо-Восток) учреждены НИИ Японии Ляонинского университета, НИИ Японии Цилиньского университета, НИИ Японии Дунбэйского педагогического университета, также исследовательская лаборатория японского образования при Дунбэйском педагогическом университете. Кроме того, был учреждён Ляонинский провинциальный институт

философии, фактически являвшийся институтом изучения Японии. Все эти центры находятся в Северо-восточном регионе Китая. Здесь в силу известных исторических обстоятельств было много специалистов, владеющих японским языком и имеющих опыт общения с Японией. В административном отношении эти институты подчинялись министерству образования Китая.

Ряд научных центров был создан в районе Пекина. В 1965 г. в отделении философских и социальных наук Академии наук Китая (предшественник нынешней Академии общественных наук), в его НИИ Юго-восточной Азии была создана Японская группа. Также, были учреждены Исследовательская лаборатория Японии при Китайском НИИ международных проблем, Лаборатория изучения Восточной Азии при Китайском НИИ современных международных отношений, в 1964 г. – Лаборатория изучения Японии при НИИ Азии и Африки Пекинского университета.

Возникли подобные центры и в Северном Китае (р-н Хуабэй, нижнее течение р.Хуанхэ). Это Исследовательская лаборатория Японии при Тяньцзиньском НИИ истории, основанная в 1962 г. Исследовательская лаборатория Японии при НИИ истории Нанкайского университета (1964 г.), НИИ Японии Хэбэйского университета (1964 г.).

В Восточном Китае: Исследовательская лаборатория Японии при Шанхайском НИИ международных проблем (1960 г.), Исследовательская лаборатория экономики Японии при НИИ мировой экономики Фуданьского университета (Шанхай, 1964 г.).

Развёртывание исследовательской работы потребовало и подготовки кадров специалистов со знанием японского языка. Так появились учебные языковые центры. Отделения японского языка были образованы на факультете восточной культуры и языков Пекинского университета, на факультете иностранных языков и

литературы Цзилиньского университета, учреждены училище японского языка в Даляне, школа иностранных языков в Чанчуне.

Результаты начали сказываться сразу: за период 1956 г. по 1965 г. в КНР было опубликовано 201 монографическое исследование по Японии.

Годы «Великой пролетарской культурной революции» Мао Цзэдуна и весь период 1966 – 1972 гг. стали попятным, катастрофическим движением для китайской науки. Научно-исследовательские центры закрывались, университеты прекращали работу, учёные-исследователи принудительно направлялись в отдалённые районы на «перевоспитание» тяжёлым физическим трудом. Научная работа по всей стране была разгромлена. За период с 1966 г. по 1970 г. в стране вышло всего 4 работы, касающиеся Японии, они не имели научной ценности и представляли собой лишь пропагандистский материал. После «культурной революции», когда в 70-х гг. встала задача возобновления работы, оказалось, что в Китае практически не осталось профессуры специалистов по Японии.

В обстановке холодной войны многие исследования ставили своим приоритетом не научные интересы, а идейно-пропагандистские задачи. Научный уровень исследований в период 1949 г. по сентябрь 1972 г. был невысок. По оценке китайских учёных, за рассмотренный 20-ти летний период «достойных внимания результатов не было»¹. Так протекал начальный период зарождения японоведения социалистического Китая, происходивший при исторически ограниченных условиях и ресурсах, это было время серьёзных ошибок в политике государственного руководства, несбывшихся надежд и попятных движений, неоправданных жертв в науке. В целом, он оказался периодом не сложившегося и не сбывшегося становления японоведения социалистического Китая.

---

¹ Там же, с.31.

Задачи становления решались на следующем историческом этапе – в 1970 – 1980-х годах.

Японоведение КНР в 1970 – 1980-х годах

Новая эра в китайском японоведении начинается с сентября 1972 г., с момента восстановления дипломатических отношений Японии и КНР, и простирается на два десятилетия – 1970-е – 1980-е годы. Начальной вехой рассматриваемого периода бесспорно является восстановление дипломатических отношений двух стран, а конечным рубежом – образование в 1990 г. на базе различных научных и общественных центров, ассоциаций общекитайской общественной организации – «Ассоциация японоведческих исследований».

Конец 1960-х – начало 70-х годов были временем завершения «Культурной революции» Мао Цзэдуна. Многим на Западе стало понятно, что в результате такой «революции» КНР самоизолировалась от сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами. В атмосфере холодной войны западный блок быстро стал предпринимать попытки закрепления Китая на его новых путях. Незамедлительно последовала нормализация отношений КНР с США в 1971 г. и с Японией в 1972 г. Так сложилась политически новая ситуация для развития отношений КНР и Японии, что создавало и новый государственный «заказ» для китайского японоведения, порождало некоторые прагматические импульсы для преодоления крайнего вандализма «культурной революции». С 1972 г. обстановка в научном японоведении начинает, сначала постепенно и вяло, но затем всё энергичнее нормализовываться.

Смерть Мао Цзэдуна в 1976 г. и последовавшее отстранение от власти группы радикалов «Банды четырёх», выдвижение к власти прагматиков-реформаторов в китайском руководстве повлекли с собой обновление многих сторон жизни китайского народа,

государства, науки. Япония к этому времени уже превратилась в стабильное экономически процветающее государство, явившее миру своё «экономическое чудо». Опыт Японии, как и сто лет назад, не мог не увлечь китайских реформаторов. В 1978 г. происходит подписание мирного договора между Японией и Китаем. С этого времени начинается бурное развитие японоведения в КНР.

К исследовательской и педагогической деятельности возвращаются специалисты-японоведы. Ранее созданные специализированные научно-исследовательские центры, до того пребывавшие в забвении и запустении, восстанавливаются, реорганизовываются, их статус повышается, они заполняются кадрами молодых специалистов.

К выше упомянутым НИИ японоведения добавляются новые. Различные университеты учреждают подобные центры в своей структуре. Примерами таких учреждений являются: Центр исследований Японии Пекинского университета; Пекинский университет иностранных исследований — Пекинский центр исследований Японии; Нанкайский университет — Центр исследований Японии (г.Тяньцзинь); Цзилиньский университет — Академия исследований северо-восточной Азии; Шаньдунский университет — Центр исследований Японии; Университет г.Циндао — Центр исследований Японии; Хэнаньский университет — Центр исследований Японии; Университет г. Ханьчжоу — Центр исследований Японии. В университетах набирали силу группы и учреждения по изучению истории Японии.

Кроме того, японоведческие исследования ведутся в НИИ различных отделений Академии общественных наук Китая: исторические исследования Японии ведутся в НИИ всемирной истории, в сфере литературы – в НИИ зарубежной литературы, философии – в НИИ философии. Так же и во многих других регионах.

Параллельно в стране создавались разнообразные гражданские научные общества по изучению Японии. К примеру, Научное общество истории Японии, общества исследования китайско-японских отношений, общества исследования японской литературы, общества исследования японского языка, общества исследования японской философии, общества исследования японской экономики и т.д.

В 1990 г. исследователи и организации объединились в общекитайскую Ассоциацию японоведческих исследований. Это частная, гражданская организация. В неё входят как специалисты, так и частично вовлечённые исследователи. Всего в Ассоциации 41 организация, 837 членов (юридических лиц), больше 1000 физических лиц. Ассоциация возникла не на пустом месте — она вобрала в себя ряд ассоциаций-предшественников: Китайское общество исследований японской экономики; Китайская ассоциация японской литературы; Китайская ассоциация истории Японии; Китайская ассоциация японской философии; Общество Северо-восточного региона по исследованию истории китайско-японских отношений.

В итоге, в японоведении возникает качественно новая ситуация.

Правда, уровень исследовательской работы в Китае различался по регионам, на севере – более высокий масштаб и уровень.

Параллельно с формированием сети научных учреждений развернулась и массовая подготовка кадров. В стране наблюдался бум изучения японского языка. Перед «культурной революцией» в Китае только 14 школ имели отделения японского языка, в 1978 г. (год подписания Договора о мире и дружбе) была уже 31 школа с преподаванием японского языка. В 1988 г. – 62 школы.

Одновременно во множестве университетов учреждались курсы японского языка. Многие университеты публикуют учебники японского языка и журналы по этой проблематике.

Первое время не хватало учителей – преподавателей языка. Для решения проблемы в 1979 г. по согласованию на высоком правительственном уровне был учреждён Пекинский центр обучения японскому языку (обычно его называют Дапинбань 大平班). В нём ежегодно обучалось языку 120 человек. Больше половины из них – преподаватели японского языка в вузах. Выпускники Дапинбань стали базой подготовки кадров для исследовательской работы.

В итоге в КНР смогли очень быстро поднять уровень знания японского языка. К числу негативных моментов нужно отнести то, что новые кадры были специализированны на изучении языка и литературы, но их специальная подготовка в социальных науках, культуре, исторических дисциплинах была не достаточной.

В этот период продолжают появляться оригинальные исследовательские работы китайских авторов. В период с 1972 г. по 1978 г. вышло 116 наименований работ китайских авторов. А с 1979 г. по март 1993 г. – 3157 наименований работ¹.

С 1979 г. выходило исключительно много разнообразных изданий по японской проблематике. Самым плодовитым по книгам был период 1982–84 гг. Кроме книг выходили и специальные журналы. Правда, поначалу уровень исследований оставался сравнительно невысоким. К примеру, статьи по экономике и политике – сплошь переводы и рефераты из японских газет и журналов. Переводы не всегда качественные, в них много нелепостей. Своих оригинальных исследований сравнительно немного, уровень их тоже довольно низкий. Тематика исследований развивалась от общих ознакомительных справок до оригинальных специальных работ, от индивидуальных работ до коллективных проектов.

Отметим наиболее важные работы за 10 лет после подписания договора в 1978 г.

---

¹ Там же, с.25.

По проблемам внешней политики и международных отношений: Ми Цинъюй – «История дипломатии современной Японии» [кит. Жибэнь цзиндай вайцзяо ши]. Ян Сяочэнь - «История отношений Китая и Японии». [Кит. Чжунжи гуанси шиган]. Чжан Шэнчжэнь – «История отношений Китая и Японии» [кит. Чжунжи гуаньси ши]. Ван Сянжун – «Источниковедение истории китайско-японских отношений» [кит. Чжунжи гуанси ши вэньсянь лунькао]. Чжан Пэнчжоу – «Китай и Япония в последние 50 лет» [кит. Цзин уши ниан чжунго юй жибэн]. У Аньлун – «Японские посольства к династии Тан» [кит. Цянтанши]. Чжан Вэйфэн, Гэн Цзянтин - «Путешествие Цзянчжэна на Восток» [кит. Цянчжэн дунлу]. Ван Сяоцю – «Записки о современном Китае и Японии» [кит. Цзиндай чжунжи циши лу].

Среди работ по истории Японии нельзя не отметить такие: Ван Фэн – «Новая история Японии» [кит. Жибэнь цзиндай ши]. Ван Цзиньлинь – «Краткая древняя история Японии» [кит. Цзяньмин жибэнь гудай ши]. Лу Ваньхэ – «Краткая новая история Японии» [кит. Цзяньмин жибэнь цзиньдай ши]. У Аньлун – «Реставрация Мейдзи в Японии» [кит. Жибэнь миньчжи вэйсинь]. Юй Шоцзи – «Реставрация Тайка в Японии» [кит. Жибэнь дахуа гэсинь]. Хэ Чи – «Конспект японской политики» [кит. Жибэнь чжэнчжи гай куан]. Лю Тайчунь – «История реформаторства в Японии» [кит. Жибэнь гайгэ шиган].

В частности, ряд работ были посвящены военной истории. Ху Дэкунь – «Инцидент 7-го июля» [кит. Ци-ци шибань] . Ян Чжаоцюань - «История японского завоевания Кореи» [кит. Жиди бачжань чаосянь шимо]. Цзян Няндун, И Вэньчэн – « История Маньчжоу-го» [кит. Вэй Маньчжоуго ши]. Сунь Кэфу, Гуань Цзе - «История сражений в китайско-японской войне 1894-95 гг.» [кит. Цзяу чжунжи лучжань ши]. Ци Цичжан – «Битва при Вэйхае в китайско-японской войне 1894-95 гг» [кит. Чжунжи цзяу вэйхай чжи чжань].

Вышло множество работ и по экономике, среди них отмечаются следующие. Сунь Чжичжун – «Монополистический капитализм в Японии» [кит. Жибэнь лундуань цзыбэнь]. Лю Тайчунь – «История промышленной революции в Японии» [кит. Жибэнь чанье гэмин ши]. Ван Фэн – «Исследование истории капитализма в Японии» [кит. Жибэнь цзыбэньчжуи ши яньцзю]. Ван Чжаньяо - «Послевоенная экономика в Японии» [кит. Чжанхоу жибэнь цзинцзи гайшу]. Цзинь Миншань – «Экономические вопросы современной Японии» [кит. Сяньдай жибэнь цзинцзи вэньти].

Ряд достижений можно наблюдать и в литературоведении. Лю Боцин – «Краткая история движения пролетарской литературы в Японии» [кит. Жибэнь учань цзецзи вэньи юньдун цзяньши]. Ван Чаньсинь – «История японской литературы» [кит. Жибэнь вэньсюэ ши]. Пэн Эньхуа – «История японских хайку» [кит. Жибэнь пайцзюй ши]. Пэн Эньхуа – «История поэзии вака» [кит. Жибэнь хагэ ши].

Китайское японоведение в 80-е годы постепенно повышало свой качественный уровень. Работы общего ознакомительного характера постепенно трансформируются в оригинальные глубокие исследования, индивидуальные монографии дополняются сериями больших многотомных работ.

Так, в начале 80-х годов восемь японоведческих институтов объединёнными усилиями выпустили 9-томник «Материалы по послевоенной Японии». 1-й том – история развития экономики послевоенной Японии. 2-й том – промышленная политика послевоенной Японии, 3-й том – базовая структура народного хозяйства послевоенной Японии; 4-й том – макроэкономическое управление в Японии; 5-й том – финансовая политика послевоенной Японии; 6-й том – внешняя торговля послевоенной Японии; 7-й том – монополистический капитал послевоенной Японии; 8-й том – политика послевоенной Японии; 9-й том – статистические материалы

послевоенной Японии. Материалы характеризуются высоким уровнем информативности и анализа.

Подтверждением растущего качественного уровня китайских исследований стал перевод ряда их работ на японский язык и переиздание их в Японии. В конце 80-х годов издательство «Токио рокко» перевело и издало в Японии 13-томный труд «История Японии в Восточной Азии». Также, были переизданы китайские работы «Культура Нара и культура Тан», «Сравнение японского и китайского конфуцианства», «Император Японии и император Китая», «Страна Ямато и Восточная Азия», «Новая Япония и японо-китайская торговля», «Революционное движение Сунь Ятсэна и Япония», «Обновление Мэйдзи и Китай», «Экономическое развитие эры Мэйдзи и Китай», «Сравнение модернизации Японии и Китая».

Движущим стимулом к изучению Японии в 1970-80-х годах было стремление Китая понять секреты «экономического чуда», совершённого Японией, и использовать японский опыт для осуществления задач модернизации, начатой китайским руководством с конца 1970-х годов. Китайские исследователи пришли к выводу, что важнейшую роль в прогрессивном развитии Японии сыграли три фактора. В сфере экономики важнейшими особенными формами управления были признаны три метода – пожизненный найм, возрастная иерархия, производственные кружки в предпринимательстве. В политике их внимание привлёк успешный опыт многолетнего господства ЛДП. В сфере морали и культуры – «коллективизм». Таковы особенности предпринимательской культуры Японии. И эти выводы, нельзя не признать, имеют под собой объективные основания.

Таким образом, конец 70-х и 80-е годы стали периодом возрождения и стремительного развития китайского японоведения, понёсшего тяжелейшие утраты в период «культурной революции»

Мао Цзэдуна. Главный результат этого периода – возрождение и начало быстрого развития этого сектора китайской науки.

Японоведение КНР в 1990 – 2000-х годах

С 1990-х годов начинается новый этап в развитии японоведческих исследований в КНР.

К этому времени в целом была воссоздана организационно-кадровая база научной и преподавательской работы, сформированы когорты зрелых специалистов, сеть научных учреждений, профессиональных изданий. Китайское японоведение вступило в фазу научной зрелости.

В отличие от 1980-х годов, когда внимание исследователей привлекала главным образом экономическая проблематика, истоки экономических успехов Японии, в 90-е и «нолевые» годы к прежней тематике широким потоком добавляется общественно-политическая проблематика – исследования внешнеполитической стратегии Японии, её внутренних политических, социально-культурных механизмов.

В начале 90-х годов Япония переживала конец эпохи длительного «экономического чуда»: лопается финансовый «пузырь» японской экономики, и страна надолго погружается в стагнацию. Китайская экономика в этот период, напротив, наращивает темпы роста. Закономерно, что на базе меняющихся экономических фундаментов начинают происходить перемены и на этаже социально-политических институтов – политических курсов, конфигураций, концепций. Эти перемены не могли остаться вне внимания японоведов-исследователей.

В период первой половины 90-х годов фокус внимания китайского японоведения смещается к изучению проблем внешней и внутренней политики Японии, к пониманию проблем её право-консервативной эволюции. В этот период между Японией и Китаем

развернулась полемика по вопросам оценки характера действий Японии во Второй мировой войне. Китайские учёные выразили возмущение официальными почестями, которые японские власти оказывали воинам, погибшим в ходе ряда преступных агрессивных войн против соседних государств. Китайцы развернули полемику, требуя от Японии в корне пересмотреть оценки характера её военных действий: признать факт агрессии и осудить её.

Во второй половине 90-х годов расхождения политических курсов Китая и Японии, в понимании китайских учёных, ещё более углубляются. Особенно обеспокоен Китай курсом Японии на развивающуюся военно-политическую интеграцию с США. Как известно, после окончания холодной войны Япония продолжала проводить политику – «мелкими шажками» укреплять американо-японский военный союз», Япония следовала прежнему курсу – «Держись Америки, сдерживай Китай» (дзямэй джихуа). В контексте подобной политики в сентябре 1997 г. в Японии был опубликован совместный «Курс обороны и сотрудничества в безопасности Японии и США». В апреле 1999 г. японский парламент принял законопроект «Ситуация в окружении», углубивший военное сотрудничество Японии и США, он был расценен в Китае как имеющий антикитайскую направленность. В идеологической плоскости курс Японии ознаменовался призывами «превратиться в великую политическую державу», к «становлению нормального государства», и даже призывами к «урегулированию по-новому».

В «нолевые» годы китайские учёные начали уделять возрастающее внимание не только политике Японии, но и культурной антропологии японцев. Появляется всё больше трудов на тему «национального характера японцев» и его влияния на различные аспекты жизни страны – внешнюю и внутреннюю политику, экономику.

Эволюция 90-х – «нолевых» годов в целом означает, что китайское японоведение набирает зрелость, силу и стремится быть весомым аргументом в развитии отношений двух стран. Возрастает его способность участвовать в формировании отношений этих двух народов и государств.

Современное китайское японоведение опирается на значительный кадровый потенциал. В стране трудится свыше тысячи специалистов-японоведов, при этом, по данным на 2007 г., среди них 370 человек имеют докторскую учёную степень. В возрастном отношении эти кадры сравнительно молоды: среди них лица моложе 30 лет составляют 9%, в возрасте 30-39 лет составляют 26%, 40-49 лет – 30%, 50-59 лет – 22%, 60 лет и старше – 7%. Профессиональная подготовка приближается к хорошему международному стандарту: большинство лиц моложе 40 лет проходило стажировки в Японии, владеет двумя иностранными языками, знакомо с современными западными гуманитарными концепциями. Работу по специальности они находят, как правило, в учреждениях четырёх типов: 70% японоведов работает в системе ВУЗов, библиотек, школ, исследовательских центров при университетах, в должности преподавателей; 10% занято в штате различных министерств; ещё 10% – научные работники Академии и провинциальных академий; наконец, 10% – работники масс-медиа (пресса, издательства)¹.

В территориальном отношении японоведческая работа и кадры концентрируются в трёх городах центрального подчинения – Пекине, Тяньцзине, Шанхае – и в Северо-восточном регионе страны (Дунбэй).

Особенностью настоящего времени является вовлечение широких масс любителей, рядовых граждан в информационную жизнедеятельность общества. Огромное количество граждан, не

---

¹ Jiang Lifeng, Yang Dongliang. Japanese studies in China at the Turn of the century: Efforts and Prospects. www.jpfbj.cn/download/101130C.pdf

являющихся специалистами-японоведами, посещает Японию, участвует в разнообразных формах связи двух стран (бизнес, научные обмены, учёба, трудовые миграции, личные контакты и прочее), и благодаря массовому распространению Интернета (в КНР на 2015 г. около 500 миллионов пользователей сети) они также становятся активными участниками информационного пространства, пишут и публикуют свои мемуары, мнения и прочие материалы.

Поскольку речь идёт о научно-исследовательской работе, в Китае сложилась **развитая организационная структура научного изучения Японии**, существует много разнообразных центров исследования Японии, всей связанной с ней проблематики.

По данным справочника, вышедшего в Японии в 1999 г., «Зарубежные учреждения по изучению Японии», в Китае насчитывалось 66 НИИ и исследовательских центров, специально занимающихся исследованием японоведческой проблематики¹. А по данным китайского справочника «Китайские исследования Японии»², подготовленного и выпущенного Китайской ассоциацией японоведения в 1997 г., в стране функционирует 98 исследовательских учреждений (институты, центры, лаборатории и т.п.), плюс различные японоведческие ассоциации и научные общества: среди них общенациональных – 16, региональных ассоциаций и обществ – 27.

Разумеется, политический и научный вес таких учреждений может сильно различаться.

Особого внимания к себе заслуживает научная деятельность ряда центров, оказывающих существенное влияние на формирование государственной политики и общественного мнения Китая в отношении Японии.

---

¹ Overseas Japanese studies Institutions. - The Fukuoka UNSECO Association. 1999

² Китайские исследования Японии. - Китайская ассоциация японоведения, 1997 г., Пекин [ит. Чжунго де жибэнь яньцзю].

Это *Исследовательский центр международных проблем при Госсовете КНР (Гоцзи вэньти яньцзю чжунсинь)*. Он находится в Пекине. Сформирован в 1982-83 гг. Его основная функция – координация сил видных китайских учёных, работающих в различных структурах, для исследования проблем международных отношений. Центр ставит научные задачи центрам академической общественности с целью подготовки необходимых исследований и докладов и информирует об их результатах высшие партийные и правительственные органы КНР. Основная сфера внимания его работ – мировая политика, азиатско-тихоокеанский регион. Штат Центра весьма не многочисленен (около 10 человек).

Китайский институт современных международных отношений (Чжунго сяньдай гоцзи гуаньси яньцзююань, www.cicir.ac.cn). Находится в г. Пекине. Это крупный научно-исследовательский институт, образованный в 1964-65 гг. Но в период «культурной революции» практически не функционировал. Нынешнее название получил в 1980 г. Напрямую связан с Госсоветом КНР, подотчётен вышеупомянутому Исследовательскому центру международных проблем при Госсовете КНР. Участвует в формировании китайской внешней политики. В институте есть региональные подразделения, в частности, есть Институт японских исследований. Издаётся журнал «Современные международные отношения» (Сяньдай гоцзи гуаньси), выходящий с 1981 г. В штате Института порядка 300 сотрудников. Институт поддерживает широкие международные связи.

Институт международных проблем (Гоцзи вэньти яньцзюсо, www.ciis.org.cn). Учреждён в Пекине в 1973 г. Штат – около 250 человек. Изучением Японии занимается Отдел Восточной Азии и Тихого океана. Институт поддерживает прямые связи с МИД КНР. Издаёт журнал «Исследование международных проблем» (Гоцзи

вэньти яньцзю), выходящий с 1980 г. Развивает широкие международные связи.

Пекинский институт международных стратегических исследований (Бэйцзин гоцзи чжаньлюэ яньцзюсо). Основан в 1979 г. в г. Пекине. Занимается изучением военно-политической проблематики в глобальном и региональном аспектах. Имеет прямые связи с Министерством обороны и Генеральным штабом НОАК. Штат около 30 сотрудников, многие из них – военные специалисты. Открытых публикаций не имеет. Принимает участие в международных связях.

Институт мировой экономики и политики Академии общественных наук КНР (Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи яньцзюсо), г. Пекин. Основан в 1981 г. Штат – около 230 сотрудников, из них научных сотрудников примерно 150 человек. Институт занимается разработкой фундаментальных экономических проблем – отношения «Севера и Юга», продовольственные и энергетические ресурсы, передача технологий и др. В частности, исследуются соответствующие аспекты политики Японии в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Институт Японии Академии общественных наук КНР (Жибэнь яньцзюсо, www.ijs.cn). Находится в Пекине. Основан в 1981 г. Является головным учреждением среди прочих учреждений данного рода в Северо-Восточном Китае. Разрабатывает темы, порученные правительством, Академией, а также, генерированные собственными планами института. В Институте пять научных отделов – политики, экономики, внешней политики, общества и культуры, библиотека. Около 45 научных сотрудников. В Библиотеке института примерно 55 тысяч томов по разным проблемам Японии, выписывается примерно 30 научных периодических изданий. Издаётся научный журнал «Вестник японоведения» (Жибэнь сюэкань). Институт активно вовлечён в научное и культурное сотрудничество с Японией, японская

сторона помогает поддерживать материальную базу исследовательской работы (книги, библиотечное оборудование и т.п.).

Институт Тихоокеанской экономики Народного университета Китая. Г.Пекин. Создан при Народном университете Китая. (Подробности не известны).

Шанхайский институт международных проблем (Шанхай гоцзи вэньти яньцзюсо, www.siiis.org.cn). Основан в 1960 г. Институт финансируется правительством Шанхая, вместе с тем, он активно сотрудничает с МИД КНР. В структуре Института имеется отдел Японии. В штате трудится около 80 исследователей. Институт активно вовлечён в международные связи. Согласно американским рейтингам, он входит в число ведущих десяти «резервуаров мысли» в КНР, оказывающих научное влияние на государство и общество в Китае.

Шанхайский институт по изучению Азии. Образован в 1988 г. с одобрения Госсовета КНР. Это неправительственный институт по изучению Азии. Его задача – комплексное изучение Азии и Тихоокеанского бассейна с целью содействия международным обменам. Глава совета директоров – бывший мэр Шанхая.

Институт мировой экономики университета Фудань (Фудань дасюэ гоцзи чжэньчжи яньцзюсо). Находится в Шанхае. Основан в 1964 г. Один из отделов Института занимается изучением Японии. Изучаются проблемы экономики и преобразований современных развитых стран, разрабатываются проблемы внешней стратегии КНР. Выходит ряд периодических изданий.

Центр зарубежных исследований Северо-восточного педагогического института (Дунбэй шифань дасюэ вайго вэньти яньцзюсо). Г. Чанчунь. В Центре изучается экономика послевоенной Японии.

Институт Японии Университета Цзилинь (Цзилинь дасюэ жибэнь яньцзюсо). Г.Чанчунь. В Институте 5 отделов – экономики, политики, проблем управления, литературы, истории китайско-японских отношений.

Институт Японии Академии общественных наук провинции Цзилинь (Цзилинь шэн шэхуй кэсюэюань жибэнь яньцзюсо). Г. Чанчунь. Институт изучает экономику, историю, в частности, историю Южно-Маньчжурской железной дороги.

Институт Японии Академии общественных наук Тяньцзиня (Тяньцзинь шэхуй кэсюэюань жибэнь яньцзюсо). Г.Тяньцзинь. Институт изучает послевоенную Японию, её экономику и китайско-японские отношения.

Институт Японии Нанкайского университета (Нанкай дасюэ жибэнь яньцзююань), г. Тяньцзинь. Является учебным и исследовательским центром. Один из самых представительных провинциальных центров научного японоведения.

Институт Японии университета Ляонин (Ляонин дасюэ жибэнь яньцзюсо). Г.Шэньян. Институт ведёт экономические и исторические исследования.

Институт зарубежной информации по общественным наукам Академии общественных наук провинции Ляонин (Ляонин шэн шэхуй кэсюэюань вайго шэхуй кэсюэ цинбао яньцзюсо). Г. Шэньян. Основан в 1978 г. Занимается сбором и обработкой информации, публикует ежемесячник «Зарубежная информация по общественным наукам».

Институт Японии Хэбэйского университета (Хэбэй дасюэ жибэнь яньцзюсо). Г.Баодин.

В Китае издаётся множество **периодических журналов**, посвящённых специально изучению Японии (помимо того, что японская проблематика часто освещается на страницах общих и отраслевых журналов). В вышеупомянутом справочнике «Китайские

исследования Японии» Китайской ассоциации японоведения от 1997 г. приводится 33 наименования журналов, посвящённых японской обществоведческой проблематике.

На стеллажах читального зала научной библиотеки Института Японии Академии общественных наук можно увидеть, к примеру, такие японоведческие периодические издания.

«Изучение истории китайско-японских отношений» (*Чжунжи гуанси ши яньцзю*). Журнал выходит в Пекине. Его издаёт «Научное общество истории китайско-японских отношений». Сайт: www.sinojap-rhs.com.

«Китайско-японское предпринимательство» (*Чжунго жици*). Журнал является форумом для обсуждения проблем предпринимателей, работающих в сфере китайско-японских связей. Сайт: www.cjcnnet.com/magazine/liebiao.aspx

«Восточно-азиатский обзор» (*East-Asia Review. Дун`я лунтан*). Издаётся на Тайване. Прежнее наименование: «Изучение Японии» (*Жибэнь яньцзю*). Журнал освещает проблемы экономики, технологий, международных отношений в регионе. Сайт: www.it.thit.edu.tw/it/

«Вестник японоведения» (*Жибэнь сюэкань*). Издаётся в Пекине. Учредители – Институт Японии Академии общественных наук и Китайская ассоциация японоведения. Научное издание академического уровня. Сайт: <http://qk.cass.cn/rbxk>

«Изучение Японии (*Japan Studies*)». Издаётся Институтом Японии Ляонинского университета в г. Шэньяне.

«Сборник японских исследований» (*Жибэнь яньцзю цзюлинь*). Издаётся Центром японских исследований Фуданьского университета в Шанхае. Сайт: www.jsc.fudan.edu.cn

«Исследование проблем Японии» (*Жибэнь вэньти яньцзю*). Издаётся Хэбэйским университетом.

«Современная Япония» (*Сяньдай жибэнь, Modern Japan*).
Издаётся Институтом Японии г.Тяньцзиня.

«Экономика современной Японии» (*Сяньдай жибэнь дзиндзи. Contemporary Economy of Japan*). Издаётся Цзилиньским университетом и Всекитайской ассоциацией экономики Японии. Выходит в г. Чаньчунь. Сайт: xdrbjj@mail.jl.cn

«Изучение зарубежных проблем» (*Вайго вэньти яньцзю, Journal of foreign studies*). Издаётся Северо-восточным педагогическим институтом в г. Чанчуне. Сайт: <http://wgwt.chinajournal.net.cn>.

«История экономической мысли Японии» (*Жибэнь дзиндзи сысиань ши яньцзю*).

И много других.

Исследования учёных КНР ведутся по множеству **направлений**. Отраслевая структура интересов исследователей выглядит так: 43% специалистов занимаются языком и литературой, 18% – историей, 14% – экономикой, 12% – политикой и международными отношениями, 5% – философией и общественной мыслью, 2% – японская система образования, 2% исследований посвящены синтетической тематике, 4% – всё прочее. В «нолевых» годах заметно расширяются исследования языка и литературы, при этом несколько сокращается количество исследований в сфере истории и экономики.

В рамках данной работы можно лишь в самых общих чертах обрисовать наиболее важные направления исследовательской работы.

В «нолевых» годах примерно 40% всех японоведческих публикаций посвящены именно сфере внешней политики Японии. Бросается в глаза огромный интерес китайских учёных к изучению внешней политики Японии – как сферы двусторонних отношений, так и японской стратегии и многонаправленной внешней политики в целом.

Китайские учёные полагают, что в период после холодной войны и в начале XXI века отношения двух стран вступили в эпоху обновления и трансформации. Эти отношения формируются в условиях мира и конкурентного сосуществования, и характеризуются как взаимными интересами, так и взаимными противоречиями. Экономическое сотрудничество Китая и Японии подталкивает региональное сотрудничество и ведёт вперёд всю восточно-азиатскую экономику. В сфере политики их отношения содержат возможности и дружбы, и антагонизма, и просто неопределённости. Со своей стороны Китай стремится к построению дружественных отношений с соседом.

Серьёзным толчком к активизации исследований в Китае стал скандальный визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в апреле 2001 г. в храм Ясукуни-дзиндзя, где, по японской легенде, покоятся души воинов Японии, погибших в многочисленных агрессивных войнах, которые вела Япония. Этот инцидент обострил трения в китайско-японских отношениях и инспирировал более интенсивный интерес в Китае к прошлому и современному состоянию двухсторонних отношений.

Существенная особенность современных отношений – значительное возрастание влияния средств массовой информации, общественного мнения на формирование политики государств, международных отношений. Китайцы придают важное значение работе с общественным мнением, социологическому изучению его. Их выводы говорят, что японцы мало информированы о преступлениях японской военщины, об агрессии против Китая, как это вновь продемонстрировал визит премьер-министра Коидзуми в храм Ясукуни. С другой стороны, и китайское общественное мнение мало симпатизирует японцам.

После визита в октябре 2010 г. премьера Японии Абэ в Китай с целью вывести взаимоотношения двух держав из тупика, дать им новый импульс, среди китайских учёных активизировались исследования, каким образом можно улучшить политический и деловой климат в отношениях двух стран.

В самые последние годы в Китае вышло множество работ, посвящённых *анализу японо-китайских отношений*, в частности, идейно-теоретических, концептуальных основ формирования взаимных внешнеполитических курсов Китая и Японии.

Фундаментальный обзор и анализ концептуальных и объективных условий формирования взаимоотношений Китая и Японии, а также, прогноз будущего отношений двух стран в 21-м веке даёт работа «Китайско-японские отношения в XXI-м веке» под ред. Цзинь Сидэ, Чунцин, 2007 г., 492 с. [*кит.* XXI шицзи дэ чжунжи гуаньси].

Исследование влияний различных идеологических доктрин на формирование внешней политики Японии на китайском направлении – «вестернизма» (т.е. прозападных устремлений Японии) и «пан-азиатизма», консерватизма и либерализма, и др., а также анализ политики отдельных последних кабинетов Японии (Коидзуми, Абэ, Фукуда, Хатояма) представлены в работе Гао Ланя «Политика Японии в отношении Китая после «холодной войны»: идеи и практика», Пекин, 2009 г., 325 с. [*Кит.* Лэнчжань хоу жибэнь дуй хуа вайцзяо дэ сысян юй шисянь].

Частная концептуальная проблема японской политики рассматривается Лю Цзяньюн в работе «Китай и Япония: отношения «холод в политике, тепло в экономике» в процессе перемен», Пекин, 2007 г., 808 с. [*кит.* Чжунго юй жибэнь: бьяньхуа чжун дэ «чжэн лэн цзин жэ» дэ гуаньси].

Широкий историко-культурный фон китайско-японских взаимоотношений представлен в книге Ван Хайтао «Япония меняет Китай», 2009 г. [*кит.* Жибэнь гайбянь чжунго].

Интересен и сборник статей «Китай и Япония в условиях формирования архитектоники XXI века Восточной Азии», Пекин, 2007 г., 311 с. [*кит.* 21 шицзи дунья гэцзюй ся дэ чжунго хэ жибэнь].

В ряде работ внимание сосредоточено на реальной истории и практике взаимоотношений.

Прежде всего, должно назвать фундаментальный трёхтомный труд «История китайско-японских отношений», Пекин, 2006 г. [*кит.* Чжунжи гуаньси ши], подготовленный Академией общественных наук КНР (Автор-составитель Сунь Наймин). В нём рассматривается история отношений двух стран с древности до наших дней. Послевоенному периоду посвящён третий том.

Последнее тридцатилетие в отношениях двух стран обстоятельно раскрывается в трёхтомнике «30 лет дружественных связей Китая и Японии. 1978-2008 гг.» [*кит.* Чжунжи юхао цзяолю саньши нянь (1978-2008)]. Издано в Пекине в 2008 г. Академией общественных наук. Первый том охватывает политические проблемы, автор – Ван Синьшэн. Второй том – вопросы экономики, автор – Чжан Лифэн. Третий том посвящён взаимодействию в сфере культуры, образования, общественных связей, автор – Хуан Дахуэй.

Ценная информация присутствует в работе Ли Цзяньминь «История китайско-японских отношений после холодной войны. 1989 – 2006 гг.». Пекин, 2007 г., 435 с. [*кит.* Лэнчжань хоу дэ чжунжи гуаньси ши. 1989-2006]. Также, Фэн Чжаокуэй, Линь Чан «Доклад о китайско-японских отношениях», Пекин, 2007 г., 475 с. [*кит.* Чжунжи гуаньси баогао].

Анализ отношений с 70-х годов до начала 2000-х даётся в работе Цзинь Сидэ «Тридцать лет японской внешней политики», Циньдао, 2008 г., 447 с. [*кит.* Жибэнь вайцзяо 30 нянь].

Ряд работ детально анализируют историю восстановления и нормализации китайско-японских отношений. Например, Хуан Дахуэй «Политика Японии в отношении Китая и внутренняя политика», Пекин, 2006 г., 311 с. [*кит.* Жибэнь дуй хуа чжэнцэ юй гонэй чжэнчжи], специально анализируется роль политиков, деловых и общественных кругов в этом процессе. Работа Ван Цзюня «Первопроходцы китайско-японских отношений: 45 человек, ставших пионерами китайско-японской дружбы», Пекин, 2009 г., 343 с. [*кит.* Чжунжи гуаньси цзюэцзинжэнь: цзи 45 вей чжунжи юхао дэ сяньцюй] характеризует роль 45 видных государственных и общественных деятелей Китая и Японии в восстановлении взаимоотношений двух стран в 1972 г., в том числе, роль Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина. Достойна внимания также работа Лю Хуна «Новое исследование восстановления отношений Китая и Японии: режим Танака в Японии как центр принятия решений о восстановлении отношений с Китаем», Шанхай, 2011 г., 274 с. [*кит.* Чжунжи цзяньцзяо дзай яньцзю: юй жибэнь тяньчжун чжэнцюань дуй хуа цзяньцзяо цзюэцэ вей чжунсинь]. Наконец, работа «Охира Масаёси и китайско-японские отношения», Пекин, 2011 г., 185 с. [*кит.* Тайпин Чжэнфан юй чжунжи гуаньси].

Серия работ, исследований китайских учёных заострены на понимание, изучение спорных исторических и современных проблем в китайско-японских отношениях. Несомненный интерес вызовет работа Ю Бо «Китайско-японские отношения на подъёме», Пекин, 2009 г., 167 с. [*кит.* Цзюэци чжун дэ чжунжи гуаньси], посвящённая исследованию этих проблем. Как общественное сознание воспринимает подобные проблемы рассматривается в работе Лю Цзэ

«Транснациональное осознание истории: точка зрения учёных Японии и китайских учёных за рубежом», Пекин, 2006 г., 383 с. [*кит.* Чаоюэ гоцзин дэ лиши жэньши: лайцзы жибэнь сюэчжэ цзи хайвай чжунго дэ сюэчжэ шицзяо]. Жэнь Гомин и Ю Миншань в своей работе «Последовательность и компромисс: китайско-японские отношения с близкого расстояния», Гуанчжоу, 2008 г., 258 с. [*кит.* Цзяньчи юй тосе: цзиньлу ли кан чжунжи гуаньси] рассматривают проблемы исторических оценок прошлого, территориальный спор, проблемы отношений с Тайванем в контексте двухсторонних отношений.

Некоторые авторы изучают механизм взаимосвязи внешней политики Японии с формирующими её политическими и социальными обстоятельствами. Например, работа «Политика японского общества. Изменения в социально-политическом строе Японии и китайско-японские отношения», под ред. Чэнь Фэна, Пекин, 2007 г. [*кит.* Жибэнь шэхуй чжэнчжи. Шэнтай бяньхуа юй чжунжи гуаньси]. Информативный справочник подготовил Ван Чжунцюань – «Современные неправительственные дружественные связи Китая и Японии», Пекин, 2008 г., 283 с. [*кит.* Дандай чжунжи миньцзянь юхао цзяолю]; в книге приводится обширный список японских организаций и физических лиц, играющих активную роль в поддержании отношений Японии и Китая.

Экономические связи Китая и Японии также освещаются китайскими авторами. На эту тему вышла под редакцией Вэй Цзиньпина и др. работа «Исследования японской экономики и китайско-японских экономических отношений», 2010 г., 356 с. [*кит.* Жибэнь цзинцзи юй чжунчжи цзинцзи гуаньси яньцзю]. Другая работа – подборка статей «Сборник по финансово-технологическим связям Китая и Японии», Пекин, 2011 г., 470 с. [*кит.* Чжунжи цзиньжун сюэшун цзяолю вэньцзи].

Китайское японоведение не ограничивается рассмотрением двухсторонних, непосредственных связей Китая и Японии. Во множестве работ внешняя политика Японии рассматривается *на уровне стратегии, как политика, реализуемая на глобальном и региональном уровнях, а также, по линии двухсторонних и многосторонних связей* Японии с «третьими» странами.

В этом ракурсе китайские исследования фокусируют внимание на процессе восстановления Японии как великой политической державы. Отмечается решающая роль экономических успехов страны, ставших опорой её политического статуса. Япония смогла использовать к своей выгоде американо-японский союз и, опираясь на него, всесторонне освоила мировое политическое пространство. Добившись статуса государства – члена Совета Безопасности ООН, Япония смогла серьёзно расширить своё «право слова и дела» на мировой арене.

Процесс наращивания Японией державной мощи, формирования внешнеполитической стратегии в целом исследуется многими китайскими авторами.

Так, Хуан Дахуэй в работе «Тенденция превращения Японии в великую державу и китайско-японские отношения», Пекин, 2008 г., 317 с. [*кит.* Жибэнь дагохуа цюйши юй чжунжи гуаньси] показывает, что политическая мощь Японии начинает дополнять её экономическую мощь, страна превращается в «великую державу», и как данное обстоятельство начинает влиять на китайско-японские отношения.

Другая работа – Сяо Вэй «Исторические истоки стратегии безопасности Японии после войны», Пекин, 2009 г., 260 с. [*кит.* Чжаньхоу жибэнь гоцзя анцюань чжаньлюэ дэ лиши юаньдянь]. Автор рассматривает такие аспекты политики Японии, как идеи нации-государства, союз с США, милитаризация.

Лю Цзунхэ. «Политическое развитие Японии и внешняя политика», Пекин, 2010 г., 403 с. [*кит.* Жибэнь чжэнчжи фачжань юй дуйвай чжэнцэ]. Автор исследует взаимосвязь внутренней и внешней политики Японии послевоенного периода, обстоятельно рассматривает стратегию безопасности Японии в XXI веке.

Сунь Чэнгань. «Исследование стратегии безопасности японского государства после холодной войны», Пекин, 2007 г., 290 с. [*кит.* Лэнчжань хоу жибэнь гоцзя аньцюань чжанлюэ яньцзю].

У Цзинань. «Исследование стратегии Японии в новом веке», Пекин, 2010 г., 443 с. [*кит.* Синь шицзи жибэнь дуй вай чжаньлюэ яньцзю]. Масштабное исследование внешнеполитической стратегии Японии, влияния различных доктрин – консерватизм, национализм, глобализация – на формирование внешнеполитического курса, особенностей политики последних кабинетов (Коидзуми и др.).

Цзинь Сидэ. «Японская политика и дипломатия в начале XXI века», Пекин, 2006 г., 443 с. [*кит.* 21 шицзичу дэ жибэнь чжэнчжи юй вайцзю]. Автор рассматривает, как внутренняя политика детерминирует внешнюю политику Японии, специально анализируется политика кабинетов Коидзуми, основные направления внешней политики – отношения с США, Китаем, двумя Кореями, Средней Азией.

Лянь Дэгуэй. «Великодержавная Япония и китайско-японские отношения», Шанхай, 2010 г., 323 с. [*кит.* Даго жибэнь юй чжунжи гуаньси]. Книга содержит анализ международной стратегии Японии.

Лу Яодун. «Мирное развитие Китая и внешняя стратегия Японии», Пекин, 2010 г., 514 с. [*кит.* Чжунго хэпин фачжан юй жибэнь вайцзю чжанлюэ]. Автор освещает политику и взаимодействие двух стран.

«Исследование японской политики и внешнеполитических трансформаций», под ред. Го Динпин – Шанхай, 2010 г., 327 с. [*кит.* Жибэнь чжэньжи юй вайцзяо чжуаньсин яньцзю]. Сборник статей.

На Жису. «Размышления о послевоенном возвышении Японии», Чанша, 2007 г., 170 с. [*кит.* Чжанхоу жибэнь цзюэци дэ сыкао].

Все вышеуказанные работы отмечают нарастание консервативных, великодержавных тенденций во внешнеполитической стратегии Японии.

Группа монографических работ исследует направления японской политики на широкой мировой арене.

«Современные внешние связи Японии», Пекин, 2009 г., 500 с. Под ред. Лю Цзяньюн. [*кит.* Дандай жибэнь дуй вай гуаньси]. Предлагается всесторонний анализ направлений внешней политики Японии: кроме традиционных тем – отношений с США, Китаем, Россией, также, рассматриваются отношения с Европой, Африкой, Средней Азией, Индией, Монголией, Вьетнамом, Ираном, также, новых направлений – экология и др.

Лянь Хуйсинь. «Исследование политики Японии в ООН». – Тяньцзинь, 2007 г. [*кит.* Жибэнь дэ ляньхэго вайцзяо яньцзю].

Достаточно много трудов посвящено комплексному исследованию региональной восточно-азиатской и тихоокеанской политики.

«Политика Японии в Восточной Азии в начале 21-го века». Под ред. Чжан Инхуэй. Пекин, 2010 г., 367 с. [*кит.* 21 шицзи чуци жибэнь дэ дунья чжэнцэ]. Группа авторов института Японии Академии общественных наук КНР анализирует основные направления внешней политики Японии после «холодной войны» – отношения с США, КНР, АСЕАН, Россией, двумя корейскими государствами. Дается прогноз.

Чжу Нин. «Разработка стратегии: китайско-японские геополитические стратегии и построение восточно-азиатской

безопасности», Ханьчжоу, 2007 г., 282 с. [*кит.* Шэнсуань: чжунжи диюань чжанлюэ юй дунья чжунсу]. Автор исследует столетнюю историю модернизации и конфликтов двух наций, рассматривает пути обеспечения безопасности в регионе.

«Восточно-азиатская кооперация: 2009». Пекин, 2010 г., 462 с. [*кит.* Дунья дицюй хэцзо: 2009] Исследование взаимоотношений государств азиатско-тихоокеанского региона: стран АСЕАН, Китая, Японии, Кореи, США, Австралии и др.

«Исследования развития Азиатско-тихоокеанского региона», Цзинань, 2006 г., 696 с. [*кит.* Ятай фачжань яньцзю]. Сборник статей по вопросам экономики, политики, культуры региона.

Цяо Линьшэн. «Внешняя политика Японии и АСЕАН», Пекин, 2006 г., 348 с. [*кит.* Жибэнь дуйвай чжэнсэ юй дунмин].

Дэн Шичао. «От враждебности к партнёрству. Путь развития отношений АСЕАН и Японии после войны». Пекин, 2007 г., 249 с. [*кит.* Цун дидуйго дао цюаньмянь хэцзо дэ хуобань. Чжаньхоу дунмэн-жибэнь гуаньси фачжань дэ гуйцзи]. Автор поэтапно рассматривает отношения АСЕАН и Японии в послевоенный период.

Для понимания внешнеполитической стратегии Японии важно учитывать и двусторонние отношения Японии с другими державами мира и региона, кроме Китая. Этой сфере проблем также посвящено немало работ.

Сюй Ваньшэн. «Японо-американский альянс и безопасность в окружении Китая после холодной войны», Пекин, 2009 г., 386 с. [*кит.* Лэнчжань хоу дэ жимэй тунмэн юй чжунго чжоубянь аньцюань]. Автор исследует тенденции трансформации японо-американского союза, в частности, «глобализацию» их союза, и значение данного процесса для безопасности Китая и прилегающего региона.

Шан Шу. «Тенденции отношений в японо-американском союзе», Пекин, 2009 г., 481 с. [*кит.* Мэйжи тунмэн гуаньси цзосянь].

В работе, основанной на большом количестве новейших документов, исследуются тенденции отношений и противоречия, возникающие в связи с политическими коллизиями на мировой арене, порождёнными мировым финансовым кризисом.

Хуан Дахуэй. «Меняющаяся Восточная Азия и США», Пекин, 2010 г., 347 с. [*кит.* Бяньхуа чжун дэ дунъя юй мэйго]. Исследование политики США в регионе. Одна глава специально посвящена американо-японским отношениям.

Ли Юнхуэй. «Российско-японские отношения», Пекин, 2007 г., 381 с. [*кит.* Эжи гуаньси]. Автор исследует историю отношений СССР – России с Японией с довоенного периода до настоящего времени. Вторая половина работы посвящена рассмотрению важнейших аспектов российско-японских отношений: территориальное урегулирование, торгово-экономические отношения, вопросы рыболовства, общественно-культурные связи, китайский фактор в российско-японских отношениях.

Дин Иншунь. «Отношения Японии с Северной и Южной Кореей после войны», Пекин, 2010 г., 257 с. [*кит.* Чжаньхоу жихань жичао гуаньси]. Автор рассматривает историю японской политики в отношении Корейского полуострова, в том числе, историю колониальной политики Японии, нормализацию и развитие отношений с обоими государствами в послевоенный период, перспективы их отношений в XXI веке. В приложении публикуются важные документы.

«Исследование отношений США, Японии, Евросоюза с Тайванем после холодной войны». Под ред. Го Цзяньпинь. Шанхай, 2009 г., 465 с. [*кит.* Лэнчжан хоу мэй жи омэй юй Тайвань гуаньси яньцзю].

Вопросы внутренней политики и права также привлекают внимание китайских исследователей, в их трудах раскрывается широкий спектр проблем.

Ряд ценных исследований по внутренней политике Японии в указанный период принадлежит таким авторам как Лу И, Ма Цзюньвей, Гао Хун, У Цзинань, Лю Цзяньюн, Лян Юньсян, Ин Сяюань, Сюэ Цзюньду, Лу Чжунвей, Лю Сяофен, Лу Яодун, Чжан Гуаньюй и др.

В числе самых последних публикаций можно отметить следующие работы.

Ли Сюши принадлежит «Исследование стратегии неоконсерватизма в Японии», Пекин, 2010 г., 329 с. [*кит.* Жибэнь синьбаошоучжуй чжанлюэ яньцзю] – фундаментальное исследование прошлого и настоящего японского неоконсерватизма, его внутренней и внешней политики, его социальных основ.

Ли Ин. «Исследование консервативной политической системы послевоенной Японии», Пекин, 2008 г., 430 с. [*кит.* Жибэнь чжанхоу баошоу чжэнчжи тичжи яньцзю]. Автор даёт фундаментальный анализ механизмов власти и правления консерваторов страны.

Чэнь Янь. «Политико-экономические преобразования после кабинета Коидзуми», Цзинань, 2010 г., 246 с. [*кит.* Сяоцюань нэйгэ илай дэ чжэнши цзинцзи бяньгэ]. Анализ политико-экономической эволюции Японии при кабинетах Коидзуми, Абэ, Фукуда, Асо, Хатояма.

Юань Цзюань. «Исследование образцов оценки эффективности японского правительства», Пекин, 2009 г., 236 с. [*кит.* Жибэнь чжэнфу цзисяо пингу моши яньцзю]. Исследование системы оценки деятельности правительства и министерств Японии, созданной в результате административной реформы.

Цзинь Ин. «Закулисье и сцена. Изменение структуры политического общества современной Японии», Пекин, 2009 г., 395 с. [кит. Миши юй цзюйчан. Сяндай жибэнь чжэнчжи шэхуй цзегоу бяньтянь]. Политологическое исследование публичной и тайной политики Японии на примерах современных кабинетов (Коидзуми, Абэ и др.).

Сюй Ваньшен. «Исследование системы изменений партийно-политической системы Японии после холодной войны – Система 1996 г.».

Чжу Цзяньсун. «Над Японией меняются «небеса». Взгляд с близкого расстояния на рождение власти Демократической партии», Пекин, 2009 г. [кит. Жибэнь бяньтянь. Миньчжудан чжэнцюань даньшэн цзиньцзюйли гуаньча].

«Эволюционные изменения и влияния в истории правого крыла Японии», Чанша, 2009 г., 331 с. [кит. Жибэнь юи дэ лиши фачжань яньбянь цзи инсян].

Ван Мин и др. «Некоммерческие организации Японии», Пекин, 2007 г., 284 с. [кит. Жибэнь фэйинли цзучжи]. Исследование неправительственных и некоммерческих организаций Японии.

Чжан Сюань. «Японские комунны», Пекин, 2007 г., 270 с. [кит. Жибэнь шэцзюй]. Исследований организации местных общин и местного самоуправления.

Цзэн Сянжуй. «Исследование новой системы местного самоуправления Японии», Пекин, 2005 г., 242 с. [кит. Синь жибэнь дифан цзычжи чжиду яньцзю]. Обстоятельное исследование местного самоуправления после административной реформы: население местных общин, законотворческие функции общин, финансы, взаимоотношения и др.

Неотъемлемой частью изучения внутривнутриполитических механизмов Японии является и *изучение её правовых институтов и*

норм. Помимо многочисленных переводов с японского языка, в Китае выходит и много своих оригинальных работ данной тематики.

Чжао Лисин. «Правовая система Японии», Пекин, 2010 г., 441 с. [кит. Жибэнь фачжиши]. Исследование правовой системы Японии с древнейших времён до наших дней, включая прогноз развития в XXI веке.

Чэнь Гэнфа. «О духе японских законов», Пекин, 2005 г., 257 с. [кит. Лунь жибэнь фа дэ цзиншэнь]. Подробное рассмотрение истории японского права, начиная с эпохи Токугава, влияния различных правовых школ на современное японское право, особенности японского права.

Лэн Лаошэн. «Современная судебная система Японии», Пекин, 2002 г., 416 с.

Чэнь Даоин. «Сравнительный анализ судебного разбирательства в Японии и США», Пекин, 2008 г., 343 с. [кит. Жимэй сыфа шэньча бицзяо яньцзю]. Автор рассматривает принцип «судебной пассивности» в судебных тяжбах двух названных стран.

Цзян Ичунь. «Исследование судебных прецедентов корпоративного права Японии». Пекин, 2004 г., 343 с. [кит. Жибэнь гунсыфа паньли яньцзю]. Масштабное исследование важнейших правовых разделов законодательства Японии о компаниях, наиболее известных судебных прецедентов.

«Исследование гражданского и коммерческого права Китая и Японии». Под ред. Цюй Тао. Пекин, 2009 г., 403 с. [кит. Чжунжи миньшан фа яньцзю]. Сборник статей, сравнивающих право Китая и Японии.

Фань Юньшоу. «Практикум по торгово-экономическому законодательству Японии». Шанхай, 2002 г., 172 с. [кит. Фужи цзиншан фалюй шиу]. Изложение основ предпринимательского права Японии.

«Нормы и практика экологической экономики Японии». Пекин, 2008 г., 237 с. [кит. Жибэнь сюньхуань цзиньцзи фагуй юй шицзянь]. Разносторонний анализ экономического законодательства и экономики по защите природной среды в Японии.

Японская экономика - важная сфера внимания китайских учёных, чему свидетельство – обилие научных публикаций.

Множество работ посвящено исследованиям «экономики финансового пузыря» и причин длительной рецессии. Этой темой обстоятельно занимались Ван Лолин, Юй Юндин, Ли Вэй, Тянь Чжунцин, Чжоу Цзэхун, Ма Цзяньтан, Ян Чжэнвэй и другие. Цзянь Жуйпин, Фэн Вэй, Ян Дунлян в своих работах исследовали экономическую систему Японии и проблемы её структурной реформы.

Экономическая реформа кабинетов Дз.Коидзуми освещалась в работах Хэ Юймина, Чжан Цзуго, Чжан Цзифэна и др. В частности, вопросы приватизации японской почты стали темой работ Фань Чуня, Пэй Гуйфэня, Фань Юньмина, Фэн Чжаокуэйя, Ван Дэсюня.

Японской налоговой системе и фискальной политике посвящены труды Юй Юндина, Ли Вэя, Пан Дэляна, Се Шэнфэна, Юань Инхуа, Цуй Цзинхуа, Чжоу Юйхуна, Сунь Шихэ.и др.

Японская система предпринимательства и системы корпоративного управления – тема исследований Чжоу Цзяня, Ван Тао, Сюэ Шунли, Ван Ли, Ван Вэя, Дун Вэя, Хоу Хуйина, Лю Су, Сун Ли, Гао Юя, Чи Цзиня, У Хао, У Цзяньбиня.

Среди самых последних, интересных работ можно указать такие.

Лю Жуэй. «Финансовая политика Японии в условиях финансового кризиса. Трудности и вызовы». 2010, 285 с. [кит. Цзиньжун вэйцзи ся дэ жибэнь цзинжун чжэнцэ. Куньцзин юй тяочжань].

Ин Сяоян. «Энергетическая политика Японии после войны». 2010. [кит. Чжаньхоу жибэнь нэньюань чженцэ].

Бай Имин. «Целевые японские консорциумы: открытие конкурентов и примеры для Китая». Пекин, 2010 г., 370 с. [кит. Мяочжун жибэнь цайтуань: фасянь чжунго дэ дуйшоу юй баньянь].

Сун Минь. «Эволюция и современное состояние системы развития сельского хозяйства Японии». Пекин, 2009 г., 238 с. [Жибэнь нунье туйгуан тиси дэ яньбянь юй сяньчжуан].

Китайские исследователи пишут, что после некоторого оживления в 2002 г. японская экономика, начиная с 2007 г., снова впала в стагнацию. Среди причин затянувшейся стагнации китайские исследователи выделяют: опоздание со структурными реформами, неэффективный рынок капиталов в стране, нечёткое определение экономических целей, протекционизм и закрытость в предпринимательской среде, ограниченность традиционной модели менеджмента, ряд других проблем. В анализе причин трудностей японской экономики не редок тезис, что «Япония приближалась к экономической модели США вместо того, чтобы искать новый путь». Дополнительные вызовы японской экономике бросают и факторы международного порядка – удорожание нефти и ресурсов на мировом рынке, спад в американской экономике. К этому добавился мировой финансовый кризис.

Исследователи также отмечают, что развитие китайской экономики оказывает всё большее влияние на японскую экономику, поддерживая её рост. Но при этом, в китайско-японских торговых отношениях нарастают трения. В самое последнее время в центре внимания оказалась проблема качества и безопасности продовольствия из Китая. В Японии нарастают протекционистские настроения. Много и других проблем в экономическом сотрудничестве двух стран.

Китайские исследователи уделяют внимание и изучению *истории Японии*.

За период 1949 г. по 1996 г. в КНР вышло пять версий обобщающих «историй Японии», в последовавшие годы (1997-2007 гг.) вышло ещё восемь версий истории Японии.

В КНР изданы общие труды по истории Японии - Лю Цзяньцяня, Ван Синьшена, Ван Баотяня, Ван Сюэсуна и др.

Древнюю историю Японии исследуют Ван Цзиньлинь, Чжоу Илян, Чжу Цяньчжи, Шэнь Жэнъань, Ли Сяобай, Ли Чжо и др. При этом уделяется особое внимание истории религий и общественной мысли.

Новая и современная история Японии представлена в работах Чэнь Шуйфэна, Ляо Дасы, Чжан Сяншаня, Юй Синьтуня, Ми Цинъюя, Лю Шилуна, Ван Цзяхуа, Лю Цзиньцая, Ким Гучуня, Ли Юя, Тан Чжуннаня, Линь Чжэня.

Но нынешнее состояние исторических исследований не вполне устраивает китайских специалистов. Среди главных задач и проблем – нужно найти свою, «китайскую» точку зрения на японскую проблематику, выработать свои критерии и характеристики, а не просто пересказывать мнения, идеи иностранных учёных. Во-вторых, необходимо интегрировать всё разнообразие исследований и тем в единую картину, чтобы знание было не набором частных, а целостным пониманием происходящего. Третье, требуется увязать фундаментальные и прикладные исследования друг с другом. Четвёртое, даже язык науки представляет собой проблему: критики призывают историков «писать на нашем точном и беглом китайском языке, нежели копировать японские слова или использовать так наз. «диалект Маньчжоу-го», т.е. имеются проблемы с научной терминологией, засильем варваризмов японского происхождения, что неизбежно при неразвитости своих концептуальных подходов.

Специфической чертой китайского японоведения последнего десятилетия стало растущее внимание к *культурологической проблематике*, стремление понять мировоззренческие, психологические, культурные истоки социо-политического поведения японцев.

В центре внимания – разнообразная проблематика. Популярны «теории японской культуры и теории японца» – исследования образцов поведения и мышления японцев в бихевиористском стиле. Много внимания уделяется исследованиям истории японской мысли и религий. Активный подъём переживают исследования японской массовой культуры. Интересны, оригинальны сравнительные исследования культуры Китая и Японии (внимание акцентируется на сопоставлении семейных институтов). Всё шире внедряются социологические исследования японского общества и его общественных проблем.

Среди самых последних работ, достойных внимания:

Цзи Тинсюй. «Современное японское общество и течения общественной мысли». Пекин, 2007 г., 490 с. [*кит.* Сяньдай жибэнь шэхуй юй шэхуй сычао]. Автор изучает такие направления общественной мысли как национализм, пацифизм, позитивизм, консерватизм, великодержавное мышление и др.

Ван Лижун. «Сравнительный анализ этического образования современных Китая и Японии», Гуанчжоу, 2007 г., 254 с. [*кит.* Дандай чжунжи диодэ цзяоюй бицзяо яньцзю].

Янь Дэсюэ. «Путь воина. Японская стратегическая культура и военные тенденции», Пекин, 2006 г., 276 с. [*кит.* Уши чжи лу. Жибэнь чжэнлюэ вэньхуа цзи цзюньши цзоусян]. Исследование традиций японского милитаризма с древности до современности.

Хуан Чжилян. «Поиск Японии: внутренняя и внешняя политика и китайско-японские отношения в 21-м веке». Шанхай, 2003

г., 806 с. [*кит.* Хуньчжао жибэнь: 21 шицзи жибэнь нэйчжен вайцзяюй чжунжи гуанси таньсо]. Китайский автор, проработавший много лет профессором университета в США, публикует серию своих статей о Японии, опубликованных в период 1980-2000-х гг.

«Международные взгляды китайского общества», Пекин, 2009 г., 200 с. [*кит.* Чжунго дэ миньчжун дэ гоцзигуань]. Специальная глава книги написана на основе социологического обследования и посвящена тому, как китайцы психологически воспринимают Японию.

Ли Вэнь. «Распространённость и влияние японской культуры в Китае. 1972-2002 гг.», Пекин, 2004 г., 349 с. [*кит.* Жибэнь вэньхуа цзай чжунго дэ чуаньбянь юй инсян 1972-2002]. Масштабное исследование распространения японской культуры в Китае (в том числе, отношение Дэн Сяопина к японской культуре, вопросы обмена студентами, заимствование технологий и т.п.).

Китайские культурологи исходят из убеждения, что без понимания национальной культуры, без понимания этнического и гражданского характера японцев не возможно глубокое проникновение в их историю и социальное поведение, в конечном счёте, невозможно и взаимопонимание народов.

Китайские авторы выделяют такие базовые особенности японского менталитета, ярко выраженные в различных доктринах националистического характера, как традиционная психология коллективизма, «деревенскость», этническая культура. По их справедливому мнению, «модернизация» Японии, формирование современного буржуазного общества не являлась простым заимствованием западных внешних форм культуры и жизни, так наз. «вестернизацией». Япония приспособливала зарубежную культуру к традициям и задачам японского общества, она прививала на ствол национальной культуры продуманно отобранные западные институты,

и, прежде всего, западное рационалистическое мышление и научное знание.

Создаются в Китае и *обобщающие японоведческие труды*, они становятся со временем всё более интересными, оригинальными, информативными.

Есть работы справочно-энциклопедического типа. Так, к примеру, ещё в 1994 г. вышла «Краткая энциклопедия Японии», Пекин, 1994 г., 693 с. [*кит.* Цзяньмин жибэнь байкэ цюаньшу]. Материалы носили во многом ещё просто переводной характер.

А в последние годы Институт Японии Академии общественных наук начал выпускать ежегодники «Доклад о развитии Японии. Голубая книга Японии», 2009 г. – 483 с., 2010 г. – 417 с., 2011 г. [*Жибэнь фачжан баогао. Жибэнь ланпи шу*]. Ежегодники оперативно дают всестороннюю картину развития страны за самый последний период, статьи написаны на высоком научном уровне.

Также, публикуются многотомные серии работ, тематические подборки трудов. Например, Академией общественных наук выпущена «Центральная библиотека изучения истории Китая и Японии». Нанкайский университет издаёт «Нанкайскую серию японских исследований», уже вышло 37 томов, издание продолжается.

Своеобразным индикатором зрелости, высокого уровня исследовательской работы является наличие *историографических, науковедческих исследований*.

Обширную, подробную информацию о китайском японоведении можно найти в книге: Ли Юй и др. «Указатель трудов китайского японоведения. 1949-1988 гг.», Пекин, Б.Г., 557с. [*кит.* Чжунго жибэнь сюэ луньчжу соинь]. Это подробная библиография китайского японоведения, сгруппированная по отраслям знания и обеспеченная указателями, содержит свыше 20 тысяч статей.

Более современен указатель организаций и специалистов, занимающихся в Китае изучением Японии: «Исследования Японии в Китае». – Пекин, 1997 г., 563 с. [Чжунго дэ жибэнь яньцзю].

Есть среди них и аналитические работы. Например: Янь Шаодан. «Записки об истории японской синологии», Пекин, 2009 г., 613 с. [Жибэнь чжунгосюэ ши гао]. Рассказ о японской синологии с древнейших времён до 1985 г.

С настоящим днём китайского японоведения можно ознакомиться на страницах журнала «Вестник японоведения» [Жибэнь сюэкань], издаваемого Институтом Японии Академии общественных наук КНР. Он ежегодно публикует статью о достижениях и задачах китайских учёных в этой области. Иногда выходят обширные подборки материалов научных конференций по японоведению.

Нельзя обойти вниманием появившийся совсем недавно «Обзор японских исследований в Китае», подготовленный Институтом Японии Академии общественных наук, Китайской ассоциацией японоведения, Нанкайским университетом при финансовой поддержке Японского фонда. Это масштабный анализ и описание состояния и тенденций китайского японоведения в период 1997-2007 годах.

Всё сказанное позволяет сформулировать некоторые итоги.

В предшествующий период (1970-х – 1980-х гг.) китайские исследования и публикации о Японии, хотя и демонстрировали растущую численность, но по качеству оставляли большой простор для совершенствования. Как правило, тематика была достаточно узкой – проблематика из сферы китайско-японских отношений и история «революции Мэйдзи». Изобиловали переводные работы по политике и экономике – с японского, английского и других западно-европейских языков, при этом переводы выполнялись не всегда

качественно, содержали много ошибок и нелепостей. Идеино-теоретический уровень был не свободен от схоластических примитивистских установок, господствовавших в прежний период, не редки были и различные методологические изъяны.

Но в рассматриваемый период ситуация заметно изменилась – китайское японоведение набирает зрелость, обретает самостоятельность и силу.

Прежде всего, бросается в глаза значительное расширение исследовательской тематики, теперь исследователи охватывают и проблемы стратегии и многосторонней дипломатии, также, внутренней политики страны, вопросы военного дела и военной истории, появились социологические исследования, вышло множество работ культурологического характера, и даже вопросы языкознания, проблемы общественной идеологии и историографии, в сферу их внимания теперь входят и научно-техническое развитие Японии, экономическая глобализация и регионализация страны и т.д. – всё теперь стало полем исследований китайских японоведов.

Возрастает идейно-теоретический уровень, расширяется мировоззренческий кругозор китайских учёных, и как следствие, их работы демонстрируют новую глубину понимания. Если раньше их исследования отличались плоским, так сказать, «монохромным» видением вопросов, то теперь они дают объективный анализ развития общества, экономики, государства, анализируют их противоречия и историческую трансформацию, развивается и прогнозирование развития страны.

Обогащается методологический инструментарий их исследований. Они практикуют и работу с документами, и анализ статистики, даже проводят социологические опросы по проблемам, связанным с Японией.

Вместе с тем, несмотря на бесспорные достижения, сохраняется и ряд проблем, касающихся качества работы китайских учёных. Как пишет на страницах «Вестника японоведения» китайский автор Сунь Синь, наблюдается некоторая рассогласованность в среде учёных. Во-первых, прикладные политические исследования не всегда тесно увязываются с фундаментальными теоретическими исследованиями, положениями. Также, фундаментальные теоретические подходы в свою очередь не всегда скореллированы с исследованиями современной политики. Сохраняется некоторая дистанция между тем, что создают учёные-японоведы, и тем, что вправе ожидать от них китайское государство и общество. И, во-вторых, автор Сунь Синь призывает китайских учёных строже держаться в своих работах принципов исторического материализма, а не «следовать чужим словам»: надо иметь собственный взгляд на явления японской политики, экономики, культуры, повышать свой теоретический уровень осмысления социальных исторических процессов¹.

Несмотря на отмеченные проблемы, очевидно, что на сегодняшний день японоведение в КНР, и в организационно-кадровом, и в информационно-аналитическом плане превратилось в серьёзную научную и общественную силу в рядах китайской науки, и вышло на своём научном участке на передовые позиции в мире, оно способно решать задачи, которые ставит перед ними общество и государство.

Японоведение Тайваня и Гонконга (после 1949 года)

Частью китайского исторического и культурного мира является и японоведение Тайваня и Гонконга. В силу своеобразия исторического пути этих китайских территорий японоведение здесь развивалось особым, отличным от континентального путём.

---

¹ Сунь Синь. Японоведческие исследования в Китае со времени начала реформ. – Жибэнь сюэкань. 2009. №3. с.145-151. [кит.: Кайгэ кайфан илай чжунго дэ жибэнь яньцзю].

После неудачной для Китая японо-китайской войны 1894-95 гг. и подписания неравноправного Симоносэцкого мирного договора Тайвань был отторгнут от Китая и превращён в японскую колонию. Население Тайваня получило японское подданство, и как таковое было обязано владеть японским языком – читать, писать, говорить на нём. В этот период большая часть тайваньского населения смогла успешно усвоить японский язык. Множество студентов проходили обучение в Японии. Значительное число японских литературных произведений переводилось на китайский язык. Библиотеки заполнялись японской литературой. И по сей день старшее поколение тайваньцев в сравнительно массовом порядке владеет японским языком, в стране работают специализированные магазины литературы на японском языке.

После прихода в 1949 г. на Тайвань гоминдановской армии в качестве государственного языка был введен китайский диалект «мандарин». В отношении японского языка была принята деколонизаторская политика: японский был изгнан из программ ВУЗов, изучение японского языка в общенациональном масштабе фактически на 20 лет оказалось под табу. Только в Национальном Тайваньском университете на факультете иностранных языков существовал курс японского языка как второго иностранного (после английского). Политологические исследования Японии в условиях авторитарного гоминдановского режима также не развивались вплоть до 70-х годов.

После долгого перерыва японский язык с санкции министерства образования постепенно возвращался в программы изучения. Так, в 1963 году при Университете китайской культуры был открыт факультет японского языка. Аналогичные факультеты открыты в 1966 г. при Университете Тамканг, в Католическом университете Фу Цзэн в 1969 г., в Университете Сучхоу – в 1971 г.

В 1972 году, когда Япония и Китайская народная республика нормализовали дипломатические отношения, последовал разрыв отношений Японии и Тайваня на 18 лет.

Но и в последовавший период японоведение на Тайване понемногу расширяло свои позиции.

В 1989 г. было открыто отделение японского языка на факультете Восточных языков Национального университета Ченгчи. Факультет японского языка открылся при Национальном Тайваньском университете. В Университете китайской культуры функционирует Институт Японии, здесь преподают экономику, политику, культуру Японии, издаётся журнал «Культура Китая и Японии».

Как правило, на востоковедных и языковых факультетах этих университетов изучаются язык, литература Японии. Историю Японии, её политику и международные отношения преподают в программах исторических факультетов.

Существуют и союзы научных работников, посвятивших себя японоведению. В 1979 г. в Тайбее была основана Ассоциация японских исследований, ассоциация издаёт ежегодник «Вестник японоведения» [яп. Нихонгаку-хо]. В 1989 г. учреждено Тайваньское общество исследований японского языка. На Тайване функционирует «Академия Синика», в её структуре института японоведения нет, но отдельные исследователи занимаются изучением Японии под крышей Института истории и Института экономики.

Преобладающая тематика японоведческих исследований на Тайване – язык, литература, экономика.

В стране выходят несколько журналов, специально посвящённых Японии, – «История японской литературы» [яп. нихон бунгакуси], «Обзор японской литературы» [яп. нихон бунгаку гайрон].

Есть ряд своих оригинальных исторических исследований. Юй Юйяо – «История Японии» [яп. Нихон-си] -1956 г. Ли Юнчхи –

«История Японии» [яп.Нихон-си] -1975 г. Чен Сюэчиа – «История Японии» [яп.Нихон-си]- 1979 г. Тао Ченцан – «Основы истории Японии» [яп. Нихонси-ко]. Лин Минте - «История китайско-японских отношений в новое время» [яп. Киндай тюнити канкэй си].

Современные исследования политики и культуры Японии концентрируются в Университете Тамканг и Университете китайской культуры¹.

В стране выполнен ряд переводов с японского языка. На Тайване широко известно имя Ли Юнчхи, профессора исторического ф-та Национального Тайваньского университета, осуществившего перевод ряда исторических трудов с японского языка.

В последние два десятилетия постепенно налаживается сотрудничество японоведов КНР и Тайваня, тайваньские учёные участвуют в крупных научных проектах континентальной науки.

Но, в общем, тайваньское научное японоведение имеет недолгую историю – 20-30 лет. По масштабам исследований оно многократно уступает континентальному Китаю. При этом своеобразие ситуации заключается в том, что в стране довольно популярен японский язык.

Изучение Японии в городе-государстве Гонконг (Сянган) в период после второй мировой войны и провозглашения КНР, также, развивалось самостоятельным путём, хотя при этом основные этапы, периоды были более-менее «параллельны» происходившему в континентальном Китае.

Первый этап приходится на период 50-х – 60-х годов. В этот период японоведение Гонконга было представлено несколькими именами эмигрантов из континентального Китая. Фактически это были политические эмигранты, продолжавшие традиции

---

¹ Chen Gerald. International Studies in Taiwan today: a preliminary survey of the Problems and Prospects. - www.victoria.ac.nz/slc/asi/publications/1-3international-studies-in-taiwan-today.pdf

императорского и гоминдановского Китая. Среди них был Вэй Тиншен (1890–1977 гг.), до 1949 г. он являлся профессором Фуданьского университета в Шанхае и членом законодательного совета в так наз. «Нанкинском национальном правительстве». В 1949 г. учёный эмигрировал в Гонконг, где работал в частном учебном заведении Новом азиатском колледже, являвшемся академией неоконфуцианского мировоззрения. Взглядам Вэя были характерны приверженность традиционной китайской учёности, демонстративные антияпонские эмоции, сильные антикоммунистические настроения. Ему принадлежит смелая «теория», что-де легендарный культурный герой древнего Китая Сюй Фу отправился в Японию, где под именем императора Дзимму стал основателем японского государства¹.

Ещё один учёный авторитет того периода – Цзо Шуньшен, бывший министр сельского хозяйства Нанкинского правительства, он также преподавал в Новом азиатском колледже. Ему принадлежит монография «Очерк истории китайско-японских отношений в новое время», Пекин, 1935 г.

Важную роль сыграл в науке Гонконга и учёный Цянь Му, основатель Нового Азиатского колледжа. Он придерживался антияпонских настроений, но, тем не менее, серьёзно поспособствовал направлению китайских студентов на учёбу в Японию. В его колледже было подготовлено новое поколение японоведов Гонконга.

Второе поколение японоведов Гонконга представлено именами Там Юэ-хим, Лам Кай-инь, Чоу Кай-вин, Линкольн Ли и других. Их вступление на научную арену приходится на 70-е – 80-е годы.

Они создали ряд трудов по истории китайско-японских отношений. Эта генерация учёных уделяет глубокое внимание проблемам культурных связей с Японией. Они переводят множество

---

¹ Ng Wai-ming. Sino-Japanese Studies in Hong Kong: History. Characteristics and Problems. <http://chinajapan.org/articles/17/3>

работ с японского языка. Среди работ этого периода наиболее интересен двухтомный библиографический справочник, подготовленный Там Юэ-хим: «Полный справочник переводов японских книг на китайский язык» (1980 г.) и «Полный справочник переводов китайских книг на японский язык» (1981 г.), изданы Китайским университетом Гонконга. В эти же годы в Гонконге прошло две международных научных конференции, посвящённые изучению Японии. В 1979 г. при Китайском университете Гонконга состоялся Международный симпозиум по китайско-японскому культурному обмену, в котором участвовало 56 учёных из разных стран мира. В 1985 г. при Университете Гонконга прошла международная конференция по истории средних веков в Восточной Азии.

Этому поколению учёных характерно отсутствие сильных антияпонских настроений. Также, в отличие от предшественников, они установили контакты с коллегами в КНР, посещали научные мероприятия в Пекине и Северо-восточном Китае. Развивают широкие международные научные связи.

В 90-е – 00-е годы японоведение Гонконга приобретает черты зрелости. Выросло количество исследователей. Обогатились их связи с зарубежными коллегами – в Японии, Китае, США и России. Резко расширилась тематика исследований, сложился широкий спектр японоведческих исследований. В их выступлениях присутствует сильное ощущение своей гонконгской самости.

В науку входят новые имена. Нго Вай-мин, Ли Пуй-так, Лим Чхуан-тион. Нго изучает идеологию и культуру эпохи Токугава, Ли Пуй-так специализируется на экономических отношениях Китая и Гонконга с Японией, Лим занимается изучением китайско-японских отношений в международном контексте.

Появились новые темы исследований. Тема Гонконг под японской оккупацией получила освещение в работах Кван Лай-хунга и Чен По-хунга, Чеунг Вай-чуня, Лю Чи-пана, Чоу Ка-кена. Чан Чам-и посвятил свой научный интерес теме отношениям Гонконга и Японии в довоенный период. Популярна исследовательская тема – влияние Японии на развитие культуры Гонконга в послевоенный период – эту тему изучают Вонг Диксон и Накано Ёсико, Яу Кинния, Нго Вай-мин.

Расширяются международные связи учёных Гонконга. В июне 2008 г. на факультете японоведения в Университете Гонконга была проведена международная конференция «Симпозиум исследований китайско-японских отношений, 2008 г.», в котором приняли участие представители США, Канады, Японии, Сингапура, Кореи, КНР.

Начали налаживаться научные связи Гонконга и с российской научной школой. Профессор Университета Гонконга Виктор Тео посещает международные синологические конференции в Москве в Институте Дальнего Востока РАН. Он участвует в научных проектах правительства Гонконга, часто выступает в английской прессе как эксперт по проблемам международных отношений на Дальнем Востоке, читает лекции в Университете Гонконга и Китайском университете Гонконга. При его участии вышел сборник статей, изданный под эгидой университета Гонконга, разносторонне анализирующий дискуссионные моменты в китайско-японских отношениях: «Переосмысливая Разделение. Идентичность, память и национализм в китайско-японских отношениях». Под ред. Джерри Гуна и Виктора Тео. 2010 г.¹.

В целом, японоведение Гонконга эволюционирует в направлении более определённо выраженной гонконгской идентичности. Это обусловлено во многом тем, что основным

---

¹ Reconceptualising the Divide. Identity, Memory, and Nationalism in Sino-Japanese Relations. Ed. By Gerrit Gong and Victor Teo. – Cambridge Scholars Publishing, UK. 2010. 264 p..

заказчиком и благотворителем таких исследований выступает правительство города-государства. Тематика японоведческих исследований менялась на протяжении всего послевоенного периода от приоритетного изучения китайско-японских отношений к приоритетности исследования отношений Гонконг – Япония. При этом, спектр исследований серьёзно обогащался: теперь это не только история двухсторонних дипломатических связей Китая и Японии, но и мульти-дисциплинарные исследования.

Можно предвидеть, что на развитие японоведения Тайваня и Гонконга будет во всё возрастающей степени оказывать влияние развитие их отношений с континентальным Китаем. Наука Гонконга и Тайваня является потенциальным резервом для японоведения континентального Китая. В то же время, их работы могут быть интересны как своеобразный «взгляд со стороны» на китайско-японские отношения.

***

В заключение напрашиваются выводы. Японоведческие знания Китая насчитывают двухтысячелетнюю историю. Китайское японоведение как источник знаний о древней и средневековой Японии имеет уникальное мировое значение. Самыми успешными и плодотворными годами были для него последние десятилетия, начавшиеся вместе с курсом реформ Дэн Сяопина. В Китае сформирована обширная сеть научно-исследовательских учреждений, подготовлены многочисленные и зрелые кадры исследователей и профессуры, исследования ведутся широким по тематике фронтом, их проблематика – современная и актуальная, количество и масштаб исследований – беспрецедентны. Растёт их теоретический и методологический уровень. Хотя сами учёные и их руководство и высказывают пожелания о необходимости постоянно повышать уровень исследований, чтобы их работа ещё более соответствовала

требованиям Коммунистической партии Китая и правительства, ожиданиям народа, тем не менее, японоведческие исследования Китая уже сегодня достигли высоких результатов, которыми можно гордиться. Наука КНР должна рассматриваться сегодня как один из мировых лидеров в этой области исследований. Потенциальным резервом континентального японоведения являются и японоведческие школы Тайваня, Гонконга. Результаты, успехи китайских учёных представляют интерес для учёных-японоведов и обществоведов как в Китае, так и на широкой мировой арене.

2012 г.

**Российская историческая наука помнит
о военных преступлениях Японии.**

**Доклад 1 сентября 2014 г. на международной научной конференции в
Пекине, организованной Академией общественных наук КНР,
посвящённой публикации материалов архива провинции Цзилинь о
японской интервенции в Китае**

Уважаемые участники конференции,
Дамы и господа!

Наша конференция начинает свою работу накануне большой исторической даты: по решению Всекитайского собрания народных представителей, 3 сентября – это День, когда китайский народ отмечает Великую победу в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и во Второй мировой войне

Это историческое событие отмечается не только в Китае, но и в других странах мира. В частности, в Советском союзе, а теперь в России, – согласно указу Верховного Совета СССР от 1945 года, день 3 сентября считается Праздником победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне. 3 сентября – дата нашей общей победы, победы союзников в войне против японского фашизма и милитаризма.

Эта Победа имела огромное всемирно-историческое значение. Она принесла множеству народов на огромных пространствах земного шара мир и безопасность, свободу, национальную независимость и суверенитет. Причём, свободу и мир получили не только державы-победители, но и множество других народов, включая и сам японский народ.

Благодаря этой Победе японский народ также освободился от господства японской военщины и фашизма, от бесконечных войн, и

получил шанс построить демократическую, мирную, процветающую страну, уважаемую в мировом сообществе.

Однако, сегодня, мы видим, что в послевоенной Японии есть индивиды и политические группы, которые хотели бы разрушить достижения послевоенного порядка, перечеркнуть победу 1945 года. Они уже забыли уроки прошлого. Они стремятся дать ложное истолкование исторических событий. Подобные силы обладают большим влиянием на японской политической сцене, они имеют и влиятельную поддержку за рубежом.

Причём, по моим личным наблюдениям, здесь позиция Японии несколько отличается от других стран. Когда читаешь некоторые исторические труды современных японских авторов, то видишь, что некоторые из современных историков и политиков считают так: «Да, мы потерпели военное поражение, потому что союзники превосходили нас силой. Но цели нашей войны были справедливыми, это была так наз. «столетняя война за строительство сферы сопроцветания под руководством Японии». Т.е. эти авторы не раскаиваются в преступлениях японской империи. Этот образ мысли, идеология и политика подобных авторов – реваншизм – часто проявляют себя в современной Японии.

Как Вы знаете, Япония создала и развивает шаг за шагом свои вооружённые силы, хотя её Конституция запрещает это. Япония готовится в следующем году пересмотреть свою Конституцию и положить конец запрету на милитаризацию страны. Кабинет министров принял решение о применении своей армии, так называемых "сил самообороны", за рубежом страны, на мировой арене в рамках так наз. "коллективной защиты", что означает участие в милитаристских акциях далеко от границ Японии. Россию беспокоит и то, что Япония имеет территориальные претензии, споры о границах с Россией и со всеми другими своими соседями. Стало плохой

традицией, что государственные руководители Японии посещают храм Ясукуни и оказывают почести памяти бывших военных преступников класса А. Очевидно, что современные японские лидеры забывают уроки истории, новое поколение японцев не знает всей правды о преступлениях японского милитаризма. Вот почему задача современных историков – изучать и помнить прошлое, рассказывать правду о Второй мировой войне новым поколениям людей.

Поэтому труд китайских учёных, опубликовавших материалы архива провинции Цзилинь, которые раскрывают историю преступлений японского милитаризма и героической войны Сопrotивления китайского народа, – это крупный вклад учёных в восстановление исторической правды. Их труд имеет выдающееся международное значение.

Несколько дней назад мы узнали, что 15-го августа этого года Администрация государственного архива Китая начала публикацию документов и видео-материалов, показывающих агрессию и поражение Японии в 1930-40-х годах. Мы, российские историки, уверены, что эти публикации имеют высокую научную ценность, мы приветствуем подобные публикации.

С российской стороны, я могу заявить, наши учёные также уделяют серьёзное внимание изучению и информированию общества о вопросах, связанных с военными преступлениями японского милитаризма, страданиях и жертвах, героических подвигах народов.

Разумеется, российские историки уделяют основное внимание истории нашей страны, истории нашей борьбы с японским империализмом и милитаризмом. У нас выходит много книг, статей о славных победах Советской армии и флота на территориях Маньчжурии и на морском пространстве в августе 1945 года. Эти операции закончились разгромом Квантунской армии Японии и

ускорили окончательную победу стран-союзников над японской империей.

Вместе с тем, у нас помнят и о многолетней, героической борьбе китайского народа и других народов в войне против империалистической Японии, об огромных потерях, жертвах китайского народа.

Как пример я назову Международную научную конференцию на тему «Проблемы современной международной законности и уроки токийского и хабаровского процессов», конференция была организована в Москве Институтом военной истории в ноябре 2008 года. В ней принимали участие не только современные учёные-историки, но и живые участники судебных процессов в Токио и Хабаровске над главными японскими военными преступниками, а также, участники боёв против японских милитаристов.

По результатам конференции были изданы материалы – документы судебных процессов, воспоминания участников процессов, различная аналитика.

На конференции приводились материалы, показавшие, сколь велики и ужасны были преступления японского милитаризма против китайского и других народов.

Как известно, Токийский судебный процесс над главными японскими военными преступниками проходил с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Он длился в 2 раза дольше Нюрнбергского процесса над немецкими военными преступниками.

Война, которую вела Япония в Азии и на Тихом океане, принесла народам огромные разрушения, страдания, жертвы. В Китае погибло около 10 млн. человек, а общее количество пострадавших в Китае достигло 35 миллионов. В Индонезии – погибло 2 млн. человек, на Филиппинах – 1 млн. 100 тысяч.

В трагедии войны оказался вовлечён и сам японский народ. Япония потеряла 2,5 млн. убитых в годы войны. Японский народ первым в мире испытал ужас атомных бомбардировок – городов Хиросима и Нагасаки.

Трагедией мирового масштаба, значения стала так наз. «Нанкинская резня» – массовые убийства и насилия, совершённые японскими войсками в Нанкине в декабре 1937 года, когда было убито около 300 тысяч лиц гражданского населения, убито особо жестокими, садистскими методами. 13 декабря всегда будет днём скорби и памяти китайского и других народов мира о жертвах, об этих преступлениях японского фашизма и милитаризма.

На международной научной конференции в Москве прозвучали и сведения о наиболее страшных преступлениях Японии в годы второй мировой войны – о бесчеловечных опытах на людях, которые практиковались для разработки бактериологического оружия и ведения бактериологической войны. Об этих преступлениях было впервые упомянуто на Токийском процессе в 1948 году. Но позднее в декабре 1949 года в СССР в Хабаровске состоялся ещё один судебный процесс над японскими военными преступниками. Он был целиком посвящён разоблачению варварских опытов японских военных преступников над людьми. Такие опыты проводил в Нанкине японский отряд под названием «Тама», такие же опыты проводил и «отряд №731» в Маньчжурии. Японцы разрабатывали бактериологическое оружие. А материалом для своих опытов использовали живых людей, местных жителей и военнопленных, их даже называли не людьми, а «брёвнами» (марута). Среди них были китайцы, монголы, русские, были и военнопленные американцы, австралийцы.

Таким образом, международная научная конференция 2008 года в Москве напомнила об этих событиях в Китае народу России, чтобы

наш народ помнил о чудовищных преступлениях японских милитаристов в годы Второй мировой войны против мира и человечности.

Поэтому российские историки считают, что решения ВСНП КНР о Праздновании Дня победы китайского народа в войне Сопrotивления и Второй мировой войне – очень мудрое, справедливое, своевременное решение. Человечество должно знать и помнить историю.

Большая ответственность в сохранении и приумножении исторической памяти лежит на учёных-историках.

Хотя в Китае, и в России для выполнения этой задачи многое делается и уже сделано, вместе с тем, ещё не все возможности использованы. Существует большой простор для исследовательской и просветительской работы об истории Второй мировой войны.

К примеру, в Москве существует Государственный Центральный музей современной истории России. Это один из главных исторических музеев нашей страны. Мне довелось когда-то ранее работать в его фондах, изучать материалы. И я обнаружил там материалы по истории Китая (фотографии, листовки, документы). Это бывший фонд Коммунистического Интернационала. Когда Коминтерн был распущен в 1943 году, его архив по истории революционного движения в Китае и войне сопротивления японской агрессии был передан в этот музей. Там есть и подлинные материалы, фотографии, касающиеся Нанкинской резни. Но, к сожалению, эти редкие и ценные, подлинные документы, материалы практически не используются: они не изданы в виде каталога, их нет на выставках, о них не знают широкие круги учёных и общественности. Причины? – В музее нет сотрудников, владеющих китайским языком. И возникают большие трудности прочитать эти документы, объяснить их, классифицировать.

Думается, что здесь есть серьёзные возможности для сотрудничества российских и китайских учёных, между исследовательскими институтами, музеями, архивами наших стран. Если бы китайские учёные могли бы приехать в Москву и поработать над материалами по китайской истории, они помогли бы нам лучше изучить, освещать важные события истории Китая.

Со своей стороны, и российская историческая наука могла бы помочь китайским историкам. Я посетил, к примеру, в Пекине Музей военной истории. Смотрел экспозицию, посвящённую борьбе китайского народа за освобождение Китая от японских захватчиков. И я понял, что в этом Музее очень мало информации, документов, материалов о роли Советской армии в разгроме японского милитаризма на Дальнем Востоке. Я подумал, что российские учёные и музеи могли бы помочь китайским учёным собрать документы и более подробно показать в музейной экспозиции историю сотрудничества народов России и Китая в борьбе с японским милитаризмом.

В годы войны наши народы - России и Китая - боролись против общего противника, против милитаризма и фашизма. И я верю, что учёные и сегодня могли бы работать вместе, чтобы сохранить историческую память об этой славной истории и нашей общей Победе.

В заключение, скажем, что знание правды об истории помогает народам хранить и защищать мир, дружбу, международное сотрудничество. Забвение истории ведёт к конфликтам и повторению прошлых ошибок.

俄罗斯历史牢记日本军国主义的罪行

俄罗斯科学院, 远东研究所, N·V·阿尼西姆采夫

1945 年 9 月 3 日是中国人民抗日战争胜利的日子, 也是第二次世界大战所有反法西斯民族的胜利。二战胜利 69 周年时, 中国学者公

布了吉林省档案材料，材料披露了日本军国主义对中国人民所犯下的罪行，人民伤亡和抗日英雄事迹。这些档案材料的出版是中国学者为恢复历史真相所作出的重大贡献，具有重要的国际意义。

众所周知，日本有学者和政治家并不承认日本军国主义所犯下的罪行。有些日本政治家虽然承认军国主义和法西斯主义的战争破坏，但是，他们美化发动战争的意图、方式，否认战争罪行。这种极端错误的世界观不可避免地导致日本与周边国家产生领土争端问题，并推动它走上维护国家安全的邪路。他们通过篡改历史企图为其政治上的错误认识在历史范畴内找到根据。

中国学者的著作起到了恢复历史真相的作用。俄罗斯历史学家对吉林省学者揭秘历史真相的著作高度评价。

俄罗斯也在不断提醒当代人们，不要忘记 1945 年战胜日本军国主义的伟大卫国战争的胜利，出版了许多关于此方面的书籍。特别值得一提的是，2008 年召开了题为《当代国际法与东京、哈巴罗夫审判教训》国际会议，会上展示了大量新、老关于日本战犯在东京（1946-1948 年）、哈巴罗夫（1949 年）审判过程中的材料。

与会者讲述了日本是怎样发动及推动对华和对东亚其它国家的战争，日本是如何与希特勒法西斯合作对苏联进行军事挑衅，以及背信弃义攻击美国。会上还展示了日本侵略者对中国人民犯下的各种令人发指的罪行资料。八年抗战中中国有 3500 万人受难。人类不应忘记 1937 年 12 月日本对中国犯下的滔天罪行—南京大屠杀，近 30 万中国人被屠杀。会议上还展示了关于在南京的日本部队《TAMA》和在满洲里的《731》部队令人发指罪行的详细庭审材料。《731》日军部队在活的中国人身上培育生化武器，其中也包括蒙古人、俄罗斯人、美国人和澳大利亚战俘。

应该承认，当代学者还未能对全部历史真相进行揭示。在俄罗斯、中国仍有许多资料，历史文件未被使用，以进一步披露在二战中

各国人民的伤亡和贡献。中俄两国学者应该进行合作，对尘封在档案馆和博物馆的未被利用的资料进行研究和宣传。这项工作所取得的成就也将是展现全部历史真相的重要保证。

各国学者合作研究以恢复历史真相，有利于加强日本与其邻国的相互理解和地区的和平。吉林省档案馆公布的档案资料为解决这项科研和政治任务作出有价值的和宝贵的贡献。

*Anisimtsev N.V. (Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences. Moscow).*

Historical science of Russia remembers of Japan`s war-time crimes

September 3, 1945 is the day of the great Victory of Chinese people in the war of Resistance against Japanese invasion, the Day of the victory of all peoples of the anti-fascists coalition in World War II. By the 69th anniversary of the great victory of Chinese people, Chinese scientists have published research materials from the archives of the Jilin province, which reveal the history of the crimes, committed by Japanese militarism against the people of China, as well as they reveal sacrifices and heroic deeds of the people during war of Resistance. This research work is a great contribution of Chinese scientists to the exploration and restoration of historical truth. Their work is of outstanding international scientific and political significance.

Because, in modern Japan there are scientists and politicians, who do not want to acknowledge crimes of Japanese militarism. Such politicians, though they acknowledge the fact of the military defeat of Japanese fascism, however, they try to dispute, to deny criminal character, criminal intentions, objectives, methods and means of warfare and policy of Japanese state in the past times. Such a vicious ideological position inevitably results today in territorial disputes with all neighbour-countries of Japan, directs Japan to the wrong way in ensuring national security. That is why those politicians

are trying to find background to the wrong political attitudes in the field of historical science – by means of oblivion and falsification of the past.

Now, the work of Chinese scholars has restored the truth of history. The work of Chinese scientists, who have published materials from the archives of the province of Jilin, no doubt, will be highly appreciated by Russian historians, too.

In Russia scientific community also does a lot of work to remind our contemporaries of the great victory over Japanese militarism. There are being published many books on the subject. In particular, there was in 2008 held an international conference named "Problems of present international law and historical lessons of Tokyo and Khabarovsk Litigations", where there were presented both old and new materials of trials over the main Japanese war criminals in Tokyo (1946-1948) and Khabarovsk (1949).

The participants of the Conference have described how Japan unleashed and waged war against China and other Nations of East Asia, cooperation of Japan with Nazi Germany, their military provocations against the Soviet Union, about treacherous attack on the United States. There were presented undisputable facts unleashing Japanese invasion, robberies, violence and various other crimes against Chinese people. The total number of victims in China for eight years of Japanese aggression had reached 35 million people.

Mankind should not forget the monstrous crimes in December 1937 – the so-called "Nanjing massacre", when Japanese fascists killed about 300 thousands Chinese citizens. The conference also paid due attention to the activities of the Japanese squad "Tama" in Nanjing, unit "731" in Manchuria – these units conducted horrific experiments on human beings with the aim of developing biological weapons. Their victims were mostly citizens of China, but there were Mongols, Russians, American and Australian prisoners of war, too.

However, admittedly, modern scholars have not done yet everything in order to establish the historical truth. There are still many materials, historical documents, which are still not in use neither in Russia, nor in China, and which could tell a lot information about the sacrifices and heroism of our peoples during the war.

I hope, the success in this work – to study and to promote still not used materials in the Archives and Museums collections – might be guaranteed by partnership and cooperation of historians of China and Russia.

Restoration of historical truth, cooperation of scientists of various countries would be a contribution to develop mutual understanding, peace and cooperation between Japan and its neighbors, among the peoples of all countries. And publication of Jilin provincial Archive constitutes valuable contribution to the solution of these scientific and political tasks.

Интервью Центральному телевидению КНР – ССТV

(к документальному фильму «Воспоминание о победе»)

2015. V. 19, московский офис ССТV

Вопрос: В 1945 году Япония практически не приняла безоговорочную капитуляцию, а лишь частично признала поражение в войне. В целях противостояния Китаю и Советскому Союзу в послевоенное время, под покровительством США был полностью сохранен милитаристский блок правительства Японии, а также и императорское правление, бывшее главным виновником развязывания агрессивной войны против азиатских стран. Сейчас Япония пытается перевооружаться и содержит приличную военную силу, по качеству и количеству превышающую необходимость для самообороны. На Ваш взгляд, является ли Япония реальной угрозой, способной подорвать мир и стабильность в регионе?

А.Н.: Действительно! Я позволю себе напомнить уважаемым телезрителям, что всё послевоенное развитие Японии происходит по пути удаления от идеалов и норм, записанных в новой конституции страны, введенной в действие в 1947 году. Это была прогрессивная, мирная Конституция, её статья № 9 провозгласила, что японский народ навечно отказывается от права ведения войны и от создания своих вооружённых сил. Конституция нацеливала японский народ на решительный и полный разрыв с милитаристской преступной внешней политикой японской империи, проводившейся до 1945 года, на строительство цивилизованного мирного государства.

Но уже с конца 1940-х годов, и главным образом после победы социалистической революции в Китае, провозглашения образования КНР в 1949 году, под влиянием США, войска которых оккупировали территорию Японии, в Японии начинается так наз. «обратный курс».

Из тюрем освобождается огромное количество военных преступников, и они снова занимают важные позиции в политике, администрации, бизнесе; снова создаются вооружённые силы страны под именем «Сил самообороны», которые с того времени неуклонно растут и вооружаются, укрепляют свой правовой статус, расширяют сферу своей деятельности за рубежом Японии. И главное, США навязали Японии военно-политический союз, который изначально был направлен против стран социализма – против КНР, Советского союза, этот союз превратил Японию в вассала США, элемент американской военной машины, в самый большой американский «авианосец».

В последние 10-15 лет японская политика демонстрирует всё более сильный и быстрый крен вправо, в направлении радикально-консервативной политики, и прежде всего – милитаризации. Усилия японских консерваторов концентрируются главным образом на задачах пересмотра конституции и наращивании вооружённых сил.

С января 2007 г. в Японии уже официально образовано самостоятельное Министерство обороны, оно более не маскируется под названием «Управления» при канцелярии кабинета. Хотя по конституции Япония не может иметь такое министерство.

В декабре 2012 г. к власти пришёл второй кабинет премьера Абэ Синдзо, который выдвинул лозунг «покончить с послевоенным режимом», т.е. со всеми законодательными и иными ограничениями пацифистского характера. В декабре 2013 года Абэ утвердил 10-летнюю программу национальной обороны, предполагающую увеличение военного бюджета и техническую модернизацию вооружённых сил. Сегодня численность армии – 248 тысяч плюс 56 тысяч резервистов. Военный бюджет Японии уже сегодня составляет около 60 млрд. долларов, это 6-е место в мире.

В июле 2014 года правительство приняло документ, который впервые позволил главе правительства использовать вооружённые

силы страны за рубежом. А несколько дней назад (в середине мая 2015 года) кабинет министров на чрезвычайном заседании одобрил пакет законопроектов, расширяющих использование вооружённых сил за рубежом.

В этих документах содержится и положение о так наз. «коллективной самообороне», что означает, что теперь японские солдаты за рубежом могут не только выполнять функции тыловой поддержки, но и применять оружие, т.е. непосредственно вести боевые действия для поддержки союзника – США. При этом они могут вести военные действия не только в случае нападения на них, но и в «пограничной ситуации», когда, по их мнению, просто есть опасность нападения. Практически это значит, что они могут атаковать первыми. Они более не связаны строго с задачей защитой собственно японской территории, но могут действовать повсеместно по земному шару.

Таким образом, Япония неуклонно и постепенно, тактикой отдельных шагов расширяет свои правовые возможности вести военные действия за рубежом.

Также, в госаппарате Японии принимаются серьёзные меры по засекречиванию военного строительства в стране и военной организации. Видимо, теперь есть что скрывать от японских граждан и мирового сообщества.

Не снижается и уровень военной кооперации с США, Япония остаётся послушным вассалом США. Более того, в последние годы налаживается и расширяется военно-политическое сотрудничество Японии с другими союзниками США – с Австралией и Новой Зеландией.

Не буду утомлять слушателей перечислением подробных фактов. Скажем в целом. На сегодня Япония в нарушение своих пацифистских конституционных обязательств идёт по пути исторического ревизионизма, реваншизма. Она уже обладает мощными

вооружёнными силами. Этих сил пока не достаточно, чтобы бросить прямой вызов державам – членам Совета безопасности ООН, но положение быстро меняется. Экономический и технический потенциал Японии позволяет этой стране очень быстро изменить военный баланс и стать серьёзной военной угрозой для своих соседей и других стран мира. Её политика реваншизма уже сегодня создаёт военное и политическое напряжение в регионе.

Вопрос: В последнее время очевидны попытки Японии переписать итоги Второй мировой войны, отказаться от признания военных преступлений, совершенных японской армией во время войны в отношении Китая, Кореи и других азиатских стран. На Ваш взгляд, в чем причина этого явления и чего Япония хочет добиться этими действиями?

А.Н.: Многие негативные явления и процессы в современной Японии уходят корнями в первые послевоенные годы, когда закладывались основы современной Японии.

Державы-миротворцы, победители во Второй мировой, войне исходили из того, что Японская империя до 1945 года проводила преступную внешнюю политику, она совершала агрессию против других государств, стремилась к порабощению, ограблению, эксплуатации других народов, прежде всего в Восточной Азии.

С целью положить раз и навсегда предел подобной политике державы-победители предъявили Японии в 1945 г. Потсдамскую декларацию с требованием безоговорочной капитуляции, сдачи на милость победителей. Под ней стояли подписи США, Британии, Китая. Чуть позже к её требованиям присоединился Советский Союз. И Япония приняла декларацию и подписала безоговорочную капитуляцию.

Но уже в то время правящие круги Японии прилагали усилия, чтобы, несмотря на проигранную войну, сохранить империю – сохранить абсолютистскую монархию, господство милитаристов, сохранить территориальные колониальные завоевания. А в последующем, когда в будущем возможно сложится более благоприятная для них обстановка, можно будет полностью восстановить империю и продолжить в прежней или новой форме её политику. Эти реакционные реваншистские круги с самого начала пытались представить капитуляцию Японии не как полную и безусловную, а как ординарную, чисто военную капитуляцию.

В чём здесь разница – безоговорочная капитуляция или простая капитуляция? В случае простой, обычной капитуляции сохраняется континуитет государственности, т.е. преемственность. Государство признаёт всего лишь своё военное поражение, но сохраняет свой политический суверенитет и наследует все прежние права. Его прежняя политика признаётся соответствующей нормам международного права и общечеловеческой морали. И как суверенное государство оно ведёт переговоры о мире и заключает мирный договор.

Безоговорочная капитуляция, напротив, означает, что государство прерывает континуитет, преемственность, утрачивает свой политический суверенитет, его политика признана нарушением международного права и морали, преступной. Поэтому державы миротворцы берут власть в свои руки и в одностороннем, императивном, властном порядке, а не договорном, заново устанавливают нормы власти и мира. В этом случае, конечно, ни о каком возрождении японской империи в настоящем или будущем со ссылками на нормы права и традиции и речи быть не могло.

Вот этот правовой нюанс – произошла капитуляция Японии по условиям Потсдамской декларации, т.е. была полной и

безоговорочной, или же она была простой, чисто военной? – и является логическим стержнем, вокруг которого в Японии вращаются многие процессы и явления, политические дискуссии.

Японские консерваторы путём фальсификации фактов истории, ложных толкований их пытаются представить капитуляцию как обычную военную капитуляцию. Они рассуждают примерно так: «Война, которую вела Япония в Китае и в Азии, на Тихом океане, была справедливой, наша политика – была правильной, мы всего лишь потерпели военное поражение из-за разных неблагоприятных обстоятельств и ошибок».

Подобная точка зрения вообще была в Японии массовой вплоть до середины 70-х годов, лишь позже японцы начали прислушиваться к критике со стороны соседних стран. Но и позже в Японии немало профессоров, политиков, чиновников высказывает абсурдные мнения о характере той войны и японской политики. От них можно услышать, что якобы Япония воевала за «освобождение Азии», строительство «сферы процветания», или даже, что Японии была «жертвой» и «оборонялась» от Гоминьдана и Коминтерна, «западного империализма» и т.п.

Но часто подобные взгляды высказываются, пропагандируются не прямо, а завуалировано – через фальсификацию отдельных конкретных эпизодов, фактов истории, через отрицание преступлений японской военщины.

На словах ряд видных японских политиков в 80-е и 90-е и «нолевые» годы осудили агрессивную политику империи. К примеру, в 1993 г. премьер Хосокава признал, что Япония вела агрессивную политику. Наиболее правильные и глубокие слова осуждения японского империализма и его политики были сказаны в 1995 году премьером-социалистом Мураяма. Но насколько это было покаянием японского народа в целом, а не отдельных личностей? – не понятно.

Наряду со словами о раскаянии немало и таких политиков, кто говорит: молодое поколение японцев в войне не участвовало, поэтому причин для раскаяния у современных японцев нет. Или, говоря правильные слова осуждения войны и приверженности миру, они тем не менее посещают храм Ясукуни. Как вы знаете, храм Ясукуни считается местом упокоения душ всех японских воинов, в храме Ясукуни покоятся останки 14 главных военных преступников класса А, осуждённых Токийским трибуналом. Но в 2001-2006 годах этот храм посещал неоднократно и демонстративно премьер Коидзуми Дзюньитиро, посещает его и нынешний премьер Японии Абэ Синдзо. При храме действует музей Юсюкан, где ведётся откровенная пропаганда милитаризма. Экспозиция и кинохроника рассказывают о борьбе Японии якобы за создание «сферы сопроцветания в Азии», китайские патриоты, боровшиеся против захватчиков, здесь называются «террористами», на кадрах хроники о событиях декабря 1937 года в Нанкине, где как раз совершилась известная всему миру «нанкинская резня», нет никаких упоминаний о резне, зато показано, как японские солдаты угощают супом каких-то китайских детей и стариков. В школьных учебниках истории вместо «агрессия в Азии» пишут «продвижение в Азию». И так далее.

Не удивительно, что в Китае и других азиатских странах, пострадавших от японской агрессии, заявления японских политиков о раскаянии часто вызывают недоверие. Японские политики на словах говорят одно, а на деле исповедуют другое.

Такие исторические факты как вторжение в Китай в 1931 году и расширение агрессии в 1937 году, резня гражданского населения в Нанкине и Шанхае, чудовищные опыты над людьми с целью разработки бактериологического оружия, массовые изнасилования женщин и эксплуатация их в роли «женщин комфорта»

неопровержимо разоблачают историческую правду о политике японской империи в прошлом.

Правда служит предостережением против любых попыток оправдывать политику японской империи и пытаться восстановить её институты, традиции в старом или каком-либо новом обличьи.

Вот почему консервативные силы Японии идут на фальсификацию истории, не желают признавать прошлые преступления японской военщины.

Вопрос: В отличие от Германии, которая полностью признала свою вину и выплатила огромную сумму компенсации, Японии ведет себя иначе. Какие обстоятельства оказали влияние на формирование столь разных подходов в оценке исторического прошлого?

А.Н.: Действительно, наблюдается значительная разница между этими двумя государствами в понимании своей исторической ответственности за преступления фашистских и милитаристских режимов.

Германия признала и осознала свою вину перед другими народами, немецкий народ в массе своей пережил чувства раскаяния. Поэтому, к примеру, в Германии по закону от 1985 г. отрицание холокоста, т.е. политики истребления еврейского этноса наказывается 5 годами тюремного заключения. 95% немцев считает Гитлера не героем, а чудовищем. Преступления нацистов осуждаются в литературе и кинематографе. Даже на бытовом уровне присутствует осуждение нацизма: в Германии избегают носить одежду тёмно-коричневого цвета – это был в годы диктатуры популярный цвет у немецких нацистов, цвет формы штурмовиков.

В Японии, как уже говорилось ранее, ситуация в оценке прошлого сильно отличается. Причины подобной ситуации вероятно в

том, что процесс избавления от милитаристского, нацистского прошлого проходил в Японии и Германии в разных политических условиях.

Германия была оккупирована в 1945 г. четырьмя державами – СССР, США, Британия, Франция. При этом в те годы решающую роль Советского союза в разгроме Германии никто не оспаривал. СССР в 1945 г. обладал самой мощной на континенте армией, и эта армия стояла в Германии. И в других европейских странах наблюдался мощный антифашистский демократический подъём. Антифашистским сопротивлением европейских народов как правило руководили коммунистические партии. Благодаря влиянию социалистического государства СССР и демократическому народному подъёму в Европе, в Германии удалось более-менее последовательно провести демократические преобразования, очистить власть от представителей нацизма и фашизма, дать возможность немецкому народу приступить к строительству социализма в Восточной Германии. Всё это предопределило более-менее последовательную демилитаризацию и денацификацию Германии.

Другое дело – Япония. Решающий вклад в разгром японской армии внёс, как известно, китайский народ. Именно китайский народ долгих 8 лет с 1937 года по 1945 г. вёл тяжёлую войну сопротивления японской агрессии, и он понёс величайшие жертвы – погибло около 10 млн. человек, а всего пострадало от войны около 38 миллионов человек. В результате этой борьбы китайский народ долгие восемь лет сковывал огромную японскую военную машину, помогая СССР и США, Британии на других фронтах, и в конечном итоге одержал победу в японо-китайской войне. Победа китайского народа явилась ценным вкладом в общую победу миролюбивых народов во второй мировой войне.

На заключительном этапе войны в августе-сентябре 1945 г. на помощь китайскому народу пришла Красная армия. СССР разгромил находившуюся в Маньчжурию миллионную группировку японских войск – Квантунскую армию. И тем самым оказал важную помощь китайскому народу. Вот почему в этом году народы России и Китая вместе празднуют 70-летний юбилей той великой всемирно-исторической победы, нашей общей победы. В Москве на параде победы 9 мая присутствовал председатель КНР Си Цзиньпин, а в сентябре на торжествах победы над милитаристской Японией в Пекине обещал присутствовать президент Путин.

Тем не менее, в 1945 г. честь и счастливый случай поставить последнюю точку, сказать последнее слово в разгроме Японии выпала не Китаю и СССР, а США. США разгромили военно-морские силы Японии, и именно американские войска вошли на территорию Японии и взяли страну под свой контроль. Китай и СССР свои войска в Японию вообще не вводили.

Так сложилось, что США стали единолично управлять Японией. Сначала они управляли как представитель всех держав-победителей, но вскоре они перестали учитывать мнение союзников. Это обстоятельство predetermined, что процесс демилитаризации Японии, осуждения имперского прошлого, чистки государственного аппарата был сильно ограничен. А вскоре его сменил «обратный курс», когда США взяли курс на втягивание Японии в противостояние с социалистическими государствами – КНР и СССР.

Внешняя политика Японии стала зависимой исключительно от воли и политики США в Азии. А возможности для равноправного и взаимного сотрудничества Японии со всеми её соседями и тем самым упрочения суверенитета Японии были ущемлены.

И сегодня мы видим продолжение той политики. Япония всё более глубоко втягивается в стратегию американского военного

присутствия и доминирования в Восточной Азии и на западе Тихого океана.

Так зарождалась и развивалась политика ремилитаризации Японии, а вместе с нею и политика фальсификации истории, оправдание, более или менее явное, прежней имперской политики Японии.

Зависимость Японии от США не способствовала укреплению пацифистских, добрососедских тенденций в политике Японии. А в исторической науке, исторических оценках эта односторонняя зависимость поощряет фальсификации, сокрытие и искажение правды.

Вопрос: За 70 лет Япония так и не раскаялась в военных преступлениях. Некоторые эксперты считают, что пока Китай был относительно слабой и малоразвитой страной, Япония не стала раскаиваться, так как признание в собственной ошибке—не в традициях японской культуры. Вопрос в том, что Китай уже стал второй экономикой мира и является важной силой и в регионе, и в мире в целом. Однако Япония так и не изменила свое отношение к истории, наоборот, постоянно бросает вызовы своим соседям: например территориальные споры вокруг островов Дяоюйдао. Как Вы считаете, почему?

Объективное положение Японии и в прошлом (70 лет назад), и в настоящем заключает в себе возможность разных вариантов национального развития для Японии, различных национальных стратегий в мировом и региональном сообществе народов.

Япония в послевоенный период реализовывала только один вариант стратегии – это ориентация на военно-политический и экономический союз с одной державой – США, следование США в статусе вассального или полу-вассального государства.

Но проблема этой стратегии в том, что США и в прошлом, и в настоящем стремятся реализовать в глобальном масштабе доктрину однополярного мира, построить такой глобальный порядок, в котором США имеют статус государства-гегемона, так сказать «мирового жандарма», а все остальные будут вынуждены уступать и подчиняться им. Подобная стратегия неизбежно ведёт к конфликтам с другими странами, ибо все страны стремятся к защите своего суверенитета и равноправному международному сотрудничеству. Поэтому и Япония, когда она слепо следовала политике США, неизбежно получала конфликты, противоречия со своими соседями в регионе.

Но история предлагает Японии и другой вариант национальной стратегии, а именно – многополярная дипломатия, причём как на глобальном, так и на региональном уровне. Не ставить себе гегемонистских целей, не поддерживать гегемонистские устремления других, а укреплять и расширять собственный суверенитет путём налаживания многосторонней внешней политики, проведения сбалансированного курса среди других государств, укреплять гарантии мира, наращивать деловое партнёрство, поддерживать со всеми отношения добрососедства, доверия и уважения. Словом, проводить политику строительства многополярного мира у себя в регионе и на мировой арене – вот стратегия, которой Япония так и не последовала в послевоенный период.

Актуальность для Японии задачи перехода к многосторонней, сбалансированной политике ныне становится особо очевидной. Некогда слабые и отсталые государства Китай и Корея добились ныне выдающихся успехов в своём экономическом, технологическом, политическом развитии. Рост богатства и мощи Китая, формирование всеобъемлющего стратегического партнёрства КНР и России делают японскую политику слепого следования доктрине однополярного мира нелепым анахронизмом.

И если Япония последует курсу многосторонней дипломатии, ей придётся конечно в первую очередь урегулировать многочисленные территориальные споры со своими соседями – с Китаем, с корейскими государствами, с Россией. И тем самым убрать препятствия для сотрудничества со всеми своими соседями.

Давать государствам и политикам конкретные рекомендации, где и как следует уточнить прохождение справедливых государственных границ, – было бы для нас излишне смелым, самонадеянностью. Тем не менее, мы можем судить о том, какой подход к этим проблемам мог бы быть плодотворным, способствовать созданию атмосферы мира, сотрудничества, доверия и взаимоуважения в регионе.

Если мы посмотрим на историю возникновения территориальных разногласий Японии со своими соседями, то увидим, что они все возникли по причине проводившейся в прошлом политики агрессии и колониальных захватов. Если бы японская империя в прошлом не нарушала границы, не захватывала чужих территорий, то сегодня этих проблем просто не существовало бы. К примеру, проблема островов Дяоюйдао – это наследство японо-китайской войны 1894-95 гг, захватнической войны Японии в 1937-45 гг. и последовавшей американской оккупации. Таким образом, сегодня просто взрываются мины, поставленные японской империей сто лет назад.

Вот почему, я считаю, лидеры Японии должны проникнуться сознанием исторической ответственности их страны за возникновение и решение этих проблем. Япония должна принять на себя ответственность за урегулирование всех территориальных споров, проявить инициативу и готовность к урегулированию проблем на основе уступок, компромисса, и безусловно мирным образом. Эти

проблемы – наследство японской империи, политики милитаризма и колониализма, и это наследство должно быть преодолено.

То же самое касается и вопроса о денежных компенсациях людям, пострадавшим от Японии в годы японской агрессии. Без урегулирования всех претензий от граждан стран, пострадавших в годы войны, Япония не сможет восстановить отношения добрососедства в регионе, вернуть себе чувства доверия и уважения со стороны других.

В заключение я подчеркну, что сегодняшняя Япония во многом была сформирована теми событиями и решениями, которые имели место 70 лет назад. Многие сложные проблемы и трудности современной Японии – это наследство порочной политики довоенной империи, милитаристской политики. Но общая победа держав-миротворцев, установивших мир в Восточной Азии и на Тихом океане – США, Китая, СССР, Британии – открыла перед японским народом возможность жить в мире со всеми народами, со всеми соседями. Важно, чтобы Япония воспользовалась до конца всеми благоприятными возможностями той великой победы.